

183

6

499

ФРАНКО

80183

13

«БИБЛИОТЕКА ПОЭТА»

ОСНОВАНА М. ГОРЬКИМ

МАЛАЯ СЕРИЯ

1941

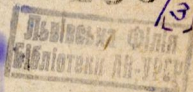
СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ • ЛЕНИНГРАД

ИВАН ФРАНКО

СТИХОТВОРЕНИЯ

В переводах русских поэтов
под редакцией Вс. Рождественского
Редакция текста,
вступительная статья и примечания
И. Я. Айзенштока

80183

1941

СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ · ЛЕНИНГРАД

27/XI.47

13644

~~499 ф~~

Львівська бібліотека
АН УРСР

Львівська бібліотека
АН УРСР
№ 31 889

IV
ф/с-808

8(c)Уч 18 (092)

ИВАН ФРАНКО

1

Сам Франко называл себя «хлопским сыном». И это было для него не только паспортной приметой, но программным определением всего его творческого пути, который им неразрывно связывался с развитием творческих сил украинского народа и в первую очередь — всей массы забытых и отсталых западноукраинских крестьян. В то же время Франко решительно протестовал против всяких «скидок на происхождение», против попыток идеализации его пути — «из-под соломенной крыши к вершинам творчества».

В автобиографических записях он указывал, что родился 15 августа 1856 г. в селе Нагуевичи Дрогобычского уезда в семье зажиточного крестьянина-кузнеца; мать его происходила из общинавшего шляхетского рода. Шести лет мальчик начал посещать сельскую школу, по окончании которой отец отдал его в Дрогобычскую немецкую, так называемую «нормальную» школу. В начале 60-х годов прошлого столетия дети украинских крестьян в городских немецких или польских школах были явлением редким. Франко

впоследствии вспоминал, как он, по-мужицки одетый, боязливый, робкий мальчик, в течение целого года бывший посмешищем в классе и достаточно натерпевшийся от некоторых бесчеловечных учителей, в конце первого года учения, к большому удивлению всего класса и своему собственному, получил первую награду. Впечатления этих лет жизни и ученья были впоследствии отражены в цикле автобиографических рассказов о «маленьком Мироне» («Маленький МIRON», «Карандаш», «Борис Граб», «Schön schreiben», «Отец-юморист», «Горчичное зерно» и др.).

«Школьного учения, — вспоминал Франко, — я не любил и обычно другие побивали меня внимательностью и аккуратностью, даже те, кто без меня не мог выполнить письменного задания или уяснить трудного места у немецкого, латинского или греческого автора». Зато все свое время Франко отдавал самостоятельному чтению, выйдя далеко за пределы гимназических программ. «В старших классах гимназии, — пишет он, — я с жаром накинусь на чтение всякой всячины: Шекспир, Шиллер, Клопшток, Красицкий, Гете, Эжен Сю, Коцебу, Песня о Нибелунгах, Красинский, Мицкевич, Словацкий и т. п.». Франко, перечитав все, что мог найти в гимназической библиотеке, все, что мог получить со стороны — от преподавателей, с шестого класса начал собирать собственную библиотеку, в которой к концу гимназического курса были собрания сочинений Шиллера, Клопштока, Шекспира, отдельные тома Диккенса, Гейне, Жан-Поля, Гете, Гюго и других классиков.

В гимназии проявился также интерес Франко к родной украинской литературе, к украинскому фольклору. Ни ранняя драма Костомарова «Переяславська ніч», ни галицкий сборник «Русалка Дністрова», считающийся родоначальником галицко-украинской литературы, не произвели на него никакого впечатления. Он, по собственному признанию, «не понял ни языка, ни вещи». Зато «Кобзарь» Шевченко Франко выучил почти целиком. Несколько позже познакомился Франко с произведениями Стороженко, Марко-Вовчка, Кулиша, Руданского, Панаса Мирного, утвердившими его интерес к украинской литературе, к творчеству украинского народа. «Еще в младших классах гимназии, — вспоминал он, — я начал собирать народные песни, сперва от моей матери, а потом и в Дрогобыче расспрашивал сведущих людей (ремесленников и т. п.), так что скоро имел две мелко исписанные толстые тетради, вмещавшие восемьсот номеров, — правда, по большей части коломыек».

К периоду пребывания в гимназии относятся первые литературные опыты Франко. К концу гимназического курса он написал уже много оригинальных произведений — любовные стихи, драмы и поэмы, но главным образом работал над переводами. Он перевел Софокла «Антигону» и «Электру», отрывки из библии, несколько песен «Нибелунгов», две песни «Одиссеи», два первых акта «Уриеля Акосты» Гуцкова, «Краледворскую рукопись» и др.

В 1874 г. — в последний год пребывания в гимназии — два стихотворения Франко «Народная

песня» и «Моя песня» появились в львовском студенческом журнале «Друг» под псевдонимом Джеджалик.

В 1875 г. Франко окончил гимназию, переехал во Львов и поступил на филологический факультет Львовского университета; одновременно он приобщился к оживленной общественно-литературной жизни львовского студенчества. «Вступив во Львове в «Академический кружок», — говорит Франко в автобиографической записке, — я неожиданно очутился в гуще споров языковых и национальных, которые для меня были до тех пор почти совершенно чужими и непонятными; поэтому я сразу не смог ориентироваться в них и долго колебался то в одну, то в другую сторону».

Вступление Франко в студенческую среду совпало с появлением знаменитых «Писем» М. Драгоманова к галицкой молодежи. Слабый теоретик и путаный политик, Драгоманов в 60—70 гг. сыграл положительную роль в общественной жизни Украины.

Как сообщал позднее Франко Драгоманову, под впечатлением этих писем он «набросился на чтение Золя, Флобера, Шпильгагена»; еще прежде были прочитаны — «с увлечением» — произведения Льва Толстого, Тургенева и Помяловского, затем — Чернышевского, Герцена. Мировоззрение Франко развивалось так быстро, что, например, начало и конец написанной в то время первой большой повести «Петрии и Довбошуки», печатавшейся в львовском студенческом журнале «Друг» в 1875—1876 гг., принадлежат к совершенно раз-

личным творческим манерам: если начало повести сделано, по собственному признанию автора, «под впечатлением фантастических рассказов Т. А. Гофмана», то заканчивалась повесть под совершенно противоположными стилистическими и идеологическими воздействиями — реалистически; в заключение повести был затронут злободневный в то время поднятый Драгомановым вопрос об организации народных читален и сельскохозяйственных союзов.

При всем том и Франко и большинство его товарищей были далеки в то время от активной политической деятельности.

Арест в июне 1877 г. был для Франко совершенно неожиданным, как и последовавший затем судебный процесс по обвинению всей редакции «Друга» (к которой принадлежал и Франко) в социалистической пропаганде и организации тайного общества.

«Бестолковый процесс, — писал Франко впоследствии, — который свалился на меня как кирпич на голову и который закончился моим осуждением, хотя у меня за душой не было и тени приписывающегося мне греха (ни тайных обществ, ни социализма; я был социалистом по симпатии, как мужик, но далек был от понимания, что такое социализм научный), — был для меня страшным и тяжелым испытанием. Девять месяцев, проведенных в тюрьме, были для меня пыткой. Со мною обращались, как с обыкновенным преступником, я сидел вместе с ворами и бродягами, которых в одной камере со мною бывало по четырнадцать-восемнадцать, меня переводили из

камеры в камеру, сопровождая это непрерывными обысками и придирами (это, видите ли, за то, что я «писал», то есть записывал на случайно добытых лоскутках бумаги случайно добытым карандашом песни и рассказы из уст союзников либо свои стихотворения). Несколько недель я просидел в такой камере, где было только одно окно, а содержалось двенадцать человек, из которых восемь спали на нарах, а четверо — под нарами из-за отсутствия места. По протекции, ради свежего воздуха, союзники уступили мне «самое лучшее» спальное место — под окном против дверей; а так как окно из-за духоты должно было быть открыто день и ночь и в двери сквозило, то я каждое утро пробуждался с головой, засыпанной снегом. Однако не самая тюрьма была для меня тяжчайшим испытанием: приговор уголовного суда и особенно то, с чем я затем столкнулся, — во стократ более тяжелый и несправедливый приговор всего общества, вынесенный нам, — страшно угнетал меня».

Приговор же, вынесенный Франко и его товарищам «обществом», т. е. все той же галицкой интеллигенцией, был поистине жесток: юношу, правда, не исключили из университета, дали ему возможность закончить курс, хотя и без всякой надежды на какую бы то ни было государственную службу, но зато перед ним закрылись двери всех общественных учреждений, библиотек. Эти меры воздействия имели целью смирить непокорных, заставить их отречься от «вредной» драгомановской «ереси», возвратиться в лоно галицкого обывательского «покоя».

Однако у Франко хватило мужества и силы противостоять потоку лжи, клеветы и лицемерия. Впервые проявилась основная черта его характера — способность идти по избранному пути, не взирая ни на какие препятствия. Попав в тюрьму, по собственному признанию, человеком весьма далеким от понимания социализма, Франко выходит из нее убежденным социалистом-пропагандистом. В основанном им, совместно с товарищем по процессу М. Павликом, журнале «Громадський друг» («Друг общества»), который вследствие беспрестанных конфискаций почти с каждым номером менял свое название, становясь то «Дзвоном» («Колоколом»), то «Молотом», — Франко печатает переводы статей Ф. А. Ланге о рабочем вопросе, А. Шеффле «Что такое социализм?» и собственные статьи, направленные против суеверного страха галицкого общества перед «нигилизмом» и социализмом.

Отдельной брошюрой на польском языке Франко выпускает в 1878 г. популярное изложение основных принципов социализма, а несколько позже — в 1881 г. — вместе с двумя товарищами составляет «Программу галицких социалистов».

Одновременно Франко продолжает университетские занятия и много пишет. Кроме ряда оригинальных и переводных стихотворений, среди которых отметим программные «Каменотесы» («Каменярі»), им написаны в это время несколько новелл из быта рабочих на бориславских нефтяных предприятиях и большая повесть «Воа Constrictor» (1878), где в образе змеи-удава персо-

нифицирован капиталистический строй, душащий и убивающий рабочих. Наконец, вместе с несколькими товарищами он организует издательство «Маленькая библиотека» («Дрібна бібліотека») и в течение двух лет выпускает четырнадцать книжечек. Здесь и сборничек стихотворений ряда крупнейших европейских поэтов (в переводах Франко) — Гете, Гейне, Лермонтова, Фрейлиграта, Томаса Мура, Шелли; здесь и статьи Добролюбова и Писарева с предисловиями Франко, здесь и книжки переводов Байрона и Золя, сделанные также при участии Франко.

Все это, усиливая «неблагонадежность» Франко в глазах галицкой администрации и галицких обывателей, явилось причиной второго ареста Франко и дальнейших его житейских мытарств.

Этот второй арест произошел в марте 1880 г., когда Франко, с целью поправить несколько свои материальные обстоятельства, поехал в деревню в качестве учителя, на «кондиции». Франко был арестован и вместе с несколькими товарищами «пришпилен» к одному из процессов против социалистов. «Нас продержали три месяца, — рассказывал Франко, — и выпустили, а меня специально, как не проживавшего в данном уезде, велено было доставить под полицейским конвоем на место рождения. Этот транспорт по полицейским этапам в Коломые, Станиславове, Стрые, Дрогобыче относится к наиболее тяжелым моментам в моей жизни. Уже в Дрогобыч я приехал с очень высокой температурой. Здесь меня запроторили в дыру, описанную в моей новелле «На дне», а оттуда в тот же самый день (по протек-

ции) отправили с полицейским пешком в Нагуевичи. По дороге нас застал дождь и промочил до нитки. Я схватил сильную лихорадку, прожил неделю дома, в очень скверных условиях, возвратился в Коломыю, прожил там ужасную неделю в гостинице, написал повесть «На дне» и на последние деньги отправил ее во Львов. Затем жил три дня на три гроша, найденных над Прутом в песке, а когда и их не стало, заперся в своей комнате в гостинице и лежал полтора дня в лихорадке, голодный, ожидая смерти, бессильный, разуверившийся в жизни. Один из моих союзников, посланный Геником (товарищем и также союзником Франко. И. А.), спас меня от голодной смерти. Я еще раз поехал в Дрогобыч, получил свой паспорт и возвратился в Коломыю, а затем пешком пошел в Березов, где в гостеприимном доме Геников прожил несколько недель, лечась от лихорадки и гуляя на свежем воздухе... Но я недолго смог отдыхать в Березове. О моем пребывании узнал коломыйский староста и приказал жандармам доставить меня в Коломыю, а так как у меня не было денег на телегу, то жандарм погнал меня, еще больного, пешком. Тяжелая это была дорога, после которой у меня сошли ногти на пальцах обеих ног. Староста очень обозлился, увидев у меня паспорт, но должен был выпустить меня на свободу и только написал в львовское наместничество просьбу запретить мне пребывание в Колумыйском уезде, что наместничество и сделало. Я не стал дожидаться второго принудительного путешествия по этапу и

уехал в Нагуевичи, откуда осенью снова возвратился во Львов и снова записался в университет».

Мы привели рассказ самого Франко об этом эпизоде почти без сокращения, так как он чрезвычайно выразительно характеризует и самого рассказчика и в особенности отношение к нему тогдашнего галицкого «общества», испуганного все расширявшейся социалистической пропагандой. Вопрос о социализме Франко нуждается в некоторых комментариях: В конце 70-х — начале 80-х годов Франко изучает произведения основоположников научного социализма Маркса и Энгельса: читал «Капитал», только что появившийся «Анти-Дюринг», планировал в издаваемой им «Дрібній бібліотеці» специальные выпуски, посвященные «Началу и развитию капиталистической продукции» (по Марксу), «Началу и основе социализма» (по Энгельсу). Однако изучение трудов основоположников марксизма сочеталось у Франко с одновременным изучением работ различных представителей реформистского социализма. Кроме того, надо учесть, что, даже задумав познакомить галицкую публику с основами учения Маркса, Франко пользуется не только первым томом «Капитала», но и изложением его у сербского социалиста Светозара Марковича и комментариями Чернышевского к «Политической экономии» Милля.

В начале 80-х годов Франко выступает с двумя большими повестями из крестьянской жизни — «Борислав смеется» и «Захар Беркут». Познавательная ценность «бориславских рассказов» заключалась в реалистическом разоблачении капита-

листической системы. Показывая жестокие условия существования галицкого крестьянства, Франко приходит к выводу о необходимости поднятия культурного уровня масс для того, чтобы превратить стихийный протест против угнетателей народа в организованную борьбу и как можно скорее сделать для народа возможным усвоение социалистических теорий. В выводах Франко не было народнической идеализации крестьянской общины. Демократ и материалист, Франко был охвачен страстным желанием изменить существующие классовые отношения, хотя он и шел к этой цели сложными путями. Деятельность Франко можно сравнить с деятельностью революционных просветителей Чернышевского и Добролюбова, отличительными чертами которых являлась глубокая ненависть к крепостному режиму и искренняя защита интересов трудящихся. Эта характеристика просветительства полностью совпадает с существом деятельности Франко.

3

Между тем жизненные обстоятельства складывались для Франко все тяжелее. Аресты создали вокруг него и его товарищей атмосферу молчаливого бойкота, пресекавшего все попытки добиться работы. Оставалось одно — возвращаться в родное село, «садиться на землю», что сопряжено было с большими материальными трудностями, так как произведенный семейный раздел земли между братьями и сестрой Франко не учитывал одного из братьев, Ивана, пошедшего по иной до-

роге. Поселяясь у родных, Франко с болью отчетливо понимал, что является для них тяжелой обузой. Сознание невозможности развернуть в полной мере свои силы доводило его подчас до отчаяния.

«Как жить, чем жить? — восклицал он в письме к одному из товарищей — М. Павлику (январь 1881). — Для сельскохозяйственной работы у меня, как вы знаете, мало сил и совсем нет навыков... А жить где-нибудь в городе — чем?.. Писанием повестей? Но ведь за них никто не платит. Ведь с тех пор, что я живу теперь во Львове, у меня уже есть более ста гульденов долга, да и то я живу как собака, в нетопленной комнате, на картошке и капусте, и притом на счет дворника... Чтобы иметь какой-либо литературный заработок, нужно 1) чтобы у нас была литература, то есть, чтобы была публика, читающая и покупающая книги и газеты, и чтобы исчезла граница между Галицией и Украиной, а это, как видите, далекая история, 2) нужно в этой будущей литературе завоевать себе также место, чтобы не писать статей и повестей напрасно, на съедение мышам. Страшно подумать, какая машина должна прийти в движение, чтобы мог двигаться также человек, одно маленькое колесико».

Все же приступы отчаяния не приводили Франко в состояние безвыходности; в нем жил дух подлинного борца-демократа, упорно шагавшего к намеченной цели. Препятствия не только не обезоруживали его, но придавали ему новые силы. Он борется с нуждой и лишениями, продолжает работать, несмотря ни на какие трудности.

Произведения Франко, написанные в начале 80-х годов, обратили внимание читающей публики на молодого писателя. Новелла «На дне», переведенная на немецкий и польский языки, открыла Франко возможность печататься в немецкой и польской прессе. В 1881—1882 гг. вместе со своим товарищем И. Белеем Франко издает ежемесячный журнал «Світ», в котором, кроме повести «Борислав смеется», он опубликовал большое количество стихотворений, оригинальных и переводных, а также ряд научных статей.

К литературному конкурсу, объявленному журналом «Зоря», Франко написал повесть «Захар Беркут» (1883), которая не только принесла ему некоторые, правда, крайне незначительные, средства (Франко получил за повесть в десять-двенадцать печатных листов всего-навсего пятьдесят гульденов, то есть сорок рублей!), но и открыла ему путь в игнорировавшую его галицкую прессу. Франко приходилось соглашаться на всякий заработок, откладывая в дальний ящик работы и планы, особенно его интересовавшие. Замысел создания истории украинской литературы оставался неосуществленным, ибо не было возможности поехать на Украину для собирания материалов.

Особенно тягостным для Франко было сознание бесперспективности своего писательского пути. В галицкой прессе Франко имел возможность выступать лишь как автор рецензий, обзоров, научно-популярных работ. Это не могло не волновать Франко, справедливо усматривавшего в подобном отношении дискредитацию его как писателя.

Единственным выходом и самому Франко и его товарищам представлялось создание собственного журнала. В поисках возможностей Франко дважды, в 1885 и 1886 гг., побывал в Киеве, пытаясь сговориться с украинской общественностью (так называемой «Киевской громадой») о материальной поддержке задуманного журнала «Поступ» («Прогресс»). Поездки эти доставили писателю большое моральное удовлетворение, показав его известность среди украинских читателей, все возраставшую, несмотря на политические кордоны и цензурные рогатки. Однако из затеи издания журнала ничего не вышло: для большинства киевских «громадян» демократизм Франко был своего рода «жупелом»; уже обещанных было денег Франко не получил. К этому прибавилась еще новая неприятность. Несмотря на то, что Франко согласился даже на предварительную цензуру его редакторских суждений представителями «народовців», в руках которых находился журнал «Зоря», последние не постеснялись взвалить на него ответственность за напечатанные стихотворения С. Руданского и рецензии Б. Гринченко, вызвавшие в реакционных кругах упреки в безнравственности, и Франко должен был оставить место редактора. Окруженный атмосферой враждебности и недоверия, Франко и его семья остались буквально без куска хлеба. В течение десяти лет (1887—1897) Франко был вынужден работать преимущественно в польской радикальной газете «Kurjer Lwowski», ведя там обще-

ственно-политическую хронику и время от времени печатая свои беллетристические произведения на польском языке. Несколько позже он стал сотрудничать также в других польских (варшавских, петербургских) и в немецких газетах. Только изредка его имя появлялось в русской и галицкой прессе. Упорно, с полной верой в свои силы, в правоту своего дела Франко боролся с лишениями и невзгодами, урывая малейшую возможность для художественного творчества, для издания своих произведений.

В таких условиях были созданы две большие книги Франко, утвердившие за ним славу замечательного писателя, демократа и художника. Это были сборник стихов «З вершин і низин» (1887) и сборник прозы «В полі чола» (1890); в 1893 г. первый сборник вышел новым, значительно дополненным изданием, явившись итогом первого двадцатилетия поэтической деятельности Франко.

Сам писатель, впрочем, смотрел на свой сборник весьма критически и расценивал его лишь как определенный этап развития — не только своего лично, но и всей западноукраинской литературы. «Многое из того, что за это время было мною напечатано, — отмечал он в предисловии, — недостойно теперь даже прочтения, не только перепечатки. Каждому, кто следил за развитием галицко-украинской литературы за эти двадцать лет, будет ясно и без долгих слов, что иначе и не могло быть с произведениями человека, вышедшего на литературное поприще молодым и несовершеннолетним и впоследствии вместо доброго

совета и поучения слишком часто встречавшего болезненные удары, цинические насмешки, а чаще всего — тупой индифферентизм и грубое невежество».

Летом 1889 г., в результате доноса, а больше для того, чтобы запугать народ перед близкими выборами, австрийское правительство сделало нажим на свободомыслящие элементы Восточной Галичины. Был арестован Франко и его товарищи, а также группа киевских студентов, приехавших в Галицию на вокации. Продержав в тюрьме три месяца, арестованных выпустили на свободу, не предъявив им никакого обвинения, не объяснив причин ареста.

«Меня самого, — писал Франко Драгоманову вскоре после освобождения (23 ноября 1889 г.), — тюрьма на этот раз страшно угнетала. Я думал, что сойду с ума, хотя сам не знал, что именно тяготит меня. В тюрьме я целыми днями ни с кем не говорил ни слова». Результатом этого третьего тюремного заключения явился ряд поэм, написанных на основе рассказов евреев-арестантов: повесть «До світла» (К свету), а также большой цикл «Тюремных сонетов», с особой выразительностью передающих настроения и думы поэта.

На отношениях Франко с галицким «обществом» арест этот отразился мало, значительно меньше, пожалуй, нежели рассчитывало правительство: с одной стороны, арест не мог усилить

представления о неблагонадежности писателя, особенно после безоговорочного освобождения, с другой стороны — вскоре после выхода Франко на свободу появился сборник его повестей и рассказов «В поті чола», подтвердивший его репутацию наиболее значительного писателя Западной Украины.

В этой книге Франко с большой последовательностью осуществлял свой основной творческий принцип: «литература должна быть по возможности верным изображением жизни, однако не мертвой фотографией, а картиной, согретой собственным чувством автора, вдохновленной глубокой идеей».

Вот почему успех сборника прозы Франко явился не только его личной радостью, его личным достижением, но и торжеством его творческого метода. Критика, правда, отмечала недостатки сборника, но самые формулировки этих «недостатков» легко обнаруживают характер основных тенденций творчества Франко. Весьма примечателен, например, упрек одного из критиков в том, что, «за отдельными исключениями, перед нами встают не украинцы-галичане, но просто люди». Тот же критик пишет: «Изображая галицкую жизнь, Франко берет из нее лишь те черты, которые нужны ему для проведения идеи». И дальше следует признание, сводящее, в сущности, к нулю эти упреки: «Правда, иногда неожиданно и у него прерывается общий тон, в рассказ врывается какая-то очень симпатичная черта, истинно народная, — врывается дополнительная украинская подробность, так что и ми-

нуты нельзя усомниться в том, что перед нами наш брат «хохол», с его особенностями, с его, например, природным юмором» («Зоря», 1891, стр. 77).

Сам критик склонен объяснить это тем, что здесь бытовизм насильно прорывается сквозь преграды, воздвигнутые для себя писателем в угоду нарочитой и предвзятой тенденции.

Более существенно для Франко было указание другого критика на ограниченность круга наблюдений и описаний только жизнью, бытом «простого народа», то есть крестьянства и рабочих. «Прочитайте повести и наброски Франко, — писал критик, — найдете там самые разнообразные типы, преимущественно сельские. Богатые и бедные хозяева, работающие на селе и занимающиеся отхожими промыслами, ремесленники, рабочие, воры, нищие, арестанты; домашние тираны женщин и детей, грозные матери и свекры, угнетенные дочери, невестки и батраки; мужья, молодежь и дети-школьники; старосты, заседатели, арендаторы, сельские консерваторы и сельские философы; сельские учителя, жандармы, всевозможные господа и полугоспода; цыгане, различные типы евреев и евреек: все это вертится перед вашими глазами, будто в калейдоскопе» («Народ», 1890, стр. 332).

В дальнейшем, сохраняя свою основную тематику, Франко расширяет диапазон своих наблюдений, черпая темы также из жизни как старой, так и молодой прогрессивной украинской интеллигенции.

Сборник «З вершин і низин» и В поті чола» подытожили длительный и плодотворный период формирования творчества Франко, окончательно утвердили его значение как одного из наиболее значительных украинских писателей, а для Галиции — вождя прогрессивной демократической и реалистической литературы. С этим должны были считаться и враждебно настроенные по отношению к писателю круги.

Показательно в этом отношении присуждение Франко премии на драматическом конкурсе в 1893 г. за пьесу «Украденное счастье», несмотря на то, что конкурсная комиссия, составленная из идейных противников писателя, естественно, не могла отнестись с должным беспристрастием к этому произведению Франко. «Украденное счастье» знаменует в творчестве Франко, правда, непродолжительный, но довольно плодотворный период увлечения театром и драматургией. В течение нескольких последующих лет Франко написал и перевел около десятка пьес, которые, по его словам, «имели сценический успех повсюду там, где были хорошо сыграны».

В обращении Франко к драматургии немалую роль сыграло то обстоятельство, что театр в течение ряда десятилетий был едва ли не наиболее слабым и отсталым звеном в культурной жизни Западной Украины. Оперетка, примитивная мелодрама и историческая драма с весьма подозрительными тенденциями — таков был репертуар того времени, а западноукраинское крестьянство театра почти вовсе не знало. Немало-

важной заслугой Франко явилась кампания в печати за повышение украинской театральной культуры и за создание украинского народного театра.

Франко написал ряд пьес, продолжая в них линию правдивого, реалистического показа жизни народа («Украденное счастье», «Рябина»), положения интеллигенции среди народной массы («Учитель»), жизни мелких ремесленников («Мастер Черняк»). Одновременно Франко боролся с псевдоисторической, реакционной драматургией. В драме «Сон князя Святослава» он дает исторический материал в фольклорном его преломлении; фольклорные мотивы пронизывают также и драматический этюд «Каменная душа».

Разнообразие и обширность литературных занятий Франко не заглушили в нем интереса к научной работе, проявившегося, как мы видим, еще в университете. Тяжелые материальные обстоятельства не позволили ему в свое время сдать необходимые экзамены за университетский курс да и позднее — в продолжение 80-х годов — он лишь изредка и случайно урывал возможность выступать в печати с историко-литературными статьями. В начале 90-х годов Франко решительно принялся за подготовку к докторским экзаменам и диссертации, избрав для этого Венский университет, и работая там под руководством знаменитого слависта акад. В. Ягича. В 1894 г. Франко с отличием защитил диссертацию об украинском писателе-полемисте XVI века Иване Вишненском и получил степень доктора философии. Однако кафедры украинской литера-

туры в Львовском университете Франко не получил, несмотря на то, что совет университета допустил его к вступительной лекции, проведенной им блестяще. Наместник Галиции, граф Казимир Бадени, под влиянием реакционных кругов, избрания Франко приват-доцентом университета не утвердил, мотивируя это политической неблагонадежностью кандидата. «Объединенной коалиции правительственных сфер с «правоверными» украинцами, — иронически вспоминал об этом Франко, — удалось спасти Украину от такого несчастья, каким, без сомнения, явились бы мои лекции. «Побойтесь бога, как можно этого человека пустить в университет! Посмотрите только, в каком сюртуке он ходит!» Так квалифицировал мою кандидатуру брат-украинец — тот самый, который за свою патриотическую службу для блага Украины и Австрии получает шесть или семь окладов жалованья. Очевидно, что перед таким аргументом моя кандидатура в приват-доценты должна была отпасть, а мотив «politisches Vorleben» (политическое прошлое) лишь вежливо прикрывал действительную причину...» («Niесо о зобіе samyn»).

Несмотря на потерю кафедры, Франко не оставлял научной работы, уделяя ей все больше и больше времени и внимания. Одна за другой появляются его монографии, статьи, публикации историко-литературных, фольклорных и исторических материалов. Перелистывая годовые комплекты журнала «Життя і слово» («Жизнь и слово»), который Франко издавал в 1894—1897 гг., приходится изумляться колоссальной работоспособ-

ности писателя, его уменью переключаться на самые разнообразные темы и вместе с тем — способности всюду вносить свое, оригинальное и неповторимое.

И, что замечательно, — эта громадная работа не шла в ущерб литературной деятельности Франко. В том же своем журнале он напечатал две больших повести: «Основи суспільності» («Основы общества», 1894—1895) и «Для домашнього огнища» («Ради домашнего очага», 1897). Обе повести посвящены теме украинско-польской интеллигенции, загниванию и распаду буржуазных форм общественных и семейных отношений. В это же время Франко писал и книгу стихов — «Зів'яле листя» («Увядшие листья», 1893—1896 — лирический цикл большой глубины.

Как ни широка и многогранна была деятельность Франко в конце 80-х и в 90-х годах, она была целиком подчинена объединяющему началу — активной политической работе. И в беллетристике, и в драматургии, и в науке, и даже в поэзии, при всей ее лирической интимности, Франко прежде всего борец, демократ, политический деятель.

Речь, конечно, идет не о формальной политической принадлежности писателя к галицко-украинской радикальной партии. Правда, Франко был одним из ее основателей, принимал ближайшее участие в составлении ее программы, в партийных съездах, выступал, наконец, как кандидат партии на парламентских выборах. Деятельность Франко никогда не укладывалась в тесные рамки радикализма, она выходила из них на каждом

шагу. Для Франко основной целью в политике являлось поднятие отсталого культурно и экономически украинского народа. И пути к достижению этой цели рисовались ему, по собственному признанию, следующим образом: «В настоящее время для нас ясно, что первой и главной основой народного развития является пробуждение и укрепление сознательности масс, работа над их просвещением во всех отношениях, не только хозяйственном и историко-национальном, но прежде всего политическом и общественном. Превратить эти массы в политическую силу (а темные массы такой силой не могут быть) — вот главная цель» («Життя і слово», 1896, т. VI, стр. 403—404).

Эта широкая программа революционера-демократа исключала всякое политиканство, всякую игру в народолюбие ради личных выгод или формального выполнения отдельных параграфов партийной программы. И Франко, прислушиваясь на партийном съезде к речам крестьян, к их жалобам на недостаток культурных сил на селе, делал из них гораздо более последовательные и радикальные выводы, нежели весь синклит руководителей радикальной партии.

Большие разногласия возникали у Франко с радикальной партией по ряду кардинальных вопросов. Большинству галицких радикалов были свойственны националистические тенденции, стремление к обособлению украинского крестьянства. Против этого Франко решительно восставал, утверждая, что «раз мы признаем правильность и легальность национального чувства у себя, то не можем отказывать в этом и другим» («Народ»,

1894, № 16 стр. 247). Большинству радикалов свойственно было также «принципиально» враждебное отношение ко всем инакомыслящим, даже к тем, которые потенциально могли бы принести пользу делу культурного и политического просвещения народа в прогрессивном, демократическом направлении. И против этого возражал Франко, заявляя: «Если я действительно искренне люблю какое-нибудь дело, то для меня мил и желанен каждый, кто работает для этого дела, хотя бы его нос или сюртук мне не нравился» («Життя і слово», 1896, т. IV, стр. 311).

6

Вторая половина 90-х годов была связана для писателя с целым рядом тяжелых переживаний. Вскоре после неудачи с получением кафедры во Львовском университете у него обнаружили первые приступы неизлечимой болезни. Временами болезнь настолько обострялась, что приходилось сидеть безвыходно в темной комнате, оберегая глаза от грозившей слепоты. Но как только наступало хотя некоторое улучшение, лечение прерывалось, Франко возвращался к обычной напряженной и многообразной работе.

Весною 1897 г. Франко выступил кандидатом на выборах в австрийский парламент—рейхсрат. Злосчастные эти выборы, по его словам, «были для Галиции, особенно для галицкого крестьянства, истинно стихийным бедствием, своего рода катастрофой. Многие сотни арестованных, которые единственно по благоусмотрению местной

администрации целые недели и даже целые месяцы содержались в тюрьме и против которых судебное преследование после выборов было прекращено, десятки раненых и несколько убитых — вот осязательные ступеньки той лестницы, по которой кучка полуразоренных шляхтичей или их морально обанкротившихся прихвостней вошли в рейхсрат» («Жизнь Юга», № 15, стр. 267).

В парламент Франко избран не был. Ему противостояла не только правительственная административная машина, но и коалиция украинских буржуазных партий: чтобы не допустить избрания ненавистного им писателя «народовці» объединились с «москвофилами», позабыв на время давнишние свои, казалось бы непримиримые, разногласия. Но и всего этого оказалось недостаточным: на выборах понадобилось признать недействительными ряд голосов, поданных за Франко, чтобы обеспечить большинство желательному кандидату.

Вслед за выборами, которые Франко переживал очень остро и болезненно, на него свалились одна за другой новые беды.

За помещенную в венском еженедельнике «Die Zeit» (1897, № 136, 9 мая) статью о Мицкевиче, написанную в связи с приближавшимся столетием рождения поэта и заключающую в себе некоторые полемические высказывания, Франко подвергся со стороны буржуазной польской прессы самым резким нападкам. Многие и поджидали удобного момента свести с Франко счеты. Началась дикая и безобразная травля. Франко мгновенно ли-

шился работы в «Kurjeri Lwowskim», на него в печати полились целые ушаты непристойной брани.

На этот раз травля Франко продолжалась сравнительно недолго, не потому, конечно, что смирлись ярость и ненависть его врагов, а потому, что враги эти не учли колоссально выросшей популярности Франко не только в Галиции, но и в России и в Западной Европе.

Большую моральную поддержку Франко оказала русская пресса. «Вестник Европы» напечатал (1897, кн. IX) повесть Франко «К свету», наполовину в авторском переводе, наполовину в переводе вдовы Драгоманова, предварив ее небольшим предисловием, характеризующим творческий облик Ив. Франко. Одесский журнал «Вестник Юга», в котором участвовали А. П. Чехов и молодой Максим Горький, сообщал, что «известный галицийский писатель Иван Франко обещал журналу «Жизнь Юга» свое постоянное сотрудничество», и напечатал несколько рассказов Франко и его корреспонденцию о «кровавых выборах» 1897 г. Наконец, журнал «Новое слово» (1897, № 6, март) поместил большую статью о Франко (Евгения Дегена), первую серьезную характеристику творчества Франко, где особенно подчеркивалось разнообразие творческих интересов писателя.

Да и в самой Галиции уже росли кадры радикальной молодежи, для которой писатель был признанным идейным руководителем. Эта молодежь организовала и шумно отпраздновала в октябре 1898 г. двадцатипятилетний юбилей литературной деятельности Франко. Писателя привет-

ствовали представители галицкой интеллигенции — старшего и младшего поколения, представители галицкого крестьянства, для блага которого он работал. Юбилейные речи были овеяны неподдельной любовью, уважением, признанием и благодарностью. Но наиболее примечательным событием этих дней явилось выступление самого Франко, в котором он еще раз сформулировал свои поэтические задачи:

«Выйдя из самых недр нашего народа, — говорил Франко, — я старался с одинаковой любовью охватить все его слои, и сегодняшний праздник является для меня свидетельством того, что у нас пробуждается, а кое-где уже ярко разгорелось желание солидарности с нашими обездоленными братьями. Только беспрестанное живое общение с народом может сберечь нашу литературу от блужданий по перепутьям; только солидарность с нашим сырым братом и убережет нас от абстракций и доктринерства, поведет наше национальное развитие прямой и верной дорогой».

Свою речь Франко закончил так:

«Конечно, в моей деятельности было много ошибок, — но кто же, делая какое-нибудь дело, не ошибался? Однако теперь я могу смотреть на эти ошибки спокойно, ибо знаю, что либо самому мне, либо другим они служили предостережением и наукой. Что же касается самого себя, то я всегда держался такого мнения: пускай исчезнет мое имя, но да растет и развивается украинский народ!»

Как сказано, юбилей принес писателю много отрадного и явился для него в большой мере искуплением пережитых невзгод. 1898 г. оказался для Франко переломным. Во Львове начал выходить новый ежемесячный журнал «Літературно-науковий вістник», и Франко стал его деятельнейшим сотрудником, членом редакции и фактическим редактором; он говорил впоследствии, что за десять лет своего редакторства «не пропустил не только ни одной статьи, но даже ни одной строчки, не прочитав их предварительно в рукописи и не выправив, в случае необходимости, самостоятельно или по соглашению с автором» («Неділя», 1911, № 19, стр. 2).

Кроме редакторской работы, Франко много писал в журнале, особенно в первые годы, когда не был еще создан коллектив постоянных сотрудников. Ему принадлежат публицистические, критические и историко-литературные статьи и переводы. В журнале же он публиковал свою поэзию и прозу. В эти годы вышли две большие повести Франко — «Перехресні стежки» («Путаные тропы», 1900) и «Великий шум» («Большой шум», 1907). При всем этом Франко вел напряженную научную работу, сосредоточив ее преимущественно в львовском «Науковому товаристві імені Шевченко».

В разгаре этой на редкость продуктивной работы Франко был вновь застигнут (1908) жестокой болезнью, которая через несколько лет свела его в могилу. Могучий дух Франко боролся с тяжелым недугом. Не имея возможности держать

перо в руке, Франко диктовал сыновьям или приходящим студентам свои стихи, переводы, статьи, исследования.

К утрате возможности владеть руками он относился как к временному, преходящему несчастью. М. М. Могилянский присутствовавший при чествовании Франко в связи с сорокалетием его литературной деятельности в 1913 г., рассказывал автору настоящей статьи, как, отвечая на приветствия, писатель заявил, что если ему суждено прожить еще хотя бы десять лет, он напишет такие произведения, которые затмят все написанное им до тех пор. Так сильна была в нем жажда работы, жажда творчества!

Празднование сорокалетия литературной деятельности Франко было последним радостным событием в его жизни. Кроме ряда приветствий, кроме посвященного ему литературно-научного сборника (вышедшего в свет уже после смерти Франко), ознаменовавших юбилей, — для большого писателя были собраны средства, которые помогли ему кое-как сводить концы с концами. Но последние полтора года жизни Франко были годами жестоких лишений. Тяжело больной, требовавший постоянного ухода, он был лишен самого необходимого для существования. 28 мая 1916 г. Франко скончался, до последней минуты сохраняя полную память.

Несмотря на военные события, отделявшие Львов и Галицию от Украины, весть о смерти Франко разнеслась по всему миру. Многочисленные статьи в журналах и газетах разных стран на разных языках выражали скорбь по поводу

утраты великого поэта украинского народа, трибуна и ученого, который более четырех десятилетий с честью нес знамя свободы, братства и культуры, твердо веруя в лучшее прекрасное будущее родного народа и всего человечества.

И это знамя было еще раз — и уже навсегда — поднято на могиле Франко в сентябрьские дни исторического 1939 г., когда великая Красная армия вместе с освобожденным народом Западной Украины демонстрировала всечеловеческое братство трудящихся, когда на могиле Франко торжественно и победно прозвучал гимн трудящихся всего мира — Интернационал.

8

На литературное поприще Франко вступил, как сказано, в пору культурного застоя и упадка Западной Украины. Один из передовых публицистов того времени горько жаловался на то, что «в Галичине не хотят знать о народе и его нуждах и не знают или умышленно закрывают себе уши и глаза на то передовое меньшинство, которое вот уже с сотню лет трудится в Европе для освобождения ума и воли народа от средневекового рабства».

Галицкие журналы поставляли идиллически-сентиментальное чтиво, заполнялись бессодержательными виршами или повестями из украинской жизни, переделанными с немецкого. И в то же время в полном пренебрежении находился такой талант, как О. Федькович, зачинатель реалистической литературы в Галичине, о повестях которого Тур-

генев писал: «Тут только и бьется ключ живой воды — а все остальное либо призрак, либо труп».

Литературная деятельность Франко с первых шагов была не только резко противоположна всей галицкой «литературе», но и продолжала реалистические традиции, начатые Федьковичем. Страстная вера Франко — демократа и революционера — в лучшее будущее давала ему силы с поднятой головой противостоять жандармско-полицейским и судебным преследованиям:

Пусть судит суд грехи мои
Не милостью фальшивую!
И не надейтесь, что прощусь
С дорогой «нечестивою»,
Что покаянно голову
Вдруг опущу в смирение я,
Что верить в вашу доброту
Смогу хоть на мгновенье я.

(„На суде“.)

Эти же чувства вдохновляли поэта даже в тюрьме, диктовали ему призыв к друзьям:

Постепенно срывая оковы,
Что вязали нас с прежним житьем,
Братья, братья, для битвы суровой
Мы встаем, оживая, встаем!

И эти же чувства продиктовали Франко такие стихотворения, как «Каменярі» («Каменотесы»), как «Гимн» («Вечный революционер»), — стихотворения, сделавшиеся программами для целых

поколений галицкой прогрессивной интеллигенции. Эти чувства обусловили обращение Франко к народу как к постоянному объекту поэтических замыслов и творческих устремлений поэта.

Одним из первых оригинальных стихотворений Франко был сонет «Народна пісня». Уже тогда, в 1873 г., народное творчество, «творчий дух народа», было для него «живящим родником» «с прозрачною водою», который «тихою слезою среди степей журчит» и которому суждено «сердце наше чистым пламенем зажечь». Обращение к фольклору помогло поэту найти свой поэтический язык. Оно же помогло ему заговорить о народе без прикрас и побрякушек, без фальшивости сентиментального «народолюбия».

Поэтому такими живыми и значительными оказались, например, «Галицкие картинки» Франко — цикл небольших стихотворных новелл: о несчастном пьянице, спившемся от того, что попробовал «у пана права добиваться» («В шинке»), о Максиме Цюнике, батраке, погибшем в Бориславской штольне от обвала («Максим Цюник»), о крестьянине Михайле, которого разорили недоимки, довели его до самоубийства («Михайло»), о «бабе Митрихе», тяжким трудом и нуждою сберегшей пять гульденов для сына, которого убила боснийская пуля, о маленьком Иване, который за посуленный грош босиком бежал по снегу за «панычом» и, простудившись, умер («Галаган»). Все эти этюды-картинки создавали собирательный образ народа, образ, лишенный какой бы то ни было абстрактности и фальшивых красок. Традиционное в западноукраинской литера-

туре того времени сентиментальное народолюбие в творчестве Франко заменено подлинным гуманизмом, не ограниченным национальными рамками.

Характерен в этом отношении цикл «Еврейских мелодий» (1889), где националистической предвзятости большинства галицких и польских литераторов в изображении еврейского быта противопоставлено необычайно теплое и сердечное отношение поэта к трудящимся евреям, таким же забитым и несчастным, как и трудящиеся украинцы и поляки. Вряд ли случайной является близость поэмы «Сурка» к Шевченковской «Катерине». Рассказывая печальную историю материнской любви батрачки-еврейки, Франко как бы подчеркивал общечеловеческий характер трагедии Сурки, трагедии, повторявшейся неизменно в определенных классовых условиях. Вызовом галицко-украинскому национализму звучали и поэмы того же цикла: «У цадика», «По любви», в которых опротестовывался традиционный образ еврея-шинкаря.

И Франко находил правдивые и гневные слова по адресу тех, кто посягал на свободу национальностей.

Борьба Франко за реализм ярко выразилась в его большой поэме «Панські жарти» (1887), восхитившей даже недоброжелательную к Франко галицкую литературную критику. Г. Цеглинский, очень сурово критиковавший весь сборник «З вершин і низин», куда вошла и данная поэма, отзывался о ней так: «Панські жарти» является украшением не только стихотворений Ивана Франко, но украинской поэзии вообще. Мы говорим не колеблясь, что после Шевченко нет

лучшего произведения в украинской поэзии. Под скромным заголовком «повесть» скрывается здесь эпическая поэма первостепенной красоты и первостепенной ценности. Поэт как бы рассказывает события одного села, но это события из жизни всего народа; его село — это лишь особый тип всего украинского народа; его терпение и гуманность — это черта не одного села, но всего народа» («Зоря», 1887, стр. 241—242).

Эти указания на обобщающий характер поэмы, изображающей типические характеры и типические явления, тем более важны, что некоторые единомышленники поэта неожиданно отнеслись к ней весьма сурово, упрекая поэта в отходе от реализма. «Вам нужно самому следить за собою по части реализма, — писал Драгоманов в письме к Франко 21 сентября 1894 г., — потому что вы часто, то ли из фантазии, то ли из символизма и тенденции, отступаете от него». При этом Драгоманов ссыался на то, что, по отзыву некоторых из галичан, не существовало таких добродетельных попов, поборников справедливости и защитников крестьянской массы, какие были выведены в «Панських жартах». Поэтому для Франко не составило большого труда опровергнуть упреки в надуманности образа попа ссылкой на действительные источники этого образа (мемуарные и исторические свидетельства о революции 1848 г. в Галиции).

Для нас, однако, важно не это фактическое опровержение, но возражения поэта по существу. «Так ли уж идеализирован поп в «Панських жартах»? — пишет он Драгоманову (13 марта

1895 г.). — Конечно, для Цеглинских и Огоновских достаточно было того, что он показан симпатичной фигурой, чтобы сотворить из него идеал, но мне казалось, что более понимающий критик увидит в описании этого типа и темные стороны его деятельности — ту пропаганду квиетизма и послушливости к властям, то торможение всяческого народного движения, тех невинных *riæfrandes* (святых обманов), которыми он пользуется по временам, в трудную минуту, и которые так характерны для интеллигентного галицкого русина. Я припоминаю, что моя жена, читая поэму в рукописи, возмущалась этим попом, и это успокаивало меня в предвидении возможных нареканий, что я польстил поповству в своем изображении».

В этом же письме Франко затрагивает вопрос о своем творческом методе. «Вы не совсем верно оцениваете самый характер моего дарования, — пишет он. — Я по характеру своему гораздо больше романтик, нежели реалист. Все вещи реалистического содержания, какие я писал, доставляли мне при писании значительно больше мучений, неприятностей, трепки нервов, нежели те романтические шатания, на которых я просто отдыхаю душой».

Совершенно очевидно, что драгомановский «реализм» — это по существу натуралистическое, рабское копирование действительности, при котором всякая попытка художника осмыслить и обобщить действительность, уловить типические ее черты заранее отвергалась как «романтическая ересь». Наоборот, для Франко наиболее существенны и

важны в произведениях именно черты типичности, обобщенности. Франко не смущал «симпатичный поп» в «Панських жартах», так как его заданием художника-реалиста было раскрыть перед читателем подлинный образ представителей духовенства, не схематизируя, не превращая его в карикатуру. Эти-то уклонения от фотографичности, от натуралистического изображения Драгоманов называл «романтическими шатаниями», а Франко утверждал их как основную черту своего художественного метода.

9

Мы остановились на отдельных циклах сборника Франко «З вершин і низин» не только потому, что это был его первый и замечательный сборник стихотворений, но и потому, что это была книга, подводившая итоги — особенно во втором, дополнительном издании — двум десяткам лет деятельности поэта-революционера. Франко как поэт вошел в сознание украинского читателя этой книгой стихов, ставшей для молодого поколения 90-х годов той же книгой с большой буквы, какой для предшествовавших поколений был «Кобзарь» Шевченко.

Сопоставление этих двух имен не случайно. В одной своей статье Франко с большим блеском высказал ряд чрезвычайно ценных мыслей о путях развития украинской поэзии. «Впечатление от поэзии Шевченко, — писал он, — было так сильно, чары его слова так значительны, что в представлении большинства читателей и поэтов

украинская поэзия могла развиваться лишь в шевченковских формах стиха, лишь в шевченковской системе образов, лишь в шевченковском поэтическом стиле — только они казались подлинной поэзией, только они «соответствовали духу украинской национальности», в этом направлении, казалось, нужно было идти дальше».

И все же в произведениях Кулиша, Руданского, Конисского лишь копировалась манера Шевченко. Им Франко противопоставляет творчество М. Старицкого, который при небольшом даровании сумел все же найти новый стиль, новую поэтическую манеру.

В своей статье всегда скромный Франко не упомянул об одной «детали» — о том, что поэтом, творчески выработавшим эту новую поэтическую манеру, утвердившим ее значение в украинской литературе, был он сам.

В поэзии Шевченко и Франко существует теснейшая связь; искать ее следует в общности идейных устремлений обоих поэтов.

Сила поэзии и Шевченко и Франко в их глубочайшем слиянии с народом и народным творчеством. Как и Шевченко, Франко, разрабатывая поэтические дары фольклора, был оригинальным поэтом-творцом, в совершенстве владеющим всем богатством народного слова. Как и поэзия Шевченко, творчество Франко обогатило украинский литературный язык — показало его способность выражать тончайшие оттенки настроений и в то же время дало образцы чрезвычайного разнообразия поэтической формы. Социальный оптимизм, свойственный народному творчеству,

был основной оригинальной чертой произведений обоих великих поэтов украинского народа.

Чрезвычайно характерен тот факт, что целый ряд стихотворений Франко из сборника «З вершин і низин» сделались боевыми песнями борьбы, гимнами труду и борьбе за священные права на труд, на свободу, на землю, на счастье. Черты народности, высоко поднимая значение поэзии Франко, делают эту книгу центральной в творчестве поэта. Дальнейшие этапы творчества Франко создавали у некоторых критиков и читателей неверное представление о постепенном «спаде» творческих сил поэта, начавшего будто бы с больших общественно-значимых тем и замкнувшегося потом в узком кругу личных настроений.

Об ошибочности этого представления необходимо сказать особо.

Больше всего упреков в отходе Франко от широкой общественно-значимой тематики, даже упреков в декадентстве» вызвала книга лирики Франко «Зів'яле листя» («Увядшие листья» 1896).

Действительно, после книги «З вершин і низин» казались странными пронизывающие «Зів'яле листя» мотивы тоски и одиночества, мотивы гнетущей, неразделенной любви, приводящей поэта даже к мыслям о самоубийстве («Оцеї маленький інструмент»). В предисловии к первому изданию сборника «Зів'яле листя» поэт писал: «Герой этих стихотворений, тот, кто выявляет в них свое «я», — покойник. Это был человек слабый воли и пылкой фантазии, с глубоким чувством и мало приспособленный к практической жизни».

Это предисловие создавало у критики и читателей впечатления о пессимизме нового этапа поэтической деятельности Франко. И спустя четырнадцать лет, выпуская второе издание этой книги, Франко не только раскрывал мистификацию, но и давал ключ к правильному пониманию книги. По его признанию — это сборник «лирических песен, наиболее субъективных из всего, что появлялось у нас со времени автобиографических стихотворений Шевченко, и одновременно наиболее объективных в способе обрисовки сложного человеческого чувства». Франко выражал надежду на то, что «нынешнее поколение найдет в них нечто такое, что откликнется в его душе совсем не пессимистическими тонами».

Поэт был прав.

Жизненные неудачи, преследования завистников и политических врагов, безнадежная любовь, отдельные эпизоды которой вошли в книгу, — вот что обусловило общий тон и настроение сборника «Зів'яле листя», однако не сняв основных мотивов общественной лирики Франко, не заглушив революционного пафоса, пронизывавшего все творчество поэта. Правда, в минуты отчаяния и тоски Франко, казалось, готов был поставить крест на своем будущем, но тяжелые переживания не в силах были изгнать из сознания поэта общественно-политической ответственности перед народом, не могли заглушить голос борца. И то обстоятельство, что эти настроения, пускай иногда приглушенно, всегда звучат в книге «субъективной лирики», является самым убедитель-

ным опровержением обвинений поэта в отходе от общественных позиций. Прелесть лирики «Зів'ялого листя» заключена в сочетании — органическом и неразрывном — страстной, восторженной любви к родному народу и большого личного чувства.

Примечательно в этом отношении стихотворение «С полудней широкое поле безлюдней».

Постой!

Кто это, объятый печалью,
Чуть слышно рыдает над далью

Пустой?

Не горе ль явилось за мною,
Не сердце ли бьется больное?
О нет! То доносятся трели
Далекой крестьянской свирели,
Звения.

Они отозвались в груди у меня,
А сердце за ними заплакало горько,
Вскипев.

Тебя оно вспомнило, ясная зорька? —
И ладом свирельным, простым, благородным
Рождается мой, порожденный народным,
Напев!

Характерной особенностью второго сборника стихов Франко является богатое использование фольклорных мотивов — опять-таки не в виде «подражаний» и «перепевов», но в оригинальной творческой переработке народной песенной ритмики и фольклорных образов. Ни разу, ни до, ни

после, Франко не подходил так близко к фольклору: в общении с народным творчеством поэт искал спасения от тяжелых жизненных невзгод.

Уже в следующей своей книге «Из дней печали» (1900), являющейся как бы эпилогом «Увядших листьев», он все чаще переключает свои настроения в общественный план, связывает их с народной недолею, с борьбой с темными силами, которые, как густой туман —

Заслонили все пути,
Чтобы людям не пройти,
Чтобы скрыть от жадных взоров
Тропку, что ведет их в гору,
В кузню, где куют в ночи
Не оковы, а мечи.

(„Среди долин село лежит“.)

И что особенно важно, выводы его глубоко оптимистичны. Показав в стихотворении «В село ходил» ряд тяжелых картин упадка жизни украинской деревни, поэт заключает стихи обращением к самому себе:

Вот то, что нужно: должен в эти хаты
Я человечность, мир и свет нести...

З вершин і низин» и «Зів'яле листя (с добавлением «Из дней печали») демонстрируют огромный диапазон творчества Франко.

Уже в сборнике «Мой Измарагд» (1898), появившемся между двумя книгами лирики Франко,

ясно намечается возвращение к темам «3 вершин і низин». Правда, в предисловии поэт упоминает о «том душевном покое», «том мягком, нежном, искреннем настроении», какое находим здесь. «Если упадет в твою душу, — обращается к читателю поэт, — хоть капля доброты, ласковости, снисходительности не только к отличным взглядам и верованиям, но даже к человеческим заблуждениям и ошибкам, то не напрасен будет мой труд».

В самой книге мы, однако, и не найдем того «примирения с действительностью», какое навязывала Франко критика. Первый отдел книги («Поклоны») посвящен спорам с идейными противниками — с теми, кто обвинял Франко в отступничестве от родного народа, кто видел в скорбных песнях «Увядших листьев» только «декадентство». Именно к этим своим противникам обращается Франко от имени родины:

Наплюй, сынок. Я лучше знаю
Тех «патриотов» хищных стаю
И фраз любовных произвол.

(„Говорит Украина“.)

И как бы отвечая на этот совет, поэт говорит:

Благословенна будь, о родина! Тебе бы
Блеск, почести должны быть возданы...
Но нет, лишь одного прошу тебе у неба:
Пусть не сбегут от зла, не видя даже хлеба,
Твои же лучшие сыны.

(„Сомнение“.)

В предисловии Франко подчеркивает критическое отношение к «морали» и религии. В этом отношении показательно стихотворение «Не слід усякого любити без розбору»:

Сказал господь: «Какая же заслуга,
Когда ты брата любишь или друга?
Нет, должен ты любить своих врагов».
Проникни глубже в смысл господних слов!
Не говори: «врагов своих любите»!
Нет, братья, пораздумайте, поймите,
Что божий враг — враг правде и свободе,
Быть не должно к нему любви в народе.

В последней своей книге «*Semper tiro*» поэт снова возвратился к этой теме и посвятил ей целый цикл стихотворений («На старые темы»), направленных против христианско-буржуазной морали.

Эта мораль твердит, что «блажен муж, иже не идет на совет нечестивых»; а Франко на это отвечает:

Блажен тот, кто идет на суд неправых
И там за правду голос возвышает...

(„Блаженный муж“.)

Поэтому не более как смехотворными являются обвинения Франко в декадентстве. Декадентскую литературу Франко ненавидел так же страстно, как и породивший ее класс. В программном стихотворении «Декаденту» Франко ярко выразил свое отношение:

Пусть в песне у меня и боль, и скорбь,
и горе,

Все это потому, что такова судьба.

Ведь чувства и другие песне вторят:

Надежда, воля, твердость и борьба!

Критику декадентства мы находим и в статьях Франко. В одной из них он писал, что декадентство развилось во Франции после Парижской коммуны как защитное средство буржуазии против мощной наступательной силы пролетариата. А в другой статье (1898) объяснял расцвет декадентства в польской литературе тем, что декадентство — «мода наиболее аристократическая из всех, какие за последние тридцать лет дошли до нас с Запада. А шляхетскому польскому обществу (шляхта покамест главный потребитель литературы в Польше) того и подавай. Довольно уже ее беспокоили грубые патриоты и радикальные «хлопоманы», довольно ей тыкали под нос неотесанных мужиков с их вечной нуждой и «вопросами желудка». Надоели ей уже и громогласные патриоты с вечными восклицаниями об отчизне. Людям, житейские идеалы которых колеблются между Монако, парижскими кокетками и английскими жеребцами, давно уже хотелось иметь литературу, соответствующую этим идеалам. И она действительно нарождается теперь» («Літературно-науковий вістник», 1898, т. II, стр. 69—70).

Вершиной творчества поэта, по справедливости, следует считать его замечательную поэму

«Моисей» (1905) — оригинальную разработку навеянной библией темы о смерти Моисея, пророка, не признанного своим народом. В этой поэме отчетливо и громко звучит тема народа. В небольшом вступлении к поэме Франко обращается к народу так:

Народ мой, исстрадавшийся, разбитый,
Как паралитик, легший на распутье,
Презреньем, словно струпиями, покрытый!

Вместе с тем Франко верит в то, что наступит время, когда народ станет свободным:

Но время близко — ты с лицом открытым,
Сияя, вступишь в вольный круг народов.
Тряхнув Кавказ, взяв поясом Бескиды,
Покатишь Черным морем шум свободы,
Посмотришь как хозяин домовитый
На дом, на землю, позабыв невзгоды.

В течение сорока лет поэтической деятельности Франко его поэзия, проникнутая чувствами глубокого патриотизма, любви к родному народу, обездоленному, нищему, но сохранившему силы для борьбы, — неизменно находилась на высоте передовых идей. На протяжении всей своей поэтической работы Франко оставался поэтом-борцом, ненавидевшим угнетателей и поработителей народа.

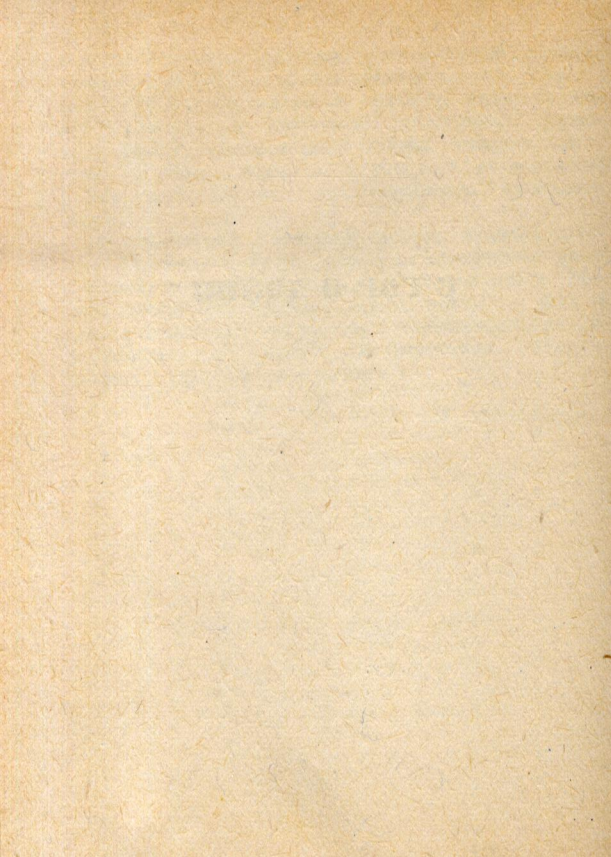
Франко не дожил до Великой Октябрьской Социалистической революции. Он умер накануне

ее, затравленный врагами, обессиленный титанической борьбой и работой. Пролетарская революция осуществила мечты и надежды великого поэта — привела к свободной, счастливой жизни измученный, обездоленный народ, певцом которого он был, подняла в расцвете всенародной славы имя Франко, замечательного народного поэта.

Непобедимый советский народ, великая партия Ленина — Сталина разбили шляхетские цепи, сковывавшие свободное, горячее слово поэта. Народу возвращен Франко таким, каким он был в действительности, — великим гражданином-интернационалистом, смелым политическим борцом, певцом и другом трудящихся.

И. Айзеншток

С ГОР И ДОЛИН

ГИМН

(Вместо пролога)

Вечный революционер —
Дух, зовущий тело к бою
За победу, счастье, волю, —
Он живет, живым пример.
Ни тюремные ограды,
Ни солдатские приклады,
Ни орудия, ни раны,
Ни поповские обманы,
Ни шпионов ремесло —
В гроб героя не свело.

Он не умер, он живет!
В глубине веков рожденный,
Он восстал освобожденный,
Силой собственной идет.
И туда, где рассветает,
Не сгибаясь, он шагает.
Кличет словом, как трубою,
Миллионы за собою, —
Вслед идут они за ним:
Голос духа слышен им.

Всюду голос клич ведет:
У соломенного крова,
У станка мастерового, —
Там, где горе слезы льет.
Всюду, где он окликает,
Вмиг недоля исчезает,
Крепнет сила, призывая,
Чтоб восстали, добывая
Детям, если не себе,
Долю лучшую в борьбе.

Вечный революционер —
Дух, наука, мысль и воля —
Мраку не уступит поля,
Мужества подаст пример.
Развалилася руина,
Покатилася лавина, —
Разве есть на свете сила,
Чтоб ее остановила,
Чтоб затмила, словно тень,
Разгорающийся день?..

1880

ВЕСНЯНКИ

1

Удивлялась зима:
Отчего тает снег
И чернеет покров
Льдом окованных рек?

Удивлялась зима:
Что ни день — меньше сил.
Что за странный озноб
Всю ее охватил?

Удивлялась зима:
Отчего с каждым днем
Оживает земля,
Набухает теплом?

Удивлялась зима:
Сквозь покров ледяной
Как посмели цветы
Выйти стайкой живой?

И подула на них
Ветром уст ледяных

И метать принялась
Горы снега на них.

Опустили цветы
Сразу венчики вниз,
Но лишь стихла метель —
Вновь они поднялись.

Всего больше зима
Сокрушалась о том,
Что бессильна она
Перед слабым цветком.

27 марта 1880

Гремит! То благая пора наступает,
 Ее вся природа с волненьем встречает.
 Ждет жадно земля, чтобы ливень промчался,
 И ветер свободный над ней разгулялся,
 И с запада темная туча летит!

Гремит!

Гремит! Ожидания трепет в народе.
 Ужели минута блаженства приходит,
 И ждут миллионы благих изменений.
 Те тучи — грядущего светлые тени,
 Которое счастьем людей обновит...

Гремит!

1880

У ж солнышко вновь на луга
Пошло по весенним работам,
И плещут весной в берега
Ручьи человеческим потом.

По чистой реке за косой
Играет плотва и гуляет;
Над узкой пустой полосой
Скотина едва ковыляет.

Лес гомоном птичьим пророс,
Кукушка кукует над логом,
А с горки спускается воз:
Чиновник катит за налогом.

28 марта 1880

Соловей еще щебечет в тишине
Песнь любовную ликующей весне,
Он щебечет, как и раньше щебетал,
В дни, когда он песней светлый май встречал.

А теперь веселье прежнее прошло,
Когда вечером поет, гудит село.
А по улицам гуляет рой девчат,
Соловьи в саду на вишенке свистят.

Нет, не так теперь, как было! Вечерком
Наши девушки не ходят ходуном,
Не выводят звонких песен на весь двор
Голосистым соловьям наперекор.

Вот с полей они, измучены, спешат,
Как отрубленные, ноги их болят,
И без шуток и без песен держат путь, —
Наработавшись, им только б отдохнуть!

Соловью, наверно, тяжело щебетать
И весну, хоть и прекрасную, встречать,
Возглашать природы радость на весь мир,
Как в укор тому, кто горестен и сир.

Жаль ему своих соперниц молодых,
Что певали вместе с ним в садах густых.
Что-то ждет их?.. Не веселье, не любовь —
Муж суровый да сварливая свекровь.

1881

Что за дым клубится в поле?
 Иль орлы крылами бьются?
 Иль судьба копает грядки,
 Красоту сажает, сеет
 Светлый разум, припевая:
 «Красота, всходи до солнца,
 Цвети, разум, спозаранку!
 Красота, будь мне по пояс,
 Разум, будь меня ты выше.
 Красота, с людьми живи ты,
 Разум, ты иди к народу.
 Красота, кляни сурово
 Всех, готовящих оковы,
 Не давайся тем ты в руки,
 Кто тебе готовит муки.
 Если ж попадешь в неволю,
 Расплывись слезой горячей
 И засохни без потомства!

Разум, разум быстрокрылый,
 Рви оковы вековые,
 Что людскую мысль сковали!
 На свободу люд рабочий,
 Разум, выведи скорее,
 Мысли светлые зажги в нем

И стремленье к вольной жизни.
В братьях вырасти согласье,
Чтоб единая их сила
Вместе, разом дружно стала,
Счастье, волю добывала».

23 апреля 1880

Весенние песни,
Весенние сны,
Что так безутешны,
Безрадостны вы?

Или вам не встретить
Зелени в лесах,
Или вам не светит
Солнце в небесах?

Иль для вас и в поле
Цветок не расцвел,
Что далось вам в долю
Горе нищих сел?

Ах, дубравы живы,
Ясен солнца свет,
Лишь любви счастливой
В наших душах нет.

Птиц щебечут стаи,
Шум, запевки, крик...
Только пропадает
С голоду мужик.

Цветы среди поля
Над травой встают,
Только тьма с неволей
Кровь народа пьют.

Лучше бы для моды
Распевать порой
О красе природы,
Чем о доле злой.

Только не для моды
Запеваю я,
И тоской исходит
Песенка моя.

1880

СКОРБНЫЕ ПЕСНИ

1

В моря из слез — от горя, от заботы —
Пусть каплей и мое войдет страданье.
Когда возводят храм борьбы, работы —
И мой кирпич пусть ляжет в основанье!

Когда ж, народа купленный слезами,
День радости, свободы, счастья встанет,
То кто-нибудь в большом и новом храме
Пусть добрым словом и меня помянет.

2 апреля 1880

Порой бывает — сердце ноет,
 И скорбных мыслей рой летит,
 Как будто туча небо кроет
 И гром раскатами гремит.

И взглядом онемевшей злобы
 Я все гляжу в небесный круг
 И жду, что из земной утробы
 Вот-вот огонь прорвется вдруг.

И землю всю сожжет до края
 С ее неправдой вековой,
 И, скорлупу земли ломая,
 Восстанет хаос грозовой.

И, словно золото в горниле,
 Весь мир очистится кругом,
 И чистой в невечерней силе
 Свобода засияет в нем.

2 апреля 1880

Пусть будет так! Пусть сгину я
 Покинутый под тыном,
 И все мечты и все дела
 Пройдут бесследно, словно мгла
 На небе синем.

Пусть так! Но с радостью пойду
 На чистое я дело,
 Пускай погибнуть я могу,
 Но до могилы сберегу
 Свое я знамя целым!

31 мая 1880

НОЧНЫЕ ДУМЫ

1

Необозримой чередой
Идут мои за днями дни...
Все одинаковы они
И тучам пасмурным сродни,
Плывущим тихо надо мной.

Без дела, — путы на руках, —
Без мысли цепенею я.
Проходит молодость моя,
Как речки чистая струя,
Теряющаяся в степях.

Хоть не жил ты еще — скорей
Умри, и след исчезнет твой,
Как снег, растаявший весной.
Гнет жизни, боль тоски глухой —
Вот след тобой прожитых дней.

14 марта 1880

Догорают поленья в печи,
 Пеплом кроется красная грань...
 Я один, замечтавшись, в ночи
 Думы тку, словно черную ткань.

Жгущий грудь все сильней, все больней,
 Скоро ль стихнет навек этот зной
 И погаснет от горестных дней
 Дум бесчисленных огненный рой?..

Ох, и жгут они, ох, и горят!
 А душа от тоски холодна!
 Весь я пламенем смертным объят,
 Обступила неволи стена.

Я за волю, за правду в бою
 Кровь до капли последней пролью,
 Да с самим же собою в войне
 Очень долго не выстоять мне.

18 ноября 1881

ПЕСНЯ ГЕНИЕВ НОЧИ

Житейский ли кончая бой,
 В расцвете ль свежих сил,
 В пути, измученный борьбой,
 Иль с первым взмахом крыл,
 Чело склонив с годами вниз,
 Весны ль встречая дни, —
 О странник бедный, к нам вернись,
 Усни! Усни! Усни!

Стезя живых — куда она?
 Что ненависть и страсть?
 Здесь мрак, покой и тишина
 И тихой ночи власть.
 Здесь нет ни муки бытия,
 Ни счастья в тени,
 Спокойствия и забвения.
 Усни! Усни! Усни!

Затихни мирно на груди
 Праматери своей;
 Откуда вышел — вновь иди,
 Бессмертья чашу пей
 И плоть, что в муках рождена,

В пучину ту верни,
Где жизнь со смертью сплетена.
Усни! Усни! Усни!

А искра слабая — твой дух,
Свет мозга твоего? —
Истлешь ты, и он потух,
И вот уж — нет его.

Так детских сказок не страшись, —
Для робкого они!
Ведем к победе мы. Решись!
Усни! Усни! Усни!

10/XII 1882

ДУМЫ ПРОЛЕТАРИЯ

1

НА СУДЕ

Пусть судит суд грехи мои
Не милостью фальшивую!
И не надейтесь, что прощусь
С дорогой «нечестивою»,
Что покаянно голову
Вдруг опущу в смирение я,
Что верить в вашу доброту
Смогу хоть на мгновенье я.

Судите безбоязненно, —
Свою вы силу знаете!
Судите без стыда, — ведь стыд
С цепи вы не спускаете.
Судите — право вам велит,
Острее судите, жестко,
Но вы и право — лишь одно
Машинное колесико.

Лишь об одном прошу я вас —
Отчетливо произнести,

Ну, в чем вина моя, людей? —
У них со мной одни пути.
Скажите четко: «Люди те
Изменники! Они хотят
Перевернуть, перекроить,
Свалить наш мирный строй и лад!»

Тогда добавьте же, за что
Им ненавистен целый строй?
За то, что в нем царит богач,
Народ же сделался слугой.
Работа честная его
Придавлена, унижена,
Хоть весь общественный ваш строй
Выносит на плечах она.

За то, что лодыри сосут
Все наши силы, кровь и пот,
За то, что каждый здесь амвон
Не свет, а темноту несет,
И миллионов льется кровь
По прихоти царей, панов,
За то, что люди людям здесь —
Рабы и боги — хуже псов.

Еще скажите — этот строй
Как опрокинуть мы должны?
Не силой, не оружием
Огня, железа и войны,
Нет, правдою, работою,
Наукою. А коль война
Понадобится страшная —
Не наша будет в том вина.

Еще скажите, что и вы
Препон не ставите нам в том,
Что все мы правду говорим,
Что честно к правде мы идем.
Когда ж сумеете, мои
Вы судьи, правду вынести —
То можете, как строй велит,
Судить меня без милости!

20 апреля 1880

МИЛОСЕРДНЫМ

Пускай и так, что, как червяк,
В болото жизни втоптан я
И умираю, оскорблен,
Великий гнев в душе тая;
Пускай и так, что на пути,
Как жалкий нищий, я стою,
А все ж непрошенный ваш дар
Глубоко ранит грудь мою.

Пускай и так, что вы честны,
Что искренни вы и добры,
Что милосердною рукой
Даете нищему дары;
Но подаяния у вас
Я не просил, я не молил.
Чего ж вы тычете свой дар,
Чтоб он мне руку пропалил?

И кто вам, кто вам право дал
Подачки подносить сейчас
Любому, у кого лицо
Не так счастливо, как у вас,
Бескровны губы, у кого

В глазах веселье не горит
И рваная одежда всем
«Вот — пролетарий» говорит?

Кто знает, может быть бедняк,
Не знающий счастливых дней,
Не хочет милости, и дар
Ему пощечины больней?
А может хочется ему
Внимать сочувствия словам,
Иль будет благодарен он
Лишь за одно молчанье вам?

Кто знает, может быть и так,
Что милосердный этот дар
Его толкнет и свалит с ног,
Как тяжкий кулака удар?
А может быть на этот дар
И глазом он не поведет,
И милосердие, и вас,
И ваши руки проклянет?..

12 апреля 1880

ПОКОЙ

Да, покой — святое дело
В безмятежный, светлый год!
Если ж кто в минуту боя
Призовет тебя к покою —
Трус, предатель подлый тот!

Если дружные народы
Бьются, чтобы у природы
Тайну взять и не одну,
Светом тьму залить желая,
Горе тем, кто начинает
Самовольную войну!

Если ж в пору страдных дней
Злостный вздумает злодей
К нам закрасться в дом родной,
Чтоб добро у нас отнять.
Чтобы в цепи заковать, —
И тогда беречь покой?

15 июля 1883

Вы плакали фальшивыми слезами
 Над злой судьбой моей, меня жалели,
 И, всплескивая жалостно руками,
 Ничем помочь мне не умели, не хотели.

«Жаль бедного! С дороги верной сбился
 И зря погиб! Мы знали то заранее.
 По глупости к пустому пристрастился,
 Вот привели куда бесплодные мечтанья!»

Другие же — и этих милосердней —
 Пожав плечами, говорили вяло:
 «Вот до чего доводит дружба с чернью,
 Слепая вера в святость идеала!»

Так, пожалев меня, вернулись к делу:
 Тот — к ужину, тот — к карточным партнерам,
 Тот — узников судить в острогах закоптелых,
 Я подыхать остался под забором.

31 мая 1880

EXCELSIOR

1

БАТРАК

Тосклива песнь его, прижаты к плугу руки, —
Так вижу я его.
Нужда гнетущая, работа, муки
Избороздили глубоко чело.
Душою он дитя, хотя склонился долу
Он, как старик больной,
Он с колыбели труд влачит тяжелый
Весь век печальный свой.
Где плуг его пройдет, железо там разроет
Земли богатой пласт,
Там над полями рожь взойдет волною,
Свой плод земля родная даст.
Зачем сорочкою холщевою покрыт он,
К чему серяк, чугуа,¹
Как нищего, его укрыли рваной свитой, —
Ведь он — батрак, слуга.

¹ Верхняя одежда, что-то вроде свитки, без рукавов и воротника, из сукна, пушистого сверху; ее носят бойки, у лемков она уже немного иная. (Примеч. Ив. Франко.)

Слугой родился он, хоть вольным называли
Хозяева народ;
В нужде безвыходной, стыде, печали
Он сам в ярмо идет.
Чтоб жить, за ломоть хлеба силу отдал,
И свет ему не мил.
Хотя не кормит хлеб тебя, бедняга хилый,
Не выпрямляет.
Грустит безмолвно он, с тоскливой песней пашет
То поле, пашет — не себе.
Из сердца тот напев, — прочь гонит горе ваше,
Не подчинен судьбе.
Запев тот, как роса, он в зное укрепляет
Цвет, что почти убит;
Запев тот — страшный пром, он только нарастает,
Издалека гремит.
Когда еще пройдет здесь буря громовая —
Он гнется и в тоске проводит дни.
И землю он с любовью обнимает,
Как мать свою сыны.
И все равно ему, что для добра чужого
Он пот кровавый льет,
И все равно ему, что мощь труда такого
Господство господам дает.
Когда б земля, которой столько дал он,
Взрастила хлеб опять,
Когда б другим его работа даровала
Святую благодать.
Батрак тот — наш народ, он пота льет потоки
Над нивою чужой,
Но молод сердцем он и душою высокой,
Хоть и убит судьбой.

Счастливой доли ждет он долгие столетья,
И не напрасно ждет.

Он нищету прошел и хана лихоletье,
Ярма позорный гнет.

И в сердце, пусть оно нуждой разбито,
Надежда лучшая живет, —

Так часто под скалой, из-под гранита,
Вода живая бьет.

Лишь в сказке золотой, сном повторенным снова,
Судьбу он узнает свою!

И бремя волочит угрюмый и суровый,
В глаза глядит он дню.

В столетьях роковых всегда его спасала
Любовь к земле родной.

Детей тьма-тьмушая в страданиях погибала,
Но вечно он живой.

С любовью этою, он, словно витязь давний,
Припал, земля, к тебе.

И пусть поверженный, но вновь могучий, славный
Вставал в борьбе.

И все равно, кому он с песней пашет
Широкий плодородный пласт целин,

И все равно, что труд его не кормит даже,
Что весел господин.

Паши, паши и пой, — ты великан, что скован
Нужды и тьмы ярмом,

Но сгинет скоро тьма, не будет гнета злого,
Все цепи мы порвем!

Недаром ты в беде, униженный врагами,
Про силу духа песни поднимал,

Недаром сказок вдохновенными устами
Его победу призывал.

Он победит, я вижу солнце всходит.

Землею вольной властвуя один,

Ты будешь вновь пахать — в труде свободен

И в собственной стране сам господин!

10 октября 1876

БЕРКУТ

Из скрытого гнезда в горах, в глухой теснине,
 С размахом тяжким он рванулся к туче синей —
 Как будто в гневе мысль из недр сокрытых
 рвется,

И облетит весь мир и в небосвод упрется,
 Тяжелым бьет крылом, где лишь достигнуть
 сможет,

Зовет: «Где правда? Где? Где ты, великий боже?
 Я всю насквозь, до звезд, природу обыскала,
 Все атомы ее, тебя ж не отыскала».

Недвижно распростерт, повис он в синей
 тверди —

Неотвратимый, грозный образ смерти —
 Как будто к небесам навек прибит гвоздями.
 Но вот он ринется, чтоб жертву рвать когтями,
 Ты это чувствуешь, и страх тебя пронзает, —
 Ведь это над тобой тот беркут повисает!
 Не промахнется он, когда удар направит,
 И много ли минут в живых тебя оставит?

Вот тронулся. Плывет, крылом не двинув даже,
 Подобно челноку, ткет жизни нашей пряжу,
 Спокойно кружится, снижаясь, вновь срываясь,

Мелькнув за тучами, в лазури расплываясь.
Лишь резкий крик звучит, как весть, что он
голодный, —

Так в тишине не раз прорвется плач народный.
И в душах у вельмож возникнет боль сомненья,
Как под землею гром, как весть землетрясения.

Ты ненавистен мне за то, что ты такое
В груди своей таишь, о беркут, сердце злое,
За то, что низших всех и слабых кровь ты
пьешь,

Что смотришь свысока, хоть ими сам живешь;
За то, что слабая тебя боится тварь;
Ты ненавистен мне навек за то, что — царь!
И вот блеснит ружье — прицел, удар гремучий,
Смертельная картечь взлетит до самой тучи.

Не ты на землю смерть пошлешь из бездны ясной,
Ты сам отыщешь смерть под тучами, несчастный.
И не как божий суд, но словно труп бездушный
Ты упадешь, суду свинцовых пуль послушный,
И не последний ты! Нас есть стрелков сто сот,
Все, что, как беркут злой, полощет кровью рот,
Все, что среди живых страх и тревогу сеет,
От пули не уйдет, как час его приспееет.
А труп бездушный мы без жалости, без слова
Ногою оттолкнем, не прерывая лова.

13—24 мая 1881

КАМЕНОТЕСЫ

Я видел странный сон. Как будто предо мною
Необозримые и дикие края.

Стою под черною гранитною скалою,
Прикован цепью к ней тяжелою стальною,
А рядом — тысячи таких же, как и я.

У каждого чело печаль избороздила,
Во взоре каждого томленье залегло.
И руки каждого стальная цепь сдавила,
И плечи каждого давно к земле склонило
Гнетущей тяжестью неведомое зло.

У каждого в руках стальной тяжелый молот,
И голос, точно гром, над головой гремит:
«Дробите же скалу! Пускай ни жар, ни холод
Не остановят вас! Терпите жажду, голод,
Скалу должны разбить — так вам судьба велит!

И вот стоим мы все с поднятыми руками,
Мгновенье — молоты врезаются в гранит.
На тысячу сторон летит бессильный камень.
Отчаянье и гнев давно владеют нами,
А молоток скалу без усталости дробит.

Как водопада рев, как битвы гул кровавый,
Стучали молоты о каменную грудь,
За пядью пядь мы шли сквозь ямы и обвалы
И, хоть не раз на нас обрушивались скалы,
Мы двигались вперед и расчищали путь.

И каждый понимал, что в памяти не будет
Людской о нас следа за наш кровавый труд,
Что лишь тогда пройдут здесь по дороге люди,
Когда мы путь пробьем и станет он нетруден,
А кости наши здесь уже давно сгниют.

Но славы мы людской совсем и не искали —
Ведь не герои мы и не богатыри,
Нет — мы невольники, хоть цепи сами взяли,
Свободы мы рабы, грядущих светлых далей,
Каменотесы мы неведомой поры.

И все мы верили, что слабыми руками
Мы разобьем скалу и раздробим гранит,
Что кровью собственной и потом и костями
Широкий твердый путь построим, и за нами
Придет иная жизнь и солнцем озарит.

И втайне знали мы, что где-то там на свете,
Откуда мы ушли на свой тяжелый труд,
Льют слезы горькие жена и мать, и дети,
Злорадствуют враги, друзья, и те и эти
Наш путь, и нашу цель, и нас самих клянут.

Мы знали это все. Не раз душа болела
И цепенела кровь от этих тяжких мук,
Но ни потоки слез, и ни страданья тела,

Каменярі

Як гарив дивний их. Кемов перемоги
Безирма, а хита і дика мовина,
а жа шкоропий ланцюм делітний коју
міз висоглинују транітнују скалоју,
а далі тиварі таких сміх, як ја.

У кожного голо мить і жаль шортит,
а в очі в кожного горить любови жар,
а руки в кожного латки мов гідз обвилі,
а мери кожного до дну сва схемити,
бо тине всіх оден сиракний, якійсь тварар.

У кожного і рухих таванки, делітний мавт.
Голом нам, якійсь горим мов тиле шматтє:
„Лунайте сю скалу! Некажі жар міхолод
„не шматтє вас! Жовіт і бруд і шрапу і шовд,
„бо вам шдипова скалу свєту розбито!“

„Тбі ми як оден бруд підорітат руки
і тивар мовіт о камінь загум,
і в тиварні свки розуміска мєва шбукки
та відрубки камі. Ми с шлогу маму ки
раз по раз шматтє о каміньє голо.“

Автограф стихотворения «Каменотесы» («Каменярі»)

Рукописный отдел библиотеки Львовского филиала
Академии наук УССР.

Ни муки, ни хула не отвлекли от дела,
И молота никто не выпустил из рук.

И так мы все идем, друг с другом тесно
слиты, —

В душе — святая мысль и молоты — в руках.
Пускай мы прокляты и светом позабыты,
Готовя правде путь, мы рушим камни, плиты,
Чтоб новый мир возник на наших на костях.

1878

ИДИЛИЯ

Давно то было. Двое малолеток,
Взяв за руки друг друга, по цветистым
Лугам подгорным, узкою тропинкой,
Через поля, днем летним и погожим
Шли из селенья.

Старший мальчик был
Беловолосый, с синими глазами,
В руке с лошадкой вербной, у ребенка
За пазухой был добрый ломоть хлеба,
На голове — соломенная шляпа,
А девочка вела его за ручку,
Хоть и была меньшей. Глаза как терний,
Как будто угольки и живо
Горели, бегали кругом. Как мыший хвост,
Косичка сзади висла, и цветная
Была в косичке лента вплетена.
А про запас в дорогу были взяты
Печеные картошки, и горох
Зеленый из-за пазухи стручками
Торчал.

Но неохотно как-то мальчик
Шел и оглядывался боязливо,
А девочка немолчно щебетала,
Товарищу отваги придавая.

«Стыдися, фу! Такой большущий вырос,
А плакать хочет! Мальчик, а боится!
Чего бояться тут? Ведь раз я говорю,
То значит это правда. Уж моя
Бабуся нас обманывать не станет!
Ты думаешь, что это так далеко?
На тот бугор, а там и дол близенько,
А долом тем, все выше и все выше —
На самый верх. А там устроим отдых,
А может нет, какой еще там отдых,
Когда уж будем близко!.. Крикнем: «у!»
Да сразу прямо так и побежим
К столбам железным, что подперли небо,
А там схоронимся за столб и тихо,
Тихонечко до вечера пробудем.
А ты, чтоб ты не смел при мне и пискнуть,
Не то что плакать! Слышишь? А то я
Тебе задам! А как настанет вечер
И солнышко домой вернется на ночь,
В ворота постучит, то мы тихонько,
Тихонечко подкрадемся к нему.
А знаешь, что бабуся говорила?
У солнца дочь красивая такая,
Что просто страх. Она и открывает
Отцу ворота вечером и утром.
А уж детей она так крепко любит,
Что просто страх. А солнце не пускает
Их к ней, чтоб эта дочка вместе с ними
В мир не ушла. Но мы с тобой тихонько
Подкрадемся и — шмыг, и схватим вдруг
Ее мы за руки, и ничего
Не сделает нам солнце. Только ты
Не плачь, не бойся! Это очень близко,

И на дорогу выйдем мы с тобой.
А госпожа так много нам подарит
Всёго, чего лишь только мы попросим:
А ну, чего б ты попросил?»

Тут глянул

В глаза ей мальчик, сунув палец в рот,
Сказал: «А может лучшего коня?» —

«Ха-ха, ха-ха! — девчушка рассмеялась. —

«А может шляпу новую еще?

Проси, что хочешь, а я знаю, знаю,

Чего просить я стану!» —

«Что, скажи?» —

«Нет, не скажу!» —

«А ну, скажи, а то

Заплачу!» —

«Ну и плачь, а я одна

Пойду и не возьму тебя с собою». —

«А почему ж не скажешь?» —

«Знаешь, ты

Глупец! А мне бабуся говорила —

Есть золотые яблочки у ней.

Кому она то яблочко подарит,

Тот будет век и счастлив, и здоров,

Красив-пригож тот будет всем на диво.

Лишь девушкам те яблочки дают». —

«И мне бы яблочко!» — заплакал мальчик.

«Не плачь, глупыш, ты попроси, об этом,

Я уж скажу, чтоб и тебе дала.

А как по яблочку себе достанем,

Домой вернемся — никому не скажем

О том. Не скажешь?» —

«Нет, я не скажу». —

«Ну, помни же! А скажешь — отберут.

Ну, так?» —

«Да, так», — сказал он. И пошли.

Немало лет прошло уже с тех пор.
Несхожею с надеждами детей,
Тяжелой вышла длинная дорога
К палатам солнечным. Луга и нивы,
И свет, и небо, всё, всё изменилось
У мальчика в глазах. Не изменилась
Лишь та подруга, спутница его.
Ее приветливый, веселый лепет,
Улыбка, озаренная надеждой,
Живой струей соединяют в сердце
День нынешний с вчерашним и грядущим.
Их цель не изменилась с той поры,
Лишь выросла, окрепла, прояснилась.

И вот большой дорогой многолюдной
Среди людей и ссор и толчеи
Идут они, в своей груди скрывая,
Как клад чудесный, детские сердца.
Минует их глупец надутый, гордый,
С усмешкою пройдет вельможа пышный,
Но и не взглянет; встретится мужик —
Даст им воды студеной в знойный день
Напиться и укажет им тропинку,
И пустит у себя заночевать.
Они же, взявшись за руки, спокойно,
С надеждой, без оглядки и тревоги,
Идут навстречу солнцу золотому.

ПОЭТ

1

ПЕСНЯ И ТРУД

Песня, подругой моею желанной
Вечно была ты в дни горя и слез,
С самого детства отцовским приданым
Дружбу с тобой через жизнь я пронес.

Помню, ребенком далекой порою
Мамины песни я слушать любил, —
Песни те стали единой красою,
Лучшим источником жизненных сил.

«Мама, голубка, — бывало пристану, —
Спой про Шумилика, спой про венки!» —
«Полно, сыночек! Как петь тебе стану?
Труд ожидает моей руки!»

Мама, голубушка, рано в могилу,
Рано свели тебя горе и труд,
Песни же эти с бессмертною силой
В сердце моем, как и прежде, живут.

Сколько уж раз эти песни печали
В трудные дни на тяжелом пути
Мне материнский привет посылали,
Сил придавали мне дальше итти.

«Тверже, сынок! — ты мне часто твердила, —
Ты ведь не паном родился, кажись,
Труд, что сведет меня скоро в могилу, —
Только лишь он тебя выведет в жизнь!»

Все это правда! Спасибо, родная!
В этом и я убеждался не раз,
Труд, только труд мою жизнь поднимает,
Он на окольных путях меня спас!

Он приоткрыл мне земные глубины,
Там, где бьет песен сияющий ключ,
Старую тайну нужды и кручины
Он осветил, как немеркнущий луч.

Песня и труд — две великие силы,
Им я до смерти желаю служить,
И когда лягу умолкший в могилу,
Ими я буду для правнуков жить!

14 июля 1883

ПЕВЦУ

Будь же, певец, словно божья пшеница:
Песня твоя — золотое зерно,
Скоро на солнце созреет оно, —
До земли колос уж начал клониться.

Знает тот колос — стеблем, шелухою
Лишь для зерна вырастал он в свой срок,
Знает, что, выпив живительный сок,
Будет гордиться зерно полнотою.

Знает, что только стеблем, шелухою,
Склонится он под тяжелым зерном, —
Срежут его беспощадным серпом.
Смерть ему это зерно залотое.

Но, в темноте, в оболочке скрывая
Сочные зернышки, ведает он,
Что для грядущих таится времен
В лоне его жизнь зерна молодая.

Мозг свой, и нервы, и сердце — в творенье
Должен вложить ты, дать слову певца
Боль свою, счастье и жизнь до конца.
Ты — его стебель, солома, цветенье.

4 июня 1888

УКРАИНА

ЛЯХАМ

И мы братались с ляхами.

Т. Шевченко

Так что ж, что вы с нами братались?
Мы все-таки в дурнях остались.
А жили мы вольно; довольно
Простору для всех в Украине,
И хлеба на поле, и воли.
Легко бы дышалось поныне,
Да дернул же чорт вас «брататься»,
Держать к нам лукавые речи,
Над братом панами остаться,
Ярмом придавить ему плечи.
За то, что под маскою братства,
Брат-лях, из отцовских наследий
Забрал ты и наши богатства, —
Обоих нас душат соседи.

Да, видно, вам мало науки!
Чуть-чуть развязали вам руки
Австрийцы в тяжелые годы,
А ты уж и рад: не оставишь

Русину и крошки свободы,
Зовешь к соглашенью, а давишь,
О братстве кричишь ты бесстыдно,
Пустыми словами дурачишь,
А панское сердце, как видно,
Под братской личиною прячешь.

Давай же брататься по чести,
Чтоб равенство было меж нами,
Чтоб в обществе жили мы вместе,
Не так, как холопы с панами.
Пусть свяжет нас добрая воля,
Не ржавая цепь предрассудка.
Своя пусть у каждого доля
И дело, и труд, и погудка.
И счастья, и горя лихого
Поднимем мы равные ноши,
Но помни старинное слово:
«Братъ — братом, а брынза — за грóши».

21 ноября 1882

ЛИСТОК ЛЮБВИ

Нет, не люби меня, девчина,
Коль хочешь страстных наслаждений,
Любви обильных выражений,
Коль хочешь вздохов и обетов,
Чтоб сердце нежно замирало,
Дыхание в груди спирало, —
Коли тебе все нужно это,
То не люби меня, девчина!

Нет, не люби меня, девчина,
Коль хочешь тихо жить в покое,
Как будто яблонь над рекою,
Растить в тиши любимых деток,
Сыночков в школу отдавая,
Сундук для дочек собирая, —
С мною вряд ли будет это.
Нет, не люби меня, девчина!

Ведь я борец, моя родная,
Мои мозолистые руки
Немало ждет трудов и муки.
И бури ждут меня сурово,
И, может, разобьет прибоем

Челнок, в котором плыть с тобою.
Но коль весло ты взять готова
И не боишься бурь суровых, —
Тогда люби меня, девчина!

10 ноября 1883

ЗНАКОМЫМ И НЕЗНАКОМЫМ

1

N. N.

Будь здорова, друг мой милый.
Я не твой!
Разлучила
Нас лихая сила.

Где кого поставит доля,
Там и стой!
Моя ж доля —
Ветер среди поля.

Стонет, веет, рвет и свищет,
Как шальной...
Рыщет, ищет
Наше пепелище...

Дышит мраком, гонит силой
В лютый бой.
«Где ты милый?» —
«На краю могилы».

Пусть один умру в истоме.
Голос твой
В битве, в громе —
Мне как весть о доме.

Ты ж не плачь, а очи-зори.
Спрячь, закрой.
В слезном море
Их потопит горе.

Разошлись по черной воле
Роковой
Наши доли,
Как дороги в поле.

14—18/XII 1883

ОЛЕ

Когда порой на улице, в ненастье,
Вдову, сиротку бедного замечу,
Чей взгляд безмолвно молит об участьи
И чья рука мне тянется навстречу,

Когда дрожит в лохмотьях от мороза,
Терпя от стужи и от спеси сытых, —
Огнем мне в сердце капают те слезы,
Та скорбь голодных, нищих, неукрытых.

И мысль одна встает в моем сознании:
Быть может скоро буду взят могилой,
И так же ты просить на пропитанье
На перекрестке станешь, друг мой милый.

И побледнев, и пожелтев, увянет
Лицо, сияющее мне; во взоре
Уже отрады истинной не станет;
Тебя, мою надежду, ломит горе!

И — ох, как сердце сжалось! — наши дети
Лохмотьями покрыты, босы, в слякоть

Пойдут блуждать сиротками на свете
И от недоли беспросветной плакать.

И я, тайком, дрожащею рукою
Последний грош свой отдаю. Быть может,
Кто-либо сжалится и над тобою,
Сироткам нашим кто-нибудь поможет.

1886

«**К**ак печальны ваши песни —
Все лишь горе да неволя,
Словно нет цветов на свете,
Лишь один репейник в поле.

Черным траурным покровом
Свод небесный вы застлали,
А в сердцах людских открыли
Озлобленье и печали.

Зависти пожар зловещий
В глубине сердец зажгли вы,
Вместо радости и счастья
Всех на битву повели вы.

Грязью будней вы покрыли
Чистой красоты святыню,
И в кабак с высот небесных
Низвели стихов богиню».

Так гремит сердитый голос
Сытого судьи, эстета,

Плачет он: иссякли струи,
Вдохновлявшие поэта.

«Струи высохли. Умолкло
Вдохновенных песен слово,
Коль его не обновим мы,
То не возродится снова».

Эстетических законов
Полон ропот их, шептанье,
Из бумаги чинят, кроят,
Лепят будущего зданье.

Жизнь же путь иной избрала,
Мысль и дух живой все выше
Подымаются, ни формул,
Ни стенаний тех не слыша.

1881

ГРЫЦЬ ТУРЧИН ¹

Муштру терпи ты, бедный рекрут.
 Ружье слезами обливай,
 Послушлив будь, клонись, но только
 Ружья из рук не выпускай.

Учись владеть им, целься метко,
 Умей бестрепетно в глаза
 Смотреть неумолимой смерти, —
 Ведь битвы близится гроза.

Придется встать за правду твердо
 Брат к брату и плечо в плечо,
 Придется нам с врагами биться,
 И кровь рекою потечет.

На вековую неволю,
 На униженья, тяжкий гнет,
 На зло, что жадною змеею
 Кровь из груди народа пьет, —

¹ Герой стихотворения из жизни рекрутов („Молот“), написанного крестьянином Романом Гудзманом. (Примеч. *Ив. Франко*.)

Оружье мы подыдем смело,
Погибнут многие в борьбе.
Учись же, рекрут, хоть несладко
Порой приходится тебе.

Учись быть храбрым, сильным мужем,
Когда рассвета луч блеснет!
Учись, чтоб стать в ряды готовым,
Когда для битвы час придет!

7 апреля 1880

ВОЛЬНЫЕ СОНЕТЫ

1

Рабы-сонеты. В них, как цепи, форма.
Взлет вольной мысли, подчиненный нормам,
Трепещет он, исчислен для проформы
И втиснут, словно рекрут, в униформу.

Сонеты-господа. В них мысль с рожденья
Приглушена размеру в угожденье,
На пользу здесь глядят с пренебреженьем:
Неважен плод — вся красота в цветенье.

Рабы и господа! Сонет сближает
Две крайности. Нелепы речи, взгляды —
Покамест сил своих рабы не знают.

Ровнее, стройся — ряд теснее к ряду,
И путь один, и прогремят по свету
Великие и грозные сонеты.

1880

КОТЛЯРЕВСКИЙ

Оглядывая снежные вершины,
Сидел могучий молодой орел.
Потом взлетел, сметая снег со льдины,
И в синеву слепящую ушел.

А груда снега, что крылом он смел,
По склону каменистому в долины
Стремительно катилась, — миг прошел,
Никто не смог бы удержать лавины!..

Так Котляревский начал петь, всех нас
К украинскому слову призывая, —
Казалась шуткой песня та не раз,

Но сила жизни в нем была большая,
И огонек зажженный не угас,
А разгорелся, всех нас согревая.

1873

НАРОДНАЯ ПЕСНЯ

Взгляни на ручеек, сбегающий с кургана,
Он тихою слезой среди степей журчит,
В нем месяца лицо, как в зеркале, блестит,
И в серебре волны луч солнца блещет рьяно.

В нем тайный ключ на дне трепещет неустанно,
Он, вечной жизни полн, без усталости бежит.
И чистой влагою детей весны живит,
Что густо вокруг него раскинула поляна.

Живящий тот родник с прозрачною водой —
Народа творчество, где много так печали,
В нем обращает речь душа к душе живой,

И как исток его сокрыт в безвестной дали,
Так песнь из тайных недр доходит к нам слезой,
Чтоб чистым пламенем мы сердце зажигаем.

1873

НАУКА

Пусть палача к ней тянется рука,
Пусть ждут её гоненья и преграды,
Жандармы в гроб ее запрятать рады, —
Она живет и будет жить века!

Пусть злобы вихрь над ней не утихает,
Пусть поп всегда анафемы ей шлет,
Пусть деспот вновь ее побеги рвет, —
Она опять повсюду вырастает.

Пусть мы идем опасными путями,
Она — спокойный, верный проводник
Для всех, кто к рабской жизни не привык.

Пусть в тьме и горе черными словами
Её клянут, — она не замечает,
Для блага всех живет и побеждает.

1878

Вы так страшитесь той поры суровой,
 Когда из всех сердец, как божий гром,
 Вдруг правда загрохочет и оковы
 Спадут с земли, как смытые дождем?

Вы так боитесь, чтоб потоки крови
 Не потекли и не размыли дом
 Блестящего прогресса и основы
 Культуры не разрушили притом?..

Напрасен страх! В кровавом волн напоре
 Не могут потонуть ни правда, ни добро, —
 Привольней им, светлее на просторе!

Напрасен страх! Не мудрости ядро
 Волна расколет, гневно поднимаясь, —
 Ядро растет и крепнет, очищаясь!

1880

В сонетах дивных Данте и Петрарка
 Шекспир и Спенсер красотой дышали
 И в форму, выточенную, как чарка,
 Подобную вину любовь вливали!

Ту чашу немцы в меч перековали,
 Когда их страсти разгорелись жарко,
 Их «панцырный сонет»¹ — капрал, и ярко
 Цвет крови отражает или стали.

Как хлебопашцам поступить с мечом?
 Его мы предадим плавильне душной,
 Меч шовинизма мы перекуем

На плуг — работать над грядущим днем,
 На серп — основу жизни, нам послушной,
 На вилы — Авгиевы взрыть конюшни.

24 сентября 1889

¹ Речь идет об известных в немецкой литературе Scharnische Sonette" Ф. Риккерта. (Примеч. Ив. Франко.)

ТЮРЕМНЫЕ СОНЕТЫ

1

Как скот: переписали наши лета,
Рост, зубы и глаза какого цвета,
Ну, словом, все, что нужно в конском сбыте.
Теперь хоть в Вену нас на торг гоните!

Потом, как воры, до последней нити
Обысканы мы были и раздеты,
Табак, нож, деньги, словом, все предметы
Изъяты, — хоть в турецкий рай ведите!

Теперь мы чисты! Но, глупцы, для мести
Оружье наше, ценности — все с нами,
Вам их не взять бандитскими руками.

И развели нас по аппаратам
Казенным; здесь не место комплиентам:
Столовая, с... и спальня — вместе.

16 сентября 1889

Ночь. Камера уснула. Там и тут
 Храпят во тьме. «Волчок» подслеповатый
 Исподтишка во тьме следит, проклятый,
 Подмигивая злобно: «все вы тут!»

На петлях где-то форточки поют,
 И плещет дождь, и капли бьют по скату
 О водосток, чьи дребезжат заплаты,
 Стуча о стену, — вырваться б из пут!

Не вырвешься! Железные затворы
 Тебя здесь стерегут, как злые своры,
 И часовой шагает под окном.

Не вырвешься! И глохнут стоны муки,
 И падают в бессилье тяжком руки...
 Заснуть, заснуть — хотя бы смертным сном!

17 сентября 1889

В тюрьме мы поднимаемся раненько:
Спешим одеться, койки прочь убрать,
Пол подметем метлою хорошенько,
А там давай шагать, шагать, шагать...

В длину и в ширь мы можем насчитать
По шесть шагов, и вот троим трудненько:
Коль двое зашагали — третий сядь,
А встал он, так другой сиди скромненько.

В Бориславе шахтеров трех землею
Засыпало когда-то. Уцелели,
Как кровля, три доски над их дырою.

Табак был. Капли в уголку сочились.
Один их пил, другой курил... неделю!
И мы в тюрьме тому же научились.

18 сентября 1889

В те дни, когда, как рыба, чуя сети,
Свободный дух в тюремных стенах бьется,
И смертный холод в душу мне крадется,
И некому откликнуться в привете,

Лишь ты одна осталась мне на свете,
О, песня, где печаль народа льется,
И сердцу легче, и ему поется,
Как пел народ в страданиях столетий.

О вы, кристаллизованные стоны,
Вы, слезы, перелитые в алмаз,
Вы, вздохи в звуках песни монотонной,

Не покидайте сердца в горький час!
Так сделайте, чтоб муки, злые были
Глубин моей души не помutilи!

8 сентября 1889

Замолкла песня. Ей ли, златокрылой
 Свободной птице, здесь летать, кружиться,
 Здесь, в западне, холодной и унылой,
 Где человек поруганный томится?

И ей ли рассказать, свободной птице,
 Как сторож лезет лапою немилой
 В карманы, в сапоги к нам и в постылой
 Одежды швы, в последние тряпицы?

Бумагу, карандаш, огонь, табак —
 Вот что найти усердно власть желает,
 Что влезла бы и в душу к нам, сдается.

И молкнет песня. Так же улетает
 Певец крылатый от гнезда, коль враг,
 Коль человек, рукой гнезда коснется.

16 сентября 1889

«Не гром ли, не гроза ль идет тюрьмою?»
Грохочут койки. Шлепая по лужам,
Все арестанты коридоры моют,
Трут, белят в казематах и снаружи.

«Комиссия, комиссия! — гудит,
Как шелестит листва перед грозой, —
Тюрьму особа, важная собою,
Сам господин советник посетит!»

Дохнул дух божий утром в воскресенье,
Все задрожало, как от сотрясения, —
Особа важная в тюрьму явилась.

Она идет — вокруг начальство вьется.
«Закрыть окно!» — к нам через дверь несется,
Чтобы особа вдруг не простудилась.

20 сентября 1889

Вошли. «Как имя?» — «Франко». — Станко, что ли?» —
 «Нет, Франко». — «Гм, так Станко записать.
 Давно здесь?» — «Месяц». — «Гм! А ты?» —
 «В неволе
 Семь дней». — «А ты?» — Мне завтра срок
 кончать».

Увидел книжку. «Есть ли разрешение?» —
 «Да, есть». — «Так, гм!» — Он стал обзирать
 Постели, потолок, и в заключение:
 «А где ж отдушник?» — «Нет». — «Так записать!»

Но тут тюремщик бросился: «Простите,
 В тех камерах есть два!» — «Два? Записать,
 А здесь окно пошире растворите!»

(В нос, видно, вонюю шибанула кадь.)
 «У нас окно открыто день и ночь!» —
 «Ага, так записать!» И вышли прочь.

19 сентября 1889

О, как я ненавижу вас, машины!
Ломая кости, сердце разрывая,
Живую душу в людях убивая,
Потом твердите: «Что ж, мы неповинны,

Ведь нас такие завели пружины,
Что мы должны! Не раз, изнемогая,
Бунтуем... Что же делать! Сила злая
Семьи, забот — вот главные причины...»

Как ненавижу вас в усердье, вере,
Что подлости всегда служить готовы —
В любой, пусть в доброй или злой манере!

Нет, те, что сами угождают снова, —
Мне ненавистны в наибольшей мере,
Как рабства золоченые оковы.

9 сентября 1889

Что волк овцу ест — жалко, да не диво,
На то он хищник, злобы воплощенье.
Но вдруг кусаться б начал в исступленье
Вол травоядный, нравом незлобивый?

Коль поп наводит сумрак заблужденья,
Палач во фраке цедит кровь, как пиво,
Коль фарисей основы от подрыва
Спасает, — зло для злых не преступленье.

Но если злу земному честный служит
И подлость меднолобую скрывает
Своею честью, а украдкой тужит, —

Того презренье высшее пятнает,
Ведь как Пилат он, что Христа на муки
Послав, умыл перед народом руки.

9 сентября 1889

Болотный омут посреди Европы,
 Покрытый цвелью, зеленью густою!
 Рассадник тупости и мертвого застоя,
 О Австрия! Где ты поставишь стопы —

Ползут обман, мздоимство, плач народа,
 Цветет бездушие, а ты, спуская шкуру,
 Всех придавив, кричишь: «Даю свободу!»
 И взяв за горло: «Двигаю культуру!»

Ты не сечешь, не бьешь, не шлешь в Сибирь,
 Сосешь ты соки сердца, как упырь,
 Твои миазмы душу отравили.

А гниль и грязь все ширятся, растут.
 Свободный дух — ему не место тут,
 Он заживо умрет в твоей могиле!

4 октября 1889

Тюрьма народов, обручем железным
 Сдавила ты живые их суставы
 И держишь — не для пользы, не для славы,
 А на съеденье прихвостням бесчестным.

Так лошадей пастух стреножит в поле —
 К ноге одной другой привяжет ногу,
 Ни бегать, ни ходить они не могут,
 И вот грызутся узники в неволе.

Ты тоже так опутала народы,
 Им предоставив видимость свободы,
 Чтобы друг друга грызли и душили.

Из твоего все дружно рвутся круга,
 Но в схватке ранят яростно друг друга,
 И эта рознь — твоей лишь помощь силе.

7 октября 1889

ЭПИЛОГ

(Посвящается украинским сонетчикам)

Украинские бедные поэты,
Ужели некому вас научить,
Что для сонета мало — чуть слепить
Четырнадцатистишие в куплеты.

Литой из меди ямб — его приметы.
Терцеты и катрэн умей сложить
И рифмой звонкою соединить.
Так только и слагаются сонеты!

В единое и мысль и форму слей,
Природы блеск и спор живых страстей
В двух первых строфах ярко развернутся,

Страсть, буря, бой в терцетах пусть сойдутся,
Последней же строкою назови
То, что слилось в гармонию любви.

Преров, 6 мая 1893

В ШИНКЕ

Сидел в шинке, пил водку злую,
А возле сердца что-то жгло.
И вспомнил он жену больную,
И вспомнил счастье, что ушло...
А был хозяином и он,
И всякий, кто с ним ни встречался,
Ему отвечивал поклон
И с добрым словом обращался.
А дальше... дальше не хотел
И вспоминать!... Ой, горе-лихо!
Зачем молчать он не умел,
Когда приказ, чтоб было тихо?
Когда село обидел пан,
Зачем, зачем было вступаться
Не за себя, а за крестьян,
У пана права добиваться?
Он прав у пана не добился
И очутился он в беде:
До малой крохи разорился
И за издержки на суде
Пошли скотина, хата, сад
И поле, поле золотое...
В широкий свет, как будто в ад,

С большой голодною семьею
Он выгнан был... И вот — конец:
Уж не спасти жену больную.
Батрачат дети, а отец?
Сидит в шинке, пьет водку злую.

1881

ГАЛАГАН¹

«Мама, глянь, — кричит Иван,
Бледный мальчик лет шести. —
Погляди-ка, погляди,
У меня есть галаган!» —

«Где ж ты взял его, сынок?
Снег и холод за окном.
Ты насквозь, мой сын, промок!
Боже! Бегал босиком!» —

«Сам барчук мне грошик дал.
Он держал его в руках.
Я босой за ним бежал,
Он был в теплых сапогах.

— Догони ка! — грошик дам! —
Так сказал и — наутек.
Я... догнал его... ма... мам...» —
«Что ты, что ты, мой сынок?»

Посинел, дрожит Иван.
Зубы сжал, оцепенел.

¹ Г а л а г а н — медная австрийская монета.

Уронил свой галаган.
Пал на землю, помертвел.

А прошло всего дня два —
Безутешно плачет мать.
Вянет сжатая трава,
Как пойдет коса гулять.

Тихо спит в гробу Иван.
Больше он не знает мук.
В ручке держит галаган,
Тот, что дал ему барчук.

ЖУРАВЛИ ¹

Журавли углом летят
В поднебесье где-то,
Дети радостно кричат,
Пляшут кругом, как велят
Старые приметы.
Курлы, курлы, журавли!
Вашу мать в воде нашли!

Любопытство, страх берет —
Не собьется ль стая?
Будет ль лететь вперед
Или свой прервет полет,
Верный путь теряя?
Курлы, курлы, журавли!
Вашу мать в воде нашли!

Пролетели журавли,
С дороги не сбились,

¹ По народному поверью, когда весной журавли летят из теплых стран, можно сбить с дороги целую стаю, если воткнуть нож в землю и кружиться вокруг него, держась за рукоятку и распевая песенку, использованную в этом стихотворении как рефрен. (Примеч. *Ив. Франко.*)

Долго мальчики с земли
Наблюдали, как в дали
Косяки их скрылись.

Курлы, курлы, журавли!
Вашу мать в воде нашли!

«Как поверить мы могли
Бабушке убогой?
Ведь от песни журавли
Не снижались до земли,
Не сбились дорогой».

Курлы, курлы, журавли!
Вашу мать в воде нашли!

«Правда, дети, не все так,
Как вам бабка скажет, —
Светлых знаний первый знак,
Первый опыт — не пустяк,
Правду он покажет.

Курлы, курлы, журавли!
Вашу мать в воде нашли!

А пропустите урок —
Будет хуже, дети:
Сказки — (вам и невдомек) —
Мысль запутают в клубок,
Ум поймают в сети.

Курлы, курлы, журавли!
Вашу мать в воде нашли!

Вы малы, вам из оков
К правде не пробиться,

Журавлем средь облаков
Из-за сущих пустяков
Будете кружиться».
Курлы, курлы, журавли!
Вашу мать в воде нашли!

1881

РАЗМЫШЛЕНИЯ НА МЕЖЕ

(Отрывок)

Я думал о братстве великом людей,
Я думал: когда же придет этот день?
И в думах безмежные видел поля,
Где, взрытая общей работой, земля
Кормила народ мой, счастливый, свободный.
Ужель то Украина, край воли народной,
Чужими ограбленный, светом забытый.
Да, это Украины свободная новь!
И боль в моем сердце стихает, разбита.

Но призрак исчез. Я взглянул — и вон там
За межу с Григорьем дерется Степан;
Там дед пашет поле, сам старый, как гриб,
А сын его в Боснии где-то погиб.
Отец там на сына с колом набегает,
Там мачеха, злобствуя, все проклинает...
О край мой родимый, согбенный бедою,
Погибнуть бы лучше тебе, если б случилось,
Что ввек эта доля была бы с тобою!

1881

РАЗМЫШЛЕНИЯ НАД МУЖИЦКИМ КЛИНОМ

1

Встану я утром на вспаханной ниве:
Пурпуром солнце меня озарит,
Пташек доносится щебет счастливый,
Только в душе моей горе кричит.

Царь всех творений, властитель природы,
Сколько здесь счастья кругом, красоты!
Но красота в твое сердце не входит,
Мрачным, забитым мне видишься ты.

Злаками щедрое поле покрыто,
Травы густые в лесах и лугах,
Что ж никогда не бываешь ты сытым,
С голода мрешь в своих нищих домах?

Гор твоих лоно богато железом,
Что ж иступились твои лемеха?
Или руда для оков лишь полезна,
А для мужицкой работы плоха?

В недрах кипит нефтяная стихия
В струях бурлящих ясней хрусталя;
Свет посылаешь ты в страны чужие.
Тьмою родная объята земля.

Солью чудесной горды твои склоны,
Солью в пещерах звенят хрустали,
Что же свой хлебец ты ешь несоленным,
Что ж ты не сделался солью земли?

2

Сердце к тебе трепеща припадает,
Клина мужицкого почва тверда.
Дух мой горячий в душе твоей тает,
Словно блестящая в море звезда.

В каждую он проникает пылинку,
В камешек каждый, росток и сучок
С тем же вопросом для каждой былинки:
Кто же забрал плодородный ваш сок?

Сотни веков в летаргии проклятой
Кровь свою, плоть отдавали для вас.
Что ж вы и хлебом теперь небогаты?
Где же святых ваших соков запас?

ОТРЫВКИ ИЗ ПОЭМЫ «НОВАЯ ЖИЗНЬ»

ПРОЛОГ

Подгорья бесконечные долины
Укрыла ночь. О, сколько в ней красы!
Там задремали горы-исполины,
Здесь травы блещут жемчугом росы;
Летит из рощи голос соловьиный,
Боры чернеют в ясные часы.
Река шумит, бурлят ее седые воды,
Как сказка тайная про дивный сон природы.

И люди спят. Вот плуг торчит на поле,
Вот кони за оградой стоят,
Жуя траву, пес на цепи, в неволе,
Сидит, другой залаял из-за хат
И смолк он... Горе или счастье-долю
Во сне глубоко видит стар и млад?
Сны ясные, всегда являйтесь к ним ночами,
Хоть вы украсьте жизнь, убитую трудами!

А высоко над этим тихим раем
Простерся чистый, темный свод небес.
Кровавый месяц поднялся над гаем,
За тучкою серебряной исчез
И вышел вновь. Плывут созвездья краем

Заоблачным, и сколько же чудес,
Святых, великих грез о радостной судьбе
В такую ночь, земля, нашептано тебе!

Подгорье, край мой милый и прекрасный,
Люблю тебя сильнее из года в год.
Как та звезда, что льет нам свет свой ясный,
Так и любовь в душе моей живет.
Но почему ты, край, такой несчастный
И почему несчастен твой народ?
Для счастья твоего и твоего народа
Я б хоть сейчас всю кровь из сердца отдал!

Да только мы то время не вернем,
Когда лечили кровью от проказы.
Нужна ни жертва, а борьба со злом!
Никто побед не добивался сразу —
И надо в зной, в мороз итти пешком
Без мостика, тропы и перелаза,
Без шумных слов, и для тебя родного края.
Теперь нам нужно жить да жить, не умирая!
Уменье жить — нет величавей дела,
Загадки большей для грядущих дней,
Чтоб жизнь одних без пользы не летела,
Как ветры над просторами степей
Или, как буря, что осатанело
Гремит и все ломает до корней,
Чтоб жизнь других не шла, нет — не ползла уныло,
И чтобы горькою отравой не поила.
Уменью жить — высокому уменью
Нас книги не сумеют научить,
Научит только опыт и терпенье,
Одна любовь, что может всех сроднить.

И счастлив тот народ, то поколение,
Которое, как надо, будет жить!
Для нас же, по кому судьба катилась валом,
Лишь в песне эта жизнь явилась идеалом.

1883

ПЬЯНИЦА

Жил да был себе пьянчужка.
Что имел — все пропил он.
Мясопуст — ему игрушка,
Для него — один закон:
Чарка, плоска, стопка, кружка;
И, посудой окружен,
Говорил: «Всё на потребу,
А умрем — пойдем на небо!»

Будь то женщины, мужчины —
Он компанию водил,
Пьют, не пьют ли — все едино,
Даже с потолком он пил:
«Выпьем, что ли, старичина,
Свой черед ты пропустил!
Дай нам, боже, на потребу,
А умрем — пойдем на небо!»

Уж такой была натура —
Рюмки он не миновал.
Спирт ли, водка или люра,¹
Начинал он иль кончал,

¹ Л ю р а — самогон.

У него губа не дура —
Божье имя поминал:
«Дай нам, боже, на потребу,
А умрем — пойдем на небо!»

Выпив как-то раз зимою,
Еле ноги он волок,
Заблудился под пургою,
Ночевать в сугробы лег
И под снежной пеленою
Так уснул, что встать не мог,
А душа пичужкой белой
Выпорхнула вдруг из тела.

Он проснулся. «Что за чудо?!
Ей-же-ей, я умер: вот
Труп в снегу чернеет грудой,
Дух стрелою вверх идет».
Стало страшно на минуту:
«Ну, как чорт меня возьмет?
Напоит смолой кипящей.
В «Обществе»¹ — и то уж слаще!»

Да теперь уж было поздно:
Двери рая перед ним.
С высоты глядит так грозно
Огнекрылый херувим.
И в ворота осторожно
Постучал бедняга Клим,
Теплой ласки ждет на небе:
«Дай нам, боже, по потребел!»

¹ И. Франко имеет в виду «Общество трезвости», основанное в Галиции Наумовичем. (Примеч. ред.).

Бог на небе стук услышал,
Знает, кто там, но молчит.
Он к Петру склонился свыше:
«Посмотри-ка, кто стучит!»
Петр с ключами тотчас вышел,
К райской двери он спешит:
«Кто там? Эй! Нужда какая?
Кто стучит в ворота рая?»

«Вы простите, — отозвался
Голос, — я — пьянчужка Клим». —
«Что?! Пьянчужка?! — раскричался
Райский ключник перед ним. —
Ты бы в пекло постучался,
Входа нет сюда таким!»
Дрогнуло у Клима сердце,
Но сказал он через дверцу:

«Божья воля — суд небесный,
Тут нельзя протестовать,
Но скажи мне, пане честный,
Как тебя мне величать?
Голос слышу твой чудесный,
Да особы не видать».
Разобиделся апостол,
Закричал на Клима грозно:

«Верно ты, дурак, считаешь,
Что у нас ваш польский строй!
Паном ты за что ругаешь?
Иль паны здесь пред тобой?!
Все равны мы в небе, знаешь,
Братья все мы меж собой.

Я не польский пан-канчучник,¹
Я — апостол, райский ключник».

«Это ты, святой апостол! —
Клим довольный закричал, —
Лучше б ласково да просто
Ты в раю гостей встречал,
А забыл, с каким упорством
Ты Иисуса отрицал?
Правда, пил я через меру,
Но хранил христову веру».

Почесал святой затылок,
Губы запер на замок,
«Горькой» отхлебнул уныло
И — тихонько в уголок.
Оробел на время было
Клим, потом опять разок
Стукнул, сам дрожит и шепчет:
«Дай нам, боже, что полегче».

Бог на небе стук услышал,
Знает, кто там, но молчит,
К Павлу он склонился свыше:
«Глянь-ка, Павел, кто стучит!»
Поднял Павел меч свой выше
И к воротам с ним спешит:
«Кто там? Жил ты верно свято,
Что стучишься так завзято!»

«Вы простите, — отозвался
Голос, — я — пьянчужка Клим» —

¹ Канчук — нагайка.

«Вот пьянчуга привязался!
Что — корчма здесь? Дьявол с ним!
В пекло б лучше ты убрался,
Ну-ка, марш в смолу и дым!»
Клим стоял как облит варом,
После так ответил с жаром:

«В пекло, значит? Расчудесно,
Мне его не миновать,
Кто же ты, отец небесный?
Это я хотел бы знать.
Голос, кажется, известный,
Но лица мне не видать».
С неба глас гремит сурово:
«Павел, царства страж христов». —

«Это ты, апостол Павел! —
Обратился Клим к нему, —
Сам ты в роскоши здесь плавал,
А меня грозишь — во тьму!
А забыл, недавний Савл,
Как по знаку твоему
Христиан терзали, били
И в узилищах томили?

И хотя грешил я много
И за ворот заливал,
Но, известно это богу,
Никого не истязал.
Почему же ты так строго...»
Павел тут его прервал,
Вправо, влево оглянулся
И скорей назад вернулся.

Подождал наш Клим для виду,
После стукнул раз, другой.
Говорит тут бог Давиду:
«Погляди-ка: кто такой».
Взял тогда свою хламиду
И к вратам пошел святой:
«Это кто? Что там за птица
Спозаранку к нам стучится?»

«Вы простите, — отозвался
Голос, — я — пьянчужка Клим». —
«Ах, пьянчуга, где ты шляется?!
Нам ли здесь возиться с ним?!
Лучше б в пекло отправлялся
Пить сгонь, смолу и дым!»
От обиды чуть не плача,
Встал наш Клим и так он начал:

«Твой приказ суров, но, верно,
Вправе ты повелевать.
Но скажи, молю усердно,
Кто ты? Рад бы угадать,
Голос страшен твой безмерно,
Но особы не видать». —
«Экой ты дурак безмозглый —
Царь Давид я, славный, грозный!» —

«Это ты, сынок Ессея?
Ишь каким ты строгим стал!
Иль забыл как, не робея,
Урии жену украл,
Самому же поскорее
Смертный приговор послал,

Иль забыл, как сам когда-то
Девушек учил разврату.

Не тогда ль ты освятился?
Я пьянчужка, видит бог,
Если б так я осрамился,
Что один такой грешок
На душе имел, пустился
В ад тогда б, не чуя ног». —
Плюнул царь Давид и боком
Прошмыгнул к себе в чертог он.

Снова Клим стучит и стонет,
Слышит бог, но сам молчит.
Говорит он: «Соломоне,
Погляди-ка, кто стучит?»
Соломон в своей короне
Вышел к двери и ворчит:
«Кто такой? Чего желаешь?
Что ворота разбиваешь?» —

«Вы простите, — отозвался
Голос, — я — пьянчужка Клим». —
«Чтоб тут пьяница шатался?!»
Нет приюта здесь таким.
Пусть бы к чорту убирался,
В пекло лез, в смолу и в дым!»
Клим был сильно озадачен,
Замолчал, а после начал:

«Уж в четвертый раз я слышу,
Что мне быть в аду — на дне.
Но, пока приказ не вышел

В вечном жариться огне,
Умоляю: снизойди же
И открой себя ты мне!» —
«Это сделать мне нетрудно:
Соломон я — царь премудрый». —

«Соломон, меня напрасно
Ты едва не погубил,
А забыл, как сам ты страстно
Восемь сотен жен любил.
Я с одной жил; ежечасно
Я кумирам не кадил,
Как с тобою то бывало, —
А у нас ведь их немало».

Услыхав такое слово,
Испарился Соломон.
Стукнул Клим в ворота снова,
А затем воскликнул он:
«Боже, твой ли суд суровый
Иль один святейший сонм
За небесными вратами
Гонит в дым меня и в пламя?

Господи, я гадкий, грешный,
Но святые, что взашей
Гонят в ад меня крошечный,
Может быть, еще грешней.
Здесь живут они беспечно,
И меня, молю, пригрей:
Я не крал, сирот не трогал,
Поминал я имя бога».

Бог на небе это слышит,
Усмехаясь, ждет конца,
Клим уж не стучит, не дышит,
Стал, как блудная овца,
И заплакал. Бог тут вышел,
Вызвал Ноя-праотца:
«Ной, прошу тебя, взгляни-ка,
Где там плачет горемыка?»

Ной засеменял к воротам,
Верно: кто-то слезы льет.
Нежно спрашивает: «Кто там?»
Отвечают у ворот:
«Это — Клим, тяжка забота,
Потерял я мукам счет.
В божью стремился сферу,
А меня глотать шлют серу».

«Шлют пить серу?! Тьфу, бедняга!
Даже матерым чертям
Не годится эта влага,
А тем более — всем нам!!
Пред вселенною, однако,
Я свидетельствую сам,
Что наливки доброй капля
Лучше всяких райских яблок.

О, попробовал, не скрою,
Этой капельки и я.
К ней теперь еще порою
Тянется душа моя.
Будет милостив с тобою
Бог. Откроюсь, не тая:

Если грешен только этим —
Мы тебя с восторгом встретим».

Ной тут прадед седоглавый
Пьяницу впускает в рай.
Добрый бог и величавый
Говорит ему: «Гуляй».
Если ж спросит кто лукаво:
«А какая здесь мораль?» —
То морали тут три бочки.
Вот две-три важнейших точки.

То, что люди пьют, — не диво,
Этот грех грехам не в счет.
Мне милее пьющий пиво,
Чем иной, кто кровь сосет.
Не для пьяницы огниво
Дьявол в пекле бережет.
Если ж умер от горячки —
В рай ползи, хоть на карачках.

Пусть святые обругают —
Духа нечего терять.
Ведь они обряды знают,
А не божью благодать.
Просьбы, слезы помогают,
Если к Ною нам воззвать.
Но, коль выпил, помни паки:
Спи в корчме, не в буераке.

Вена, 1892

СУРКА

Я Сурка, бедная еврейка,
Красой меня бог обидел,
Я ростом мала, сутула,
Лицом и вовсе невзрачна.
Где ж вырасти было стройной,
Прямой, где ж вырасти Сурке
Без матери, без кормильца!
Сызмальства жила я в людях,
Сызмальства в тяжелой работе,
Под вечным градом побоев!
Так двадцать лет прожила я,
И не жила, надрывалась,
В корчмах, батрача, сгибалась,
Работая денно и ночью...
Корчмарка зла и ленива,
Корчмарь хоть тихий, да жулик,
А гости всем недовольны.
Одно у каждого в мыслях —
Служанке задать работы,
Щипнуть служанку, ударить,
А ты и пикнуть не смеешь,
Еще должна улыбаться,
Хоть сердце полно обиды.

Так двадцать лет прожила я.
Вот как-то корчмарь мне шепчет:
«Приди ко мне, Сурка, ночью...
Жена сегодня уедет...»
Глупа и темна была я
И грамоте не училась,
И даже молитв не знала,
А все же смекнула сразу,
Зачем я надобна Юдке.
Хотела бежать из дому...
Хотела сказать хозяйке...
Потом решила другое:
«И так моя жизнь пропала,
Что капля воды в болоте!
Я радости не видала,
Умру я и знать не буду
Того, чем тешатся люди...
А там, на небе, — бесплодным
Ни чести, ни уваженья...
Так пусть у меня родится
Ребенок! Господи боже!
Как я любить его буду!
Я буду греть его ручки
И ножки своим дыханьем!
Кусок изо рта я выну,
Чтоб был он сыт и доволен.
Пусть бьют меня, унижают,
Но только бы он, мой цветик,
Он только бы рос по-людски!»
Вот так я думала часто,
Таская воду из речки,
Посуду моя на кухне,
Стирая хозяйские тряпки,

И слушала, как под сердцем
Все чаще и все сильнее
Дитя мое шевелится.
Порой даже дух захватит
Во мне. Стою как шальная.
Работа из рук валится.
Иль сяду, глаза зажмурю
И вижу в полудремоте —
Вот розовенькое тельце,
Вот маленький, мягкий, пухлый
Лежит на груди у мамы,
Ножонками бьет, смеется.
Весь век бы так и сидела.

Да где! Заметит корчмарка,
Ударит по шее больно,
Прикрикнет на Сурку грозно.
Тут я очнусь от мечтаний,
Взгляну на нее незлобно, —
Ни крохи не было злобы
В душе моей в это время, —
А гордо, как королева,
Готова сказать я злыдне:
«Хоть ты хозяйка, корчмарка,
Хоть бедная я служанка,
Я мать, я мать, понимаешь!
Я ровня тебе, гордячке!»
Когда пришло мое время,
Тогда лишь она узнала.
Ой! ой! Что было тут крику!
Меня из корчмы прогнали
В метель и в лютую стужу.
А Юдка жены боялся.

Не смел и вымолвить слова.
Но сжалился надо мною,
Запряг он кобылу в санки,
Отвез меня к бабке тайно,
Он дал мне денег немного
И молвил: «Сурка, бедняга,
Пока поживи у бабки,
А я тебя не забуду! —
Но только, во имя бога,
Не вздумай сказать корчмарке,
Что Юдка отец ребенка,
Житья от нее не будет».
Бог дал, родился сыночек
Здоровый, крепкий, красивый.
Уж месяц живу у бабки,
Совсем поправилась было, —
А Юдка все не приходит!
А бабка была старушка,
Сама без хлеба сидела —
Ни заработка, ни денег.
Пришлось нам круто, ой, круто!
И старая мне сказала:
«Ты видишь, Сурка, бедняга,
Что жить нам здесь больше нечем.
Поищем норы теплее!
Запру я на зиму хату,
Пойду в работницы к войту.
А ты забирай ребенка,
Ступай, убогая, к Юдке!
А коль Юдчиха прогонит,
Ищи другого приюта!
Был лютый мороз и ветер,
Метель заметала поле.

Была я босою, голой,
Все, все, что теплого было,
На мальчика я наvertsела,
А я и так обойдуся!
В корчму отправилась к Юдке.
Пришла я в корчму. Юдчиха
Лишь глянула, словно коршун.
(А в кухне, вижу, другая.)
«Чего ты хочешь?» — спросила.
«Пять лет, — говорю, — служила,
Теперь пришла за расчетом».
Ой, как завизжит Юдчиха:
«Змея, отвечай сейчас же,
Скажи, чей это ребенок?» —
«Он мой, — говорю, — да божий». —
«Скажи, кто отец ребенка,
Не скажешь, простишь с деньгами!» —
«Нет, нет, не скажу вовеки!» —
«Так вон, мерзавка, из дома!
Проваливай прочь отсюда
С поганым твоим отродьем!» —
«Юдчиха, побойтесь бога!
Мороз на дворе трескучий,
А я раздета, разута...
Куда я с малым ребенком,
Куда же я ночью денусь?» —
«Не смеешь мой дом поганить!
Ступай хоть к волку в берлогу!»
И подскочила корчмарка,
И выгнала нас за двери,
В метель, в наступающий вечер.
Пошла я, себя не помня.
Так тяжело было на сердце!

Куда же Юдка девался?
Зачем не выглянул даже,
Зачем не сказал хоть слова,
Жену не сдержал, злодейку?
Куда мне теперь деваться
И где попросить ночлега?
Пять лет в корчме прожила я,
А на селе не бывала,
Людей не знала, живущих
В тех серых мужицких хатах,
Они — мне казалось — злые,
Казалось, что вечно пьяны,
Всегда готовы обидеть,
Избить, обругать еврейку.
И стало мне вдруг так страшно,
Как будто в лесу дремучем
К волкам я зашла.

Темнело.

Мой маленький начал плакать.
И чувствую, прибывает
В груди молоко. Уселась
Я в снег под плетень какой-то
И стала кормить ребенка.
А он, мой маленький, сразу
Взял грудь так сильно и жадно —
Еще не озяб, как видно,
Лишь щечки порозовели.
Сосет и большими глазами.
Глядит на меня разумно,
Как будто вот-вот мне скажет:
«Не бойся, мама, не бойся!»
И стало кругом светлее,
И так мне легко вдруг стало,

Как будто бы снег растаял,
И теплый ветер повеял,
И ветви листвою оделись.
Гляжу и не налюбуюсь
На малого ангелочка,
И все на свете забыла...
Вдруг псы в деревне завыли,
И ветер, сердито свистнув,
Глаза мне засыпал снегом,
И я внезапно очнулась,
И чувствую — коченею.
Застыли руки и ноги,
Ребенок озяб и плачет,
И сон меня клонит долу.
О боже, я замерзаю!
Была такая минута —
И мысль у меня блеснула:
«Ну что ж, замерзну, и ладно!
Хотя бы страдать не буду!»
Но тоненький плач ребенка,
Как нож, пронзил мое сердце
И прочь отогнал те мысли.
«Нет, нет, сама пусть погибну,
За что же гибнуть малютке?»
Собрав последние силы,
Я выбралась из-под снега,
А он уже был мне по пояс.
Закутала я ребенка.
Хотела бежать, — но силы
Уж нехватало. Хотела
Дыханьем согреть ребенка, —
Тепла во мне не осталось.
Уже и дороги не видно,

И вязнут ноги в сугробах,
Метель глаза засыпает...
Бреду кое-как и вижу:
Стоит хатенка, мерцает
В окне огонек неяркий,
И тут я решила сразу:
«Под это окно, на выступ,
Свое дитя положу я,
Здесь в доме не все уснули, —
Хоть кто-нибудь плач услышит,
Возьмет дитя, обогреет...
А я пойду себе полем,
Пускай замерзну в сугробе...»
Как вздумала, — поступила.
Поцеловала я щечки,
Прихваченные морозом,
Присыпанные метелью,
Дитя теплей завернула
И под окно положила,
За выступ, где меньше ветра.
Сама же, в одуре сонной,
Пошла напрямик, по снегу...
Тяжелой была дорога,
И с каждым шагом, казалось,
В ногах пудовая тяжесть
Висит, и ее не сдвинуть.
А ветер в лицо мне свищет,
Он бьет меня прямо в очи
И свищет, слышу: «Опомнись!
Что делаешь, Сурка! Сурка!»
Шаг сделаю, встану. Сердце
Как будто иглами колет,
А слухом ловлю все звуки.

И мне мерещится, слышу,
Что где-то плачет ребенок.
И стали страшные мысли
В моей голове роиться:
«А что, если в доме спали,
Никто не услышал плача,
И маленький мой замерзнет!
А что, если вдруг собаки
Живьем его растерзают!»
Как вкопанная я встала
И крикнула что есть мочи,
К селу обратясь: «Спасите!
Ребенок там! Мой ребенок!»
Кругом все пусто и глухо.
Глохает ветер мой голос...
Тогда, как с цепи рванувшись,
Назад бежать я пустилась
В село. Бегу, спотыкаюсь,
Упала, встаю, упала...
Кричу и плачу. Напрасно!
Бегу через силу, мучась...
Так час или два проходят,
А хаты с огнем не видно.
Стога какие-то, ивы,
Собаки воют далече...
Какие-то рвы, канавы,
Плетни, а хаты не видно.
Уже отчаянье стало
Прокрадываться мне в душу.
Мечусь, потеряла разум,
Кричу во весь голос, плачу.
Вдруг кто-то хватъ меня сзади.
«Ты что здесь делаешь?» — слышу.

Гляжу — и вижу жандарма.
Блестит ружье за плечами,
Фонарь у пояса светит.
Когда я в корчме служила,
Жандармов всегда я боялась, —
Их очень боялся Юдка! —
Но этот жандарм нисколько
Мне страшен не показался,
К нему я бросилась сразу,
Как бы ища в нем спасенья.
«Ой, пане, — кричу, — я Сурка,
Я та, что в корчме служила,
Ищу своего ребенка!»
И всё ему рассказала.

Жандарм взял меня за руку,
Повел меня по деревне,
Пока огонек не мелькнул нам.
«Не эта ли хата?» — спросил он.
«Не знаю, пане!» — «Посмотрим!»
Подходим. Господи боже!
Та хата и то оконце,
Но нет моего ребенка.
И все во мне помертвело.
«Ребенка нет...» — говорю я.
А в хате светло и шумно.
Стучится жандарм. Мы входим.
Вошли мы в сени, и слышу —
Кричит ребенок. «О боже!» —
Лишь силы хватило вскрикнуть.
Без памяти я упала.
Не знаю, что было дальше,
Но, как во сне, вспоминаю —
Лежу я в мужицкой хате,

Тепло и светло и чисто...
Сидит со мной рядом бабуса
И головою качает,
И тихо-тихо мне молвит:
«Ох, дура ты, Сурка, дура.
Ну что ж ты не постучалась?
Мы не собаки, как Юдка
И как Юдчиха. Мы люди.
Да слыханное ли дело
В снегу ребенка оставить?
Я, к счастью, еще не спала,
Молилась богу, вдруг слышу —
Пищит за окошком что-то,
Как будто котенок малый,
И стихнет опять...»

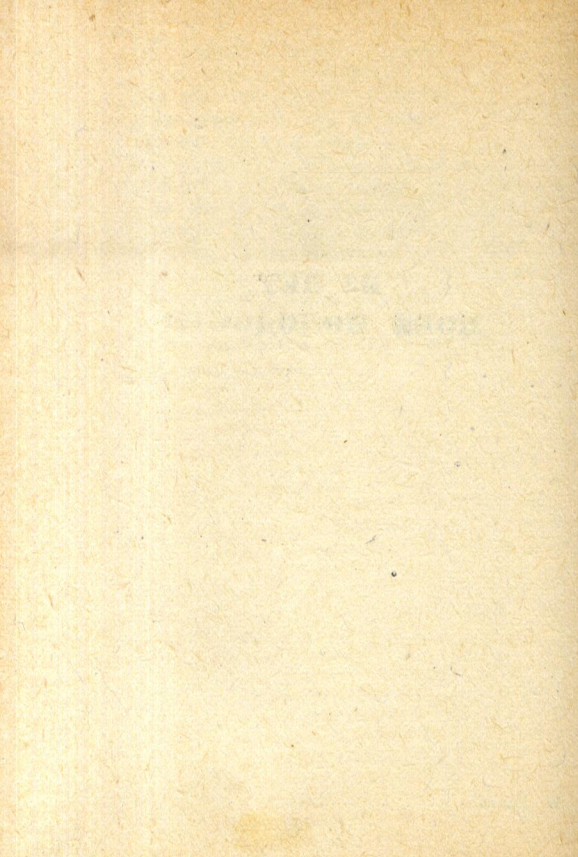
Очнулась

Потом я только в больнице
Тюремной. Сказали — в горячке
Лежала я три недели...
Сказали — судить меня будут.
Пусть судят меня, бог с ними!
Что мне до суда людского!
Что мне до их наказанья!
Я суд страшнее узнала,
Снесла тяжелее кару
Той страшной памятной ночью.
Что ждет меня? Будь, что будет!
Снесу любую работу,
Ничто на свете не страшно,
Пока ребенок со мною.
Я ради него готова
Все вынести. Мне сказали —
Его отобрать хотели

У Сурки. Спасибо горячке,
Что мне его сохранила!
Я так, — говорят, — кричала,
Так плакала, так металась
И все ребенка искала,
Что доктор сказал: «Отдайте,
Отдайте ей сына, иначе
За жизнь ее не ручаюсь!»
Теперь он подрос немного.
Уж он умеет смеяться.
Смотрите, как он играет,
Как тянет к маме ручонки!
Моя единая радость!
Мой маленький милый птенчик!..

7—8 сентября 1889

**ИЗ ЛЕТ
МОЕЙ МОЛОДОСТИ**

НАШ ОБРАЗ

Сонет

Брат, знаешь ли ты поле, что широко
Покосом устлано везде, где видит око?
Цветы упали с шелковой травой,
Необозримость нив укрыв собою.

Лесов печальных знаешь ли руину,
Щербатых пней, прогнивших бревен, балок,
За миг единый гордость исполина,
Краса его трухой обломков стала.

Постой, пусть времени умчалось мало —
Мир снова в буйных травах, в цвете алом,
Лес молодой здесь ветви вновь раскинул.

Так, брат, и с нами, русинами, стало.
Судьба скосила нас, но живы силы —
Мы встанем; жизнью расцветет могила.

ОТЪЕЗД ГУЦУЛА

Прощай, мой милый край, прощай!
Вершины, вас я оставляю.
Прощай, зеленый пышный рай!
Далекий свет, широкий край,
Равнины, горы и Дунай
Гуцула ожидают.

Прощай, страна! Тревожно вдаль
Гляжу, а на сердце печаль,
Тоска по Черногорью.
Хоть там богат и пышен край,
Хоть серебром течет Дунай,
Но сердце дышит скорбью.

Прощай, мой край! Ах, за тобою —
С какой не встречусь я судьбою —
Все рвется сердце в муке.
Пусть там богатство, красота,
Я на чужбине — сирота,
Когда с тобой в разлуке.

Прощай, страна! Уж близок час,
Ты скроешься навек из глаз,
В даль, паровоз, умчишь мое ты тело;

Но сердце здесь оставляю я,
И потечет слеза моя
За счастьем, что когда-то пролетело.

Прощай! Уж срок пришел, прощай!
Умчусь в далекий, чуждый край.
Склонясь над серебром Дуная,
Когда-нибудь я слез ручей
Пролью из горестных очей,
Край милый вспоминая.

ДАНЬ

Дружина хозаров разбоем жила,
Она и к Днепру для разбоя пришла.
Град Киев стоит высоко над Днепром,
И княжат три брата со славою в нем.
Послали хозары трем братьям сказать,
Что с города дань будут хищники брать.
«Война, если дань не заплатите вы,
А где мы проедем — не ждите травы».

Кий, Харев и Щек шли на княжий совет
И скоро послали хозарам ответ:
«Привыкли мы к миру, война не для нас;
И дань мы платить вам готовы сейчас».
Хозары под городом грозно стоят
И точат мечи и на город глядят.
Вдруг видят: посланцы в их табор идут,
Из города дань вслед за ними везут.
Дань в ханский шатер не спеша завезли,
Хозары-начальники к хану пришли.
«Немало, поди, нам прислали добра?
Нам дали князя по мечу со двора».

Начальники смотрят, задумался хан.
«Недобрую, хан, получили мы дань!

Вот меч — он с одной стороны заострен,
Своими же рубят они с двух сторон.
Коль с нами бороться поляне начнут,
Пока мы их сто, наших двести убьют.
И, может, недолго осталось нам ждать,
Когда будут с нас они дань получать».

Светлеют холмы, на долинах туман,
Без отдыха движется войско полян.
За рядом от Киева движется ряд
Туда, где хозары-разбойники спят.

И трубы взревели. В неожиданном бою
Хозары увидели гибель свою.
Нельзя было скрыться хозарам от злых,
От страшных мечей двухсторонних стальных.

Ой, были все волки в чащобе лесной,
И был похоронным их тягостный вой.

А утром развеяло солнце туман.
Враги полегли под мечами полян.
Лишь хан их плененный в оковах сидит
И молча на пыльные трупы глядит.
У пленника пала на грудь голова,
Зловещие он вспоминает слова:
«И, может, недолго осталось нам ждать,
Когда будут с нас они дань получать».

РЫБАК

Разыгралось Черно море,
Лютым зверем поднялось,
Ходит, вост на просторе
И перунами зажглось.

Словно глаз кровавый тигра,
Затаивший злость и страх,
Солнце с мраком водит игры
На крутящихся волнах.

В брызгах, в пене, с шумом, с воем
Лодку утлую несет;
Разъярившимся прибоем
Разобьет ее вот-вот.

А на лодке одинокий,
Без весла, рыбак сидит,
С равнодушием глубоким
На тревогу волн глядит.

Без заботы и без боли
Видит смерть везде кругом.
Жизнью он наскучил, что ли?
Не жалеет ни о чем?

Я не знаю. Он на волны
Смотрит, словно на родню,
«Веселитесь, детки: челн мой
Встретит бурю не одну».

В шуме, в грохоте пучины
Вот он песню затянул,
Хоть ее, как звон мушиный,
Покрывает общий гул.

Он поет героев давних,
Блеск и доблесть прежних лет,
И деянья предков славных,
И погасший славы свет.

Он за песней песню множит
На худом своем челне,
Хоть сейчас она, быть может,
На морском умолкнет дне.

КОРМЧИЙ

Черемоша воды шумливы,
И плот по теченью летит.
Ведет его юноша-кормчий,
В Черемоша воды глядит.

Волнуется кормчего сердце,
Слезой омыта щека,
И медленно водит кормилом
Его трудовая рука.

Как утица, плот разрывает
Немую речную волну,
И, взора с волны не спуская,
Глядит рулевой в глубину.

Но только — во сне, наяву ли? —
Сквозь слезы он видит, как плот
Над дивной подводной светлицей,
Над крышей стеклянной плывет.

В окно, рулевому навстречу,
Девический взор обращен,
Ту девицу, боже единый!
Покинул неволею он.

И девичий плач ему слышен,
И девичьи слышны слова:
«**Ко** мне, поскорее, любимый!
Тебя ожидаю, жива...

Хоть силою нас разлучили,
Но смерть принесет нам покой.
Приди, здесь твоя я навеки!
Приди, здесь навеки ты мой!»

Черемоша воды шумливы,
Теченьем уносится плот;
На нем перебито кормило,
Волной его о берег бьет.

А кормчий глубоко-глубоко
В стеклянном лежит терему;
Что плот разобьется о скалы,
Теперь безразлично ему.

III

Музо! Коханко!

Ох дай мені! дай мені

любів, пахучів, жарів = кохочів,

мрій неспадних і снів,

солотких снів,

солотких і гарних снів,

~~найкращих і найкращих~~

Ринів, перогів, що так мило мислять і жуть,
Найкращих! Найкращих.

Душок — багдуже!

Полум'я — обіймає.

Загадкові мислі душі —
Я не астроном!

Потрапати єрши пародії —
Я не землетрясень.

Лобити ~~те~~ руки душі вилітків —
Я не космограф.

Автограф стихотворения «К Музе»
(«Муза! Куханко!»)

УВЯДШИЕ ЛИСТЫ

Горсть первая

(1882—1893)

Не знаю, что к тебе так привлекает,
Чем ты меня чаруешь, — только все,
Когда гляжу я на лицо твое,
В душе свободой, радостью пылает.

В груди трепещет что-то, будто вновь
Воскресшее весны воспоминанье,
Цветут поля — и юная любовь
Из тьмы могил встречает дня сиянье.

Дыханье слышу силы и свободы,
Как тот, кто вышел из тюрьмы на свет,
Весельем, счастьем, нежностью согрет,
Как в юные промчавшиеся тоды.

Иду с тобою рядом и дрожу,
Как перед злобной не дрожал судьбою,
В твое лицо тревожно я гляжу —
И пасть вот-вот готов перед тобою.

И если б ты сказала слово мне,
Я счастлив был бы, словно царь могучий,
И сердце задрожало б в глубине,
Не в силах слез сдержать поток горючий.

Нет встречи нам. Ни брат, ни сват я твой,
Мы в дружбе испытали б только скуку.
Нам не дано подать друг другу руку,
Мы врозь умрем, окончив путь земной.

Случайно я порой тебя встречаю,
И на меня совсем не смотришь ты,
Но суждено в могильный мрак — я знаю —
Мне унести прекрасные черты.

1882

Не боюсь я ни бога, ни беса,
Чист душою своей непродажной;
Не боюсь я и волка из леса,
Хоть охотник я, право, неважный.

Не боюсь я тиранов державных,
Хоть оружия, солдат у них — сила;
Не боюсь и наветов отравных,
Хоть злословие многих сломило.

Гнев твой, девушка-звездочка, тоже
Мне, конечно, не страшен нимало:
Взгляд горящий мне только дороже,
Только краше румянец твой алый!

Но когда на лицо это ляжет
Туча черная тяжкой невзгодой,
Нервной дрожью уста твои свяжет
И сомкнет, как лихой непогодой,

И замрут где-то в горле упреки,
И в бессилье опустятся руки,
И запросят о помощи взоры,
Вопиющей исполнены муки,

Вот тогда-то мне сердце сжимает
Как стальными клещами тревога:
Гром и молнии только пугают,
Боль немая страшнее намного.

Прекрасная! Зачем я так тебя люблю,
Что сердце бедное трепещет исступленно?
Когда проходишь ты, гордясь самовлюбленно,
За что страдаю я, терзаюсь и терплю?

За тордый облик твой, за то, что — хороша,
За тайну странную, что тлеет, полускрыта,
В больших очах твоих и шепчет: «Здесь повита
Суровой пеленой свободная душа!»

Порою чудится, что этот дух живой
Кричит и борется и тенью сожаленья
Мрачит невольно лик невозмущенный твой,

И жизни мне не жаль. . . Но в это же мгновенье,
Потупясь, отвернусь с поникшей головой:
В твоих глазах опять издевка и глумленье!

Так случайно в синий вечер
Повстречались мы с тобой,
И пошли простые речи,
Как у земляков при встрече
В дальней местности чужой.

Идеалы и другое
Что-то стал я вспоминать,
Да не то, совсем иное
Сердцем всем и всей душою
Мне хотелось рассказать.

В это краткое свиданье
Ты спокойно речь вела,
А при грустном расставанье
На последнее прощанье
И руки не подала.

Лишь кивнула головою —
И тебя со мною нет,
И не зная, что со мною,
Взгляды долгие с тоскою
Посылал тебе я вслед.

Чует сердце, что в тот вечер
Счастье унесла беда!

Будь мои теплее речи —
Из короткой эта встреча
Стала б встречей навсегда.

Чует сердце, что неожиданно
Не вернется счастье вновь, —
Чует сердце непрестанно:
Это ноет, словно рана,
Безысходная любовь.

«ОСТАВЬ НАДЕЖДУ»

Как ты могла сказать все это прямо,
Спокойно, твердо? Как не задрожал
Твой нежный голос, как не заглушило
Биенье сердца у тебя в груди
Те страшные слова: «Оставь надежду!»

«Оставь надежду!» Разве ты не знаешь,
Что те слова — тягчайшее деянье,
Убийство сердца, духа и мечты
Живой и нерожденной? Неужели
При тех словах не всколыхнулась совесть?

«Оставь надежду!» Ты, земля родная!
Ты, светлый день! Ты, темнота ночей!
О, звезды, люди! Что же вы теперь?
Что я теперь? Зачем не прах бездушный?
Зачем не камень, не вода, не лед?

В своей груди не чувствовал бы ада,
В мозгу своем я не сверлил бы дыр,
Как червь насытый, крови пыл кипучий
В горячке лютой не твердил бы вечно
Ужасные слова: «Оставь надежду!»

Нет, нет, не верю! Это призрак всё,
Воды животворящей в кубок мой
Ты налила, а в шутку мне сказала,
Что это — яд. Ведь незачем тебе
И душу убивать во мне и тело!

Нет, нет, не верю. В этот миг, когда
Уста твои убить меня хотели,
Твой бледный лик, тревожные глаза,
Весь облик твой — дрожащая мимоза —
Все говорило мне: «Не верь! Не верь!»

Ты добрая, прямая! Не обманешь
Ты сердца ложной гордостью — я знаю.
Тебя я понял. Ты пряма, добра!
Лишь бури света, разочарованье
Тебя заволочли густым туманом.

Я в сердце снова чувствую возможность
Рассеять тот туман и теплотой
Всех чувств и мыслей с жизнью примиренья
Внести в твой дух — и я в ответ тебе
Твержу: «Надейся и крепись в борьбе!»

Твои очи — словно море:
Всё — в них ясность, все — покой,
В них пылинкой тонет горе,
Что давно владеет мной.

Твои очи, как криница, —
Так жемчужны в глубине;
А надежда, как зарница,
В них огнем блистает мне.

Ни на что я не надеюсь,
Ничего я не желаю.
Что ж, живу еще, не умер,
И — страдаю!

Что ж, когда на лик твой милый
Мне никак не наглядеться,
Полюбил тебя — куда же
Сердцу деться?

Смейся! Смех, подобно солнцу,
Зелень листьев обновляет;
Мишура в его сиянии
Полиняет!

Ни на что я не надеюсь,
Только — чем убить желанья?
Как живому ждать не жизни —
Умиранья?

Будем жить! Своей дорогой
Каждый пусть пойдет отважно.
Повстречаемся — отлично;
А разминемся — неважно!

Если ты меня встречаешь,
То обходишь стороной,
Ты права — одной дорогой
Не ходить тебе со мной.

Ты направо, я налево
Будем путь искать в тумане.
Никогда нам не встречаться,
Как двум каплям в океане.

Если я узнаю: горе
К дому вышло твоему —
Я к себе его направляю,
Сам удар его приму.

Если счастье вдруг захочет
Под моим пройти окном —
Я к тебе его направляю,
Пусть взовьется голубком!

Без тебя какое счастье? —
Лишь иллюзия одна!
Без тебя какое горе? —
Стертый грош ему цена!

Словно капля в океане
Расплывусь я, потону:
Ты гуляй на солнце, пани,
Я ж пойду ключом ко дну!

Я нелюдим! Чтоб заглушить
Порою в сердце муку,
Чтоб образ твой в душе убить,
Я подымаю руку.

Не раз я брал с панели грязь
С мучительной тоскою,
Чтоб бросить в чистый образ твой,
В лицо твое святое.

Я как безумный бушевал,
Швырял в тебя камнями,
Я сердце собственное рвал
Преступными руками.

Но проходил слепой порыв,
И только я был хуже,
А образ твой светил в душе,
Как солнышко над лужей.

На тебя не жалуясь я, доля,
Ты вела меня, как мать родная.
Ведь в степях, где хлеба ждут от поля, —
Плуг идет, цветы уничтожая.

Плуг идет, ножом срезая корень,
И цветы вздыхают при кончине...
В сердце — нож, уста замолкли в горе,
И душа истерзанная стынет.

Ты ж идешь, бросая, как и прежде,
В черный пласт, в зияющие раны
Семя правды, новые надежды,
И вдыхаешь жизни дух румяный.

ПРИЗРАК

Ночь холодна. Тяжелый и обильный
На город влажный снег летит, летит.
Из тьмы густой лицо тоски могильной
Недвижное и бледное глядит.

Мерцают фонари. И световые
Дрожат круги, и падает от них
Кровавый блеск. И, словно сны ночные,
Мелькнув, пролетки исчезают вмиг.

Поток прохожих в улицах теснится,
Меха, цилиндры, шляпы модных дам
И рваные лохмотья — все стремится,
Плывет, гудит, толпится тут и там.

И я в толпе, печальный, одинокий,
Плыву бессильно, чтоб уйти от дум,
Но в сердце неотступно и глубоко
Ползет со мною скорбь сквозь этот шум.

И словно тот, что ищет, утопая,
Хотя бы корень, ветку, стебелек,
Ищу и я, в потоке лиц ныряя,
На близкое лицо хотя б намек.

Вдруг я остолбенел и встрепелулся,
Стеснилась грудь, сдавил мне горло ком,
Бежать хотел и не пошевелинулся,
Как будто оглушенный обухом.

Не обухом! В толпе передо мною
Вдруг девушку открыла ночи мгла.
Вот оглянулась, головой кивнула
И, подмигнув прохожему, пошла.

И снова оглянулась. И глазами
Глубокими и темными, как ночь,
С моими встретилась, и за снегами
Пропала. Двое их спешило прочь.

А я стоял, как столб. Толпа толкалась
И дергала меня — в который раз!
Я ничего не чувствовал, казалось —
Во мне огонь сознания погас.

«Она!» Из уст одно лишь слово встало.
Но сила скрытая его была страшна!
Как жернов мельничный мне горло сжало
Одно лишь слово малое: «Она!»

Она, «царевны сон», цветок мой ясный, —
Его цветеньем утешался я,
Его дыханием, таким прекрасным,
И до сих пор пьяна душа моя.

Кому все мысли, чувства без изъятья,
Весь клад души отдать желал бы я,
Та, чьи следы хотел бы целовать я,
Что мне казалась целью бытия,

Та, что могла бы в гения, в героя
Меня единым словом обратить
И подарить надеждой и покоем,
Заставить все высокое любить.

Та, что в руке от рая ключ держала
И вдруг в болото бросила, на дно,
Заветного мне слова не сказала...
Терзает ли хоть душу ей оно?

Движеньем, взглядом ледяным — не словом
Меня столкнула в темный ров без дна,
Лечу!.. И падаю! И вижу — кто там снова
Затоптанный, пропащий, кто? Она!

Стой, призрак, стой! Скажи, чья злая воля,
Кто смел тебя на это дно толкать?
Кто всю красу и все богатство поля
Посмел в болото черное втоптать?

Не голод ли и не сиротства ль слезы,
Не та ли страсть, что сердце рвет, скребет,
Что клонит волю, словно буря лозы,
На этот страшный торг тебя ведет?

Постой! Постой! Я все пойму, забуду,
Моей любви ничем не погасить,
Я с нею райский ключ со дна добуду,
Чтоб двери рая настежь отворить.

Не слышит? С ним исчезла в бездне ночи,
Но облик тот, как нож, пронзил меня,
О, если бы мои ослепли очи,
Душой светлей, спокойней был бы я.

6 ноября 1892

Горсть вторая

(1895)

В Перемышле, где Сан течет зеленый,
Я на мосту стоял в раздумье тяжком.
Я думал о тебе, душа моя,
О счастии, что, словно привиденье,
Во сне явилось и тотчас исчезло,
Оставив только сожаленья торечь.
И вспомнил я рассказ. Вот здесь, над Саном,
Его однажды я в народе слышал.

Зима была, замерз зеленый Сан,
И на блестящем снеговом покрове
Был выбит путь крестьянскими саними.
Случилось это в воскресенье. В полдень
Обедня кончилась. Сияло солнце.
Искрился снег. Толпа народа вышла
Над Саном погулять, шутя и балагурия.

Как вдруг за Саном что-то зачернело
На снежном поле. Бубенцы звенят,
О грунт промерзший гулко бьют копыта,
Летит галопом по дороге гладкой
Богатая четверка. Дорогая
Блестит на солнце упряжь; буйным вихрем
Карета мчится. Как из пистолета,
Своим кнутом стреляет кучер...

Народ глядит на странное явление.
Дивятся все: кто это мог бы ехать?
Здесь никогда не видели кареты
И лошадей таких. Ни стар, ни мал,
Никто не может ничего придумать:
Кто едет в ней, откуда и куда?
Вот четверня, мгновенья не помедлив,
На лед влетела. Глухо застонал
Покров хрустальный, звонко застучали
По нем коней подковы; заскрипел
Хрустящий снег под ободом колес,
И гулко щелкнул бич возницы. Вихрем
Неслась четверка.

И как раз вон там,
Посередине, где глубокий омут
Под ледяной корой, раздался треск,
Один лишь раз там хрустнуло, и льда
Широкий круг, как срезанный, подался,
И вот четверка, кучер и карета,
И те, что были в ней, как будто сон,
Как привиденье, — в миг один исчезли.
Лишь Сан заклокотал, совсем как дьявол,
И облизнулся. Лишь волна на лед
Широким валом выплеснулась сразу
И вновь вернулась в темную пучину,
А от коней, кареты — ни следа.
Так люди никогда и не узнали,
Кто это был, куда, откуда ехал.
Никто о них в местах тех не справлялся,
Никто не находил в реке останков.
И если бы не сотня, а один
То чудо видел человек, то сам он

Со временем себе бы не поверил,
Со временем он сам бы убедился,
Что то был сон.

Моей то жизни драма.
Когда бы не года тяжелой муки,
Страданий жгучих, слез, немых безумий,
Разъятия души, мгновенных взрывов
Истерзанного сердца, то я сам,
О первой встрече нашей вспоминая,
О том луче пленительном надежды,
Что мне мелькнул тогда, я дал бы клятву,
Что то был сон, была легенда Сана.

С полудней
Широкое поле безлюдней,
Пустынней для ока и слуха.
Ни духа,
Ни следа людского вдали.
Лишь травы — цветистое море —
Волнуются в пестром уборе
Да песню сверчки завели...
Свободно
Над поймой речной плодородной,
И вдаль, до синеющих гор,
Мой взор
Взлетает — кружит и реет,
И струями теплыми веет,
И душу дыханием греет
Простор.
Постой!
Кто это, объятый печалью,
Чуть слышно рыдает над далью
Пустой?
Не горе ль явилось за мною,
Не сердце ли бьется больное?
О нет! То доносятся трели
Далекой крестьянской свирели,
Звения.
Они отзывались в труди у меня,

А сердце за ними заплакало горько,
Вскипев.

Тебя оно вспомнило, ясная зорька? —

И ладом свирельным, простым,

благородным

Рождается мой, порожденный народным,

Напев!

«Красная калина, что в лугу ты гнешься?
Что в лугу ты гнешься?
Света ли не любишь, к солнцу не пробьешься,
К солнцу не пробьешься?»

Жалко ль тебе цвета на веселье света,
На веселье света?
Бури ли боишься, грому ль среди лета,
Грому ль среди лета?» —

«Цвета не жалею, грома не пугаюсь,
Грома не пугаюсь.
И люблю я солнце, и в лучах купаюсь,
И в лучах купаюсь.

Но подняться в небо силы не пытаю,
Силы не пытаю,
Спелых ягод гроздь до земли склоняю,
До земли склоняю.

Не тянусь я в небо, я не дуб могучий,
Я не дуб могучий.
Что ж меня ты, дуб мой, затемнил, как туча,
Затемнил, как туча».

Зачем никогда не смеешься?
Как будто на сердце зима,
Как будто душа помертвела
И стала от горя нема.

Зачем никогда не смеешься?
Быть может на совести грех
Лежит, словно камень тяжелый,
И душит твой радостный смех.

И тайная дымка печали
Всегда на прекрасном челе.
Лишь редко проглянет улыбка,
Как осенью солнце во мгле.

В ВАГОНЕ

Из-под ног моих — коровы
Перепуганной быстрее —
Убегает с ревом насыпь,
Словно гонятся за ней.

Точно тянет полотенце
Исполинская рука —
Исчезают друг за другом
Огороды, лес, река.

Только я в пустом вагоне,
Презирая суету,
У окна стою безмолвно,
Взор вперяя в пустоту.

Только я да эти звезды,
Что горят над головой,
Неподвижны, словно довод,
Что устойчив жизни строй.

И подмигивают звезды,
И смеются надо мной:
«Ты и мы — не правда ль, довод,
Что устойчив жизни строй?»

Зачем являешься ты мне
Во сне?
Зачем мерцает сквозь ресницы
Твой взор, как солнце в глубине
На дне
Студеной и живой криницы?
Зачем молчишь и почему?
Каких обид, каких страданий,
Каких несбывшихся гаданий,
Подобно отблеску зарницы,
Блеснув, уходят вереницы
Во тьму?
Презреньем дух мой ты сковала,
Гордыней сердце надорвала,
Ты будишь на его струне
Напев, чуть слышный в тишине,
Во мне.
Меня ты всюду избегаешь,
Увидишь — даже не узнаешь,
Навстречу мне не повернешь
И головою не кивнешь, —
Хоть знаешь, знаешь, крепко знаешь,
Что я люблю тебя сердечно,
Что мучусь скорбью бесконечной,
Что за годами годы вечно
Я боль свою храню на дне
В певучем песенном огне...

О нет!

Ты хоть в ночи являйся мне
Во сне!

И мнится,

Готов я жизнь не жить — томиться.

Пусть сердце, что тобой разбито,

Что увядает, позабыто,

Что поросло болотным мхом,

Пусть хоть во сне оно сверкает,

Пусть лик твой светлый отражает,

Как жемчуг в сумраке глухом.

И пусть упьется осиянным

Восторгом юным, дивом странным,

Великим, смертным, но желанным

Грехом!

Пролегла дороженька
Тропкой торною,
Принесла мне девица
Долю черную.

Вон туда пошла она
Да гуляючи,
Речи другу милому
Поверяючи.

Без ума от горя я
Вслед сворачивал
И слезами горькими
След тот смачивал.

Как пловец соломинку, —
Во спасение, —
Так ловил я взгляд ее —
На мгновение.

Как искатель жемчуга —
Перлы влажные,
Так хватал поспешно я
Слово каждое.

Вот она, дороженька,
Извивается,

А сердечко бедное
Разрывается.

Залегла на дне его
Грусть глубокая:
Стала жизнь бессмысленной
Одинокая.

То, что было дорого
Да излюблено,
Что душа лелеяла, —
Все погублено.

Что душа лелеяла,
Чем гордилась...
Пусть бы та дороженька
Провалилась!

Если б знал я чары туч сдержать удары,
Молодые души жечь мечтою яркой,
Разломать оковы, плен души суровой,
И отраву сделать пищею готовой,
То тебя б, друг милый, обняла их сила,
Все в твоём бы сердце искры погасила,
Мысли и желанья отвела б ударом,
И одна любовь в ней вспыхнула б пожаром,
Чтоб в одно мгновенье сжечь без сожаленья
Все твои мечтанья, мысли и волненья —
Чтоб один мой образ жил, в душе сияя.
О безумство мысли, о мечта слепая!

Если бы, как рыцарь, в крепкой был броне я,
Был бы всех храбрей я, был бы всех сильнее,
Я б врагов победной покорил бы силе,
Что к тебе, родная, путь мне заступили.
До тебя чрез стены я б дошел бесстрашно,
Победил драконов и разрушил башни,
Вырвал бы все клады у морской пучины,
Чтоб тебе отдать их, свет души единой.
За семью б замками отыскал тебя я.
О безумство мысли, о мечта слепая!

Но ведь я безумец тот, что в грезах киснет
И поет, и плачет, коль беда нависнет,

Что в грядущем видит свет зари свободной,
А пока блуждает нищий и голодный.
Тот, что в небе ловит звезд златых сиянье,
А пред юной девой слышит страх заране.
Идеалы видит где-то за горами,
Счастья не заметив тут же, под руками,
Плачет, слишком поздно радость вспоминая...
О безумство мысли, о мечта слепая!

Что счастье? Только тень мечты,
Один мираж туманный,
Мечта моя, лишь призрак ты,
Любимый и обманный.
Источник радости моей,
О кубок мой хрустальный,
Ты — заблужденье жизни всей,
Обман ее фатальный.
Я звал мечту — дороги врозь,
А крылья надломило.
С тобою жить — не довелось,
Жить без тебя — не в силах.
С тобою жить... Давно лежит
Помеха между нами,
Жить без тебя — всю жизнь тужить,
И днями и ночами.
Пускай ты — тень, что, жизнь губя,
Обманом мне маячит,
Что ж рвется сердце без тебя,
Душа болит и плачет?
Пусть тень ты, призрак иль туман,
Иль греза молодая, —
Жизнь без тебя — лишь злой обман,
Мир — пустота ночная.
Как Шлемиль, тень я потерял,
Блуждаю как заклятый.
И мир — каким бы он ни стал —
Мне не вернет утраты.

Коль не вижу тебя,
Что-то давит, гнетет беспрестанно,
Лишь увидел тебя —
Вновь открыта сердечная рана.

Коль не вижу тебя,
Все вокруг и темно и уныло;
Лишь увижу тебя —
Сердце будто огнем опалило.

Чтоб увидеть тебя,
Понесут меня ангелов руки,
Лишь увижу тебя —
Гонят прочь меня адские муки.

Без тебя ли, с тобой —
Не найти мне покоя, защиты.
Я отвергнут землей,
Ох, и небо навеки закрыто.

Коль услышишь в ночи, что за темным окном
Кто-то стонет и сетует тяжко,
Не тревожься, дружок, спи младенческим сном
И туда не гляди, моя пташка!

То не робкой сиротки стучится рука,
То не нищий, желанная зорька!
Там моя неутешно рыдает тоска,
Там любовь моя плачется горько!

Сыплет, сыплет, сыплет снег.
Словно из туманной бездны
Мириадами летят
Стаи бабочек небесных.

Монотонны, как тоска,
Холодны, как злая доля,
Убивают все вокруг,
Всю красу лугов и поля.

Белый саван забытья,
Отупенья, онеменья
Все покрыл и все сковал
Пеленой оцепененья.

Сыплет, сыплет, сыплет снег.
Саван давит, налегает.
Молодой огонь души
Таёт, меркнет, погасает.

Горсть третья

(1896)

Коль зима разразится,
На воде блеска нет.
Лампа чуть разгорится,
Не мигая, блестит ее свет.

Коль струна вдруг порвется,
От нее кто же музыки ждет?
Что же песня все льется
И под бременем бед и забот?

Или горе, как пресс,
Чтоб из сердца напев выжимать?
Или колокол песни
Властен горестный плач заглушать?

Аллеей летнею, ночью
Как тень, я шел, не зная сна,
Горели звезды надо мною,
Темнела неба глубина,
Спокойной тишины волною
Вливалась в душу. Как же я
Еще вчера любил вас, зори,
Тебя, голубизна моя.
Душа в распахнутом просторе
Купалась, улетела вскоре
К лучам прозрачным, где цветут
Бессмертные цветы, живут
Чудесной сладости мотивы.
А ныне так темны, тяжки вы,
И для меня ваш свет погас.
Теперь я ненавижу вас!
Красу я ненавижу, силу,
Блеск, музыку и бытие,
И чувство чистое твое.
Одно люблю лишь — забытье,
Покой, безгласную могилу.
Аллеей летнею, ночью
Я шел, как тень... О, сердце, стынь.
И впереди меня, за мною
Сновали люди. «Дзинь-дзинь-дзинь», —
Звенел велосипед. И часто

За мной напев любви летел,
Но против разъяренных стрел,
Засевших в сердце, кто успел
Найти целебное лекарство?!
Я шел и знал, что я могила,
Что жизни нерв давно угас,
Что тут, на самом дне, сейчас
Душа моя похоронила
Все радости и все страдания,
Все песни, что не встанут вновь,
Свое сильнейшее желанье,
Свою последнюю любовь.

Каморка и кухня, два низких окошка,
На окнах две вазы с цветами,
Две белых постели, прикрытые двери
И тюль занавески на раме.

Часы на стене, пять иль шесть фотографий
На темном комоде понуром,
Стол круглый со скатертью — посередине,
И лампа на нем с абажуром.

А в кресле сидит у стола мое счастье,
Одна, в молчаливом раздумье,
Кого-то все ждет и шаги чьи-то ловит,
Там, в уличном крике и шуме.

Кого-то все ждет. И не мне уж, конечно,
Улыбка в глазах ее светит.

Но с улицы в рай тот прокрался я взором, —
Никто меня в тьме не заметит.

Вот там мое счастье. Как близко! Как близко —
И все ж недоступно навеки!
Болит мое сердце, но высохли слезы,
Горят отягченные веки.

От комнаты тихой, лицо закрывая,
Бегу я в тоске и тревоге.

Так раненый зверь в свою чашу уходит,
Чтоб молча подохнуть в берлоге.

Хотел я жизнь остановить,
Скорлупку жалкую разбить,
Хотел одним усилием рук
Найти исход из страшных мук,
Хотел, — но не сломить ярма,
О, как тяжка твоя тюрьма!
Усилья не раскроют дверь.
Во мне трусливый, подлый зверь
Бунтует, плачет, как дитя, —
Слепая жажда бытия,
Привязанность к глухим углам, —
Не жил, а прозябал я там, —
К работе, что съедает дни,
Не розам — терниям сродни,
К стране, что кровь сосет из ран,
Чудесный сок, что сердцу дан,
И веру в жизнь берет назад,
А в сердце подливает яд.
Я знаю всё — не стоит жить,
Не стоит жизнью дорожить,
Тебя утратив, все равно
Лекарство, знаю, есть одно —
Мне пуля в лоб. Хоть и легка,
Не поднимается рука.

Вся боль моя — страданий хмель,
Одна мерещится мне цель:
В один заряд, в единый гром —

Собрать свою всю силу в нем,
Чтоб колокольный грянул звон —
Последней песни горький стон,
Чтоб от проклятья стыла кровь,
Чтоб ненависть, а не любовь,
Не радость — боль кромешных дум,
Чтоб красоты не видел ум,
Чтоб уст не трогал смех вовек,
Чтоб сон бежал от чутких век.
Весь мир — тюрьма, пусть пропадет
И в лоне материнском плод.
Проклятье то, душа моя,
Тебе швырнуть задумал я —
За твой проклятый, горький дар,
Насмешливость и нежность чар.
Готовил терниев букет,
Но в сердце взбунтовал поэт,
Печально плачет как дитя —
Он в жизни видит, лишь тебя,
Могучим чувством вдохновлен.
Тебя проклясть не хочет он!

И он явился мне. Не чудищем рогатым,
С хвостом, как вымыслом предписано богатым
Давно минувших дней;
Нет, нет! Как модный франт, в плаще и пелерине,
Каких мы каждый день повсюду видим ныне,
Как ксендз или еврей.

Стоит. Его лицо ночная темень скрывает.

Он по плечу меня, смеясь, похлопал мило:

«Ха-ха! Ха-ха!! Курьез!

Сенсация, ей-ей! И — не дурного сорта:

Пан — рационалист, безбожник — кличет чорта,

Чтоб душу чорт унес!

Позвольте! Как же так? Вы веруете в бога?

А я ль не слыхивал у вашего порога

(Подслушивал, увы!),

Как распинались тут — ну, прямо «confiscable»:

«Ne croyant pas au Dieu, je ne crois pas au diable!»¹

Так что же это вы?!

Неужто... Ах, pardon! — забыл я представление,

Но и без них мое понятно появленье, —

Неужто ближе я

И достовернее, чем личность пана бога?

Не веря в бога, я не верю и в дьявола.

Иль может быть — прямой до дьявола дорога,
Чем в горние края?

Благодарю за честь! Польщен! Уже — понятно:
Желанье без надежд? Конечно — неприятно,
Но всем знаком секрет:
К жиду да к дьяволу спешишь в любой печали,
Хотя бы весь свой век мы перед тем кричали,
Что черти — дичь и бред.

Так вот вас завела куда неосторожность?
Попались? Влопались?! Теперь — прощай
безбожность

И виват сатана?

А вы еще — с душой! Прошу прощенья честно!
Ей богу — сущий смех: ведь прямо видеть
лестно

Как вдруг нашлась она!

Сто тысяч лет гореть? И вы — согласны? Славно!
Вполне приличный срок. А так еще недавно
Не утверждали ль вы,
Что духа вовсе нет, что есть одни лишь нервы?
Какую истину вы упустили первой
Из вашей головы!

Признайтесь: не совсем похвальна будет сделка:
Прием ваш — шулерский, и козырь ваш — подделка.
Достойно ль думать так?
Вам хочется — того... То — вещь! А что сегодня
В обмен сулите вы? Ах, старый греховодник!
Я — чорт, а не простак!

И вот что, сударь мой: вы малость запоздали,
Душонку вашу мы слышали и видали,
Мы — точно дома в ней,

Так разве я дурной, чтоб торговаться с жаром
За вещь, которая достанется и даром
Спустя немного дней?

Но главное — она, по ком ваш дух тоскует,
Кого он жаждет так, кого он так взыскует
В томленьи и в бреду, —
Она — давно моя! Так лучше вам, проказник,
За вашей милочкой явиться к нам на праздник.
Au revoir в аду!»

Ударил по плечу, хихикнул ядовито
И, в сторону юркнув куда-то деловито,
Мгновенно скрылся с глаз.
Стою, остолбенев. Посмейтесь надо мною:
Так унижался я пред гордым сатаною
И — получил отказ!

И ты прощай! Теперь тебя
Не назову вовеки я,
В лицо твое не гляну!
Чтоб ты не знала никогда,
Ушел я от тебя куда
И чем лечу я рану.

Меня скорее позабудь,
Подругой верной мужу будь,
Учи детей спокойно!
Стихи мои ты не читай
И тень мою не вызывай
Ни днем, ни ночью знойной.

Коль имя прозвучит мое,
Пусть тень не ляжет на твое
Лицо, цветок завялый!
И не бледней и не дрожи,
Тогда спокойно ты скажи:
«Нет, я его не знала!»

МОЙ «ИЗМАРАГД»

ПОЭТ ГОВОРИТ

Вниз катится мой воз. Цветы увяли,
Становятся все тяжелее путы,
И лучший мир увижу я едва ли.
Да, битву с жизнью проиграл я, дети.
Cosa perduta!¹

О, как я жарко рвался в бой с судьбою,
Как я летел душой своей к чему-то,
Какой пылал любовью неземною!
А что добыл? Оставил за собою?
Cosa perduta!

Не дал мороз листьям моим развиться,
Цветы мои побило бурей люто,
В бою геройски не пришлось сразиться
И ржавчиной я должен был покрыться —
Cosa perduta!

Травили рану мелкие мученья,
Невзгоды жгли — минута за минутой...

¹ Cosa perduta — погибшее дело, конечно!

Не видел я причин порабощенья,
Ничтожные мне цепь слагали звенья —
Cosa perduta!

О мать родная, сердце — Украина,
Не упрекай — раздета и разута, —
За то, что ты ни крохи ни единой
Не дождалась, несчастная, от сына —
Cosa perduta!

УКРАИНА ГОВОРИТ

Сынок, ты меньше б рвался к бою
И меньше б плакал над собою,
Не так бы на судьбу роптал.
Ты сам пошел путем тернистым
И ранен тернием когтистым.
Иль ты другого ожидал?

Ты знал, что я гола, убога,
Но встал у моего порога,
Принес мне верности обет.
Но слуг я награждаю скупю,
А упрекать за это глупо...
Просила я тебя иль нет?

И надо ж быть такой печали,
Что про тебя же закричали:
«Не любит Украины, мол».
Наплюй, сынок! Я лучше знаю
Тех «патриотов» хищных стаю
И фраз любовных произвол.

Что бедным век ты провекуешь, —
Знать никого не обворуешь,

А честно будешь есть свой хлеб.
Но помни: лучшая частица,
Которая в тебе таится,
С тобой, поверь, не ляжет в склеп.

СОМНЕНИЕ

О, тяжело ярмо родного края!
О, как оно гнетет! —
Как под крестом, под ним изнемогаю,
Из рук отеческих я кубок выпиваю,
Но в нем отравлен мед.

Благословенна будь, о родина! Тебе бы
Блеск, почести должны быть возданы...
Но нет, лишь одного прошу тебе у неба:
Пусть не сбегут от зла, не видя даже хлеба,
Твои же лучшие сыны.

Пусть «сеятелей» труд не вызовет глумленья
У современников своих,
Пусть памятником им не станут те каменья,
Которыми, за все труды их в возмещение,
Уже при жизни забросали их.

СЕДОГЛАВОМУ

Ты, братец, любишь Русь,¹
Я ж не люблю, страдая!
Ты, братец, патриот,
А я — собака злая.

Ты, братец, любишь Русь,
Как хлеб и ломтик сала,
Я ж лаю день и ночь,
Чтоб сна не ожидала.

Ты, братец, любишь Русь,
Как пиво золотое.
Я ж не люблю, как жнец
В полях не любит зноя.

Ты, братец, любишь Русь
В мундирах и кафтанах,
Я ж не люблю, как раб
Не любит злого пана.

Ведь твой патриотизм
Лишь как наряд любимый,

¹ Р у с ь — по-галицийски Западная Украина.

А мой — тяжелый труд,
Огонь неотвратимый.

Ты любишь в ней князей,
Стенанья, понуканье.
Меня ж гнетет ее
Извечное страданье.

Ты любишь Русь за то,
Ты всюду гость желанный.
А для меня вся Русь —
Кровавые лишь раны.

Ты, братец, любишь Русь,
Как дом, доход свой верный.
Я ж не люблю ее
Из-за любви чрезмерной!

ДЕКАДЕНТ

(В. Шурату)

Я декадент? вот это просто ново!
Из жизни всей ты взял один момент
И, отыскав ученнейшее слово,
Всю Русь оповестил: «Вот декадент!»

Пусть в песне у меня и боль, и скорбь,
и горе, —
Но это потому, что такова судьба.
Ведь чувства и другие песне вторят:
Надежда, воля, твердость и борьба!

Я никогда напрасно не тоскую,
И не копаюсь я в самом себе,
Пока я жив — всю жизнь отдать хочу я
Одной борьбе — единственной борьбе.

Какой я декадент! Я сын народа,
Моя дорога чище всех дорог,
Мой клич: работа, счастье и свобода,
Я хлопа сын, — пролог, не эпилог!

Я с пьющими под стол не выливаю,
Когда едят — и я вступаю в круг,

На празднике я тоже не зеваю,
А в бедности не опускаю рук.

Не паразит я, бесящийся с жиру,
Который помнит только свой процент
И лишь на шум настраивает лиру...
Какой же, к дьяволу, я декадент!

МОЕЙ НЕ МОЕЙ

Поклон тебе, цветок мой в увяданье,
Мечта, что никогда не отступает,
Последний шлю поклон.
Хоть в жизни были редкими свиданья,
Но все ж твой образ сердце согревает —
Пусть боль приносит он.

Тем, что меня в свой мир ты не пустила, —
В моей груди сломила, погасила
Любовный дикий шквал,
Тем ты в душе печальной, одинокой
Навек вписала ясный и глубокий
Свой женский идеал.

И ныне пусть нас делят доли, горы —
Когда меня преследуют укоры,
Тебя зовет душа,
К твоей груди ребенком припадает,
У ног твоих заботы забывает,
Твой голос властен слезы приглушать.

А если я во сне тебя увижу,
То кажется мне все, что ненавижу,
Отбросил, как клубок змеинный, злой.
Весь день в душе лелею облик нежный,
Пусть не любовь, не веру, не надежду,
А чистый, светлый образ твой.

ВОСПОМИНАНИЕ

Во садочке в холодочке
Мать, стройна и молода,
Возит девочку в возочке
Взад, вперед, туда, сюда.
Мерно так, как птичка в клетке
С прутика на прутик скачет,
Возит дочку по садочку,
А дитя молчит, не плачет.
Очи матери ни разу
В колыбель не заглянули,
Только губы повторяют:
«Люли-люли, люли-люли!»

Серым зверем, полный зноя,
Дремлет Львов в тоске предельной.
Шум толпы подобен звуку
Старой песни колыбельной.
Входят в сад, уходят люди,
Дети плачут звонким хором.
Молодой прохожий глянул
В очи матери с укором.
И она под этим взглядом
Содрогнулась как от пули,
Над тележкой наклонилась —
«Люли-люли, люли-люли!»

Во садочке в холодочке
Сел он молча на скамью,
Сквозь густые ветви смотрит
На любимую свою.
Как живет она с немилым,
День за днем в тоске влача,
Жизнь его, его блаженство
Угасает, как свеча.
Ты еще трепещешь, сердце?
Боль и горе не уснули?
Все погибло, все напрасно —
«Люли-люли, люли-люли».

«Степан, здорово! Что с тобою?
Ты с жердью ходишь над рекою?» —

«Беда мне в хату заглянула:
Жена здесь где-то утонула». —

«Дивлюсь я твоему терпению!
Искать ее вверх по течению!» —

«А как же, друг, ты полагаешь?
Или жены моей не знаешь?»

Она, когда ко дну пошла, —
Все ж по течению не плыла».

ПРИТЧА О КРАСОТЕ

Аристотель-мудрец Александра учил
И в альбоме такой ему стих посвятил:

«Знай, ни меч, ни огонь, ни стрела, ни коса,—
Всех оружий опасней — девичья краса.

Только мудрость, наука и старость притом
Могут быть от нее нам надежным щитом!»

Раз гулял Аристотель вдоль темных аллей.
Вдруг Аглая идет: очи — стрелы у ней.

Та Аглая, которой святая краса
Вдохновляет людей, веселит небеса;

Острословья Аглаи, живого ума
Все боялись — и даже царица сама.

Увидав неземной красоты образец,
Поклонился красавице низко мудрец

И сказал ей: «Аглая, послушай, молю! —
Больше мудрости, солнца тебя я люблю.

Будь на час лишь один, на часочек моя,
И что только ни спросишь — все выполню я!»

Усмехнулась Аглая: «Горжусь очень я,
Что вниманье свое обратил на меня

Тот мудрец, кем прославлена Греция вся,
Кто умом обнял землю, познал небеса.

Я твоя! Что захочешь, то делай со мной,
Но и я обращаюсь к тебе с просьбой одной:

Вдоль по саду сейчас, среди белого дня,
Полчаса на спине повози ты меня!»

Улыбнулся мудрец. Не поймешь женских душ,
Но коль взялся за гуж, не болтай, что не дуж!

Сняв хитон, он по саду пустился ползком.
Завязала глаза ему дева платком
И, усевшись верхом, погоняет прутом.

Так довез он ее до площадки в саду,
Где, любуясь дубов отраженьем в пруду,

Александр сидел, его мать и весь двор.
Лиры там рокотали и вторил им хор.

А Аглая кричит: «Ну, осленок мой, ну!
Две минутки еще! Ну, еще хоть одну!»

В круг придворных его сумасбродно загнав,
Со спины мудреца соскочила она

И платок поскорей сорвала с его глаз...
Ну, и смеху ж там было, скажу без прикрас!

Аристотель-мудрец Александра учил
И в альбоме такой ему стих посвятил:

«Знай, ни меч, ни огонь, ни стрела, ни коса,
Всех оружий опасней — девичья краса.

И ни знанья, ни мудрость, ни старость притом
От нее нам не служат надежным щитом.

Убедился я сам: лишь мертвец и слепой
Устоять бы смогли перед женской красой!»

ПРИТЧА О ГЛУПОСТИ

Попалась в сети птичка,
Спешит охотник к ней
И хочет ей головку
Свернуть он поскорей.

Затрепетала птичка:
«Охотник, подожди,
Тебе я не пожива,
Малютку пощади!

Пусти меня на волю —
И ты увидишь сам,
Три добрые совета
Тебе за это дам».

Охотник удивился:
«Ай крошка! Вот те на!
Учить меня желает —
Не слишком ли умна!»

И молвил: «Ладно, птичка!
Учи уж, так и быть,
Коль стану я умнее —
Могу тебя пустить!».

А птичка: «Не жале́й ты
О добром, о плохом —
То, что уже случилось,
Ты не вернешь потом».

Сказал охотник: «Правда,
Зачем жалеть о том,
Что раз уже случилось,
Что не вернешь потом?»

Она же: «Ты не сможешь
На прежний путь свернуть,
Все сделать по-другому,
Минувшее вернуть».

Сказал охотник: «Правда,
Нельзя мне повернуть,
Все сделать по-другому,
Минувшее вернуть!»

И снова молвит птичка:
«Не верь же чудесам,
Тем невозможным слухам,
Что не проверил сам!»

Сказал охотник: «Правда,
Болтают много нам,
И все это пустое,
Когда прикинешь сам.

С твоим советом, пташка,
Согласен я вполне.

Лети! Но больше в руки
Не попадайся мне!»

Легко вспорхнула птичка,
И, сев на ближний сук,
Охотнику вдогонку
Прошебетала вдруг:

Дурак же ты, охотник,
Совет тебе не впрок,
Легко бы ты, бедняга,
Мной поживиться мог.

Так знай: в моей утробе —
Скажу тебе в лицо —
Жемчужина побольше,
Чем страуса яйцо!»

Охотник даже охнул:
«Вот дурака свалял,
Не взял с тебя залога,
И клад свой потерял!»

И к ветке подбежал он,
Что силы подскочил,
Хотел поймать пичугу, —
Да нет на это крыл.

И так сказал: «Ох, птичка,
Ах, пташечка моя,
Вернись, с тобою буду
Отца добрее я.

И в клетку золотую
Тебя впусти я сам,
И все, чего захочешь,
Тебе охотно дам».

А пташка отвечала:
«Дурак ты, как и был.
Все три мои совета
Ты сразу позабыл.

Добро хотел ты сделать
И мне лететь велел,
А сам через минуту
Об этом пожалел.

И вновь меня ты в сети
Хотел бы залучить,
Как будто можно время
Назад поворотить.

Все потому, что вздору
Поверил ты вполне, —
Такой огромный жемчуг
Не может быть во мне».

ИЗ ЦИКЛА «ПО СЕЛАМ»

На подгорье, в долах, по долинам
Села невеселые приткнулись,
Спят, как будто нищие под тыном
У дорог с мешками протянулись.

Клонят ивы головы большие,
В речке ветви длинные купают,
И скрипит журавль, кругом босые
Ребятишки по двору гуляют.

Между ив и груш, и яворины
Стрехи почерневшие нагнулись,
Мхом укрылись, ветками калины
И на ветер, как сычи, надулись.

Пошатнулись пихтовые стены,
Там и сям подпертые жердями,
Как калеки, ждут себе замены —
Отдохнуть разбитыми костями.

А подслеповатые оконца
В дедовских еще засовах ходят,
Будто ясного боятся солнца
Те, что в хатах весь свой век проводят.

Незаметно и трубы на крыше;
Утром дым всю хату заполняет,
Из-под стрехи валит, вьется ниже,
Ест глаза и слезы выжимает.

В хате печь в полкомнаты, с запечьем,
С глиняным припечком и заслонкой,
То — желудок хаты теплый вечно
И огромный, как живот ребенка.

Хлеб с едою двигатель тут главный,
Цель всех дум, стремлений и заботы,
Будто люд здесь создан для работы,
А на хлеб идет весь труд кровавый.

Спит хозяин на досках несбитых,
На соломе под ковром дерюжным,
Печь — для ребятишек неукрытых,
А большим — постели и не нужно.

Слуги в стойле спят, — их кони греют,
Девкам и на лавках крепко спится;
Об удобстве думать не посмеют,
Отдохнула б за ночь поясница.

Об одежде и заботы мало:
Лишь была бы шуба с сапогами,
Для хозяйки — в сундуке кораллы,
А для девушек — платки с цветами.

Войлочные шляпы в праздник хлопцам, —
Так и наряжаются годами;

Вся одежда будней дома шьется
Из холста, что приготовят сами.

На стене в углу в божнице старой
Древние иконы со святыми:
Страшный суд, Никола и Варвара,
Как от дегтя, в копоты и дыме.

Вот и всё от божеских устоев.
Не совсем и письменность забыта:
Там в тряпье, под матицей, святое
Безыменное письмо зашито

Да указ о барщине проклятой,
Роспись прадеда на тридцать палок,
Деда жалоба за клин изъятый,
Акт отца лициятийный рваный, —

Вот и всё, что правнукам осталось.

ПИСЬМО ИЗ БРАЗИЛИИ

Друзья-соседи! Пишет вам Олеся.
Здоровы мы. Живем восьмой тут месяц.

Писать вам времени мы не имели,
Но вот доехали теперь до цели.

Живем в бараке. Лес кругом дремучий.
Работа скоро нас вконец измучит.

Деревья рубим мы в сажень обхватом —
С одним в два дня не справиться ребятам.

Кошь с десятину за год наскребем,
То будем сеять. В долг сейчас живем.

Начальство местное нам дало ссуду:
Картошку, соль, муку — и всё покуда.

Отсюда не уходим ни на час...
До города пятнадцать миль от нас.

Все горы, лес тут... Ну, да мы не ропщем.
Раз нет дорог, тропиночки протопчем.

Но любопытно знать, конечно, вам,
Как мы добрались к этим берегам.

В пути до Вены нас не обижали,
А в Вене нас три дня в тюрьме держали,

Пока не взял с нас кто-то семь монет
За то, что снял на выезд нам запрет.

С Понтеббьы путь на Грац нам взять велели.
Морили нас там ровно три недели.

Запрашивали Стрый, Мосты и Кут,
А нам сказали: «Дожидайте тут!»

Палазя там скончалася от сглаза,
А лекарь-немец говорил: «Зараза!»

За нею Ивася свела в могилу сушь,
А лекарь говорил: «Не городите чушь!»

Когда же померли Оксанка с Грицем, —
Пустили нас: «Что с вами, мол, возиться!»

До моря мы добрались без беды,
Но к нам два барчука подсели молодых

И выманили у Баланды с Хмизом
По десять гульденов, как будто под авизо.

Да пересадку делали пока,
Антось пропал без вести, сын Юрка.

А в Генуе мы судна с месяц ждали:
В предместье в норах, как цыгане, спали.

Негодный край! Замучил голод нас,
Горячкой там болели все не раз.

Детишек семеро, Онищиха-батрачка,
И старый Хрущ — скрутила всех горячка.

Не думали и свет мы увидеть!
Как барыня вдруг стала хлопотать,

Чтоб ей король такие дал права бы:
Держать нас тут, пока не вымрут бабы.

Храни нас боже от такого зла!
Она, наверно, упырем была.

И вправду: тут на женщин наших вскоре
Посыпались невиданные хвори.

Но бич наслал на ту гадюку бог:
Попался нам хороший паренек.

Письмо от нас с мольбою о защите
Послал он королеве Маргарите.

Все описал: как нас горячка бьет,
Как ведьма ночью кровь у женщин пьет,

Как наши дети без харчей страдают,
Как с ведьмой той король в любовь играет...

И помогло. Пустили дальше нас,
У ведьмы сорвалось на этот раз.

Когда же в путь мы отправлялись снова,
Был паренек внезапно арестован

Под тем предлогом, будто он был плут.
«То — ведьмы месть! — успел шепнуть он тут. —

Молчок — иль пропадете все безмала!»
Молчим — но триста гульденов пропало.

По морю плыли мы без злых невзгод,
Но весь зато переболел народ.

Душ девять умерло у нас народу;
Не хороня, их побросали в воду.

Как матери — господь, их скорбь уйми! —
Рыдали над несчастными детьми,

Когда их рыбы, толстые, как бочки,
Зубами разрывали на кусочки.

В Бразилии нам вновь не повезло:
От лихорадки всех перетрясло.

Пока мы тут надела дожидались,
Три мужика и трое баб скончались.

Пять хлопцев продались батрачить задарма,
А семь девчат пошли в «известные» дома.

Пока про хлопцев не имеем вести,
А девки рады: сыты и при месте.

Чего ж еще? Немного новостей.
Пять душ скончалось от укуса змей.

Здесь люди дикие в лесах блуждают,
Едят людей. Нас то же ожидает.

Но мы еще надеемся подняться:
Из сорока — нас все же восемнадцать.

Обидно лишь: по-украински тут
Нам вымолвить ни слова не дают.

Чуть что, на нас орет пан Кандзюбинский:
«Nie wolno tutaj gadać po rusinski!
Tu polski kraj i polski bóg i król!
Po polsku gadaj albo gebe stul!»¹

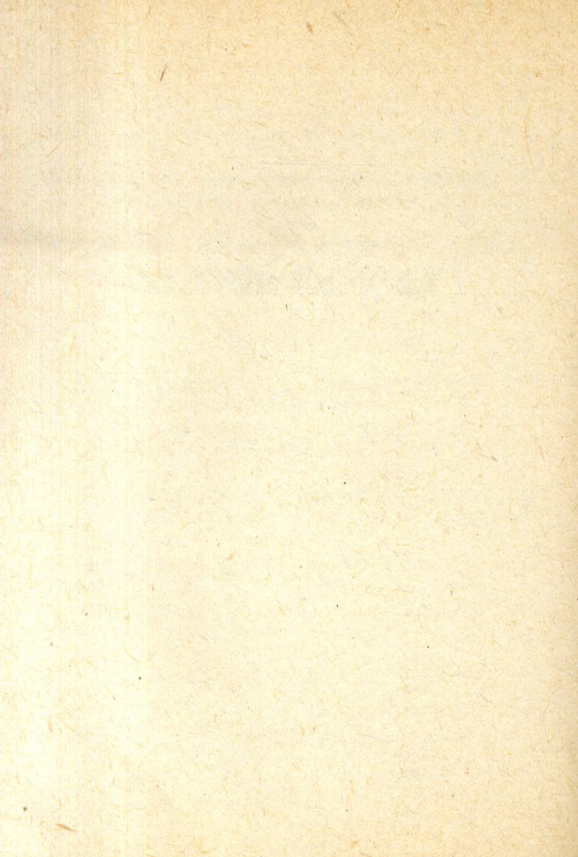
Что ж, коли строгий дан такой приказ нам,
Пусть будет так! Другого ждать напрасно!

Кончаю я. Прощайте. А пришлем
Мы вам письмо, коль лучше заживем.

¹ Порево́д польского текста:

«Кто смеет говорить по-украински?
И край тут польский, и король и бог!
По-польски говорить — иль под, замок!»

ИЗ ДНЕЙ ПЕЧАЛИ

День и ночь сердитый ветер
Бьет о стены, о порог,
Словно пес голодный воет
И прохожих валит с ног.

День и ночь косые струи
Окна яростно секут,
Жолоб стонет, стекла плачут,
Безутешно слезы льют.

Груды туч свинцово-серых
Небосвод заволокли,
Пережевывая жвачку,
Словно сытые волы.

Тщетно ветер бьет их, гонит:
«Эй, ты, серый, эй, гнедой!» —
«Здесь удобно отдохнуть нам!
Хоть сердись себе, хоть вой!»

Тщетно сердце, обессилив,
Бьется, словно в клетке рысь:
«Здесь удобно отдохнуть нам!
Ты же плачь себе, томись!»

Когда в задумчивости тяжелой
Моя поникнет голова,
Как будто в двери стукнет кто-то,
Мои мечтания прервав.

Я отзываюсь — но напрасно,
Кругом не видно никого,
Лишь в сердце что-то встрепетается,
И сам не знаю — отчего.

Быть может, друг в краю далеком
Погиб в мучительном бою?
Иль плачет брат мой, поливая
Слезами полосу свою?

Иль, может, ты, моя голубка,
Моя бессмертная любовь,
Издалека с немym укором
Меня припоминаешь вновь?

И в эту самую минуту
Ты горько плачешь в тишине,
И эти пламенные слезы
Стучат безмолвно в душу мне!

Третий год хочу с тобою
Свидеться, прийти к тебе,
Только «цоб» свернуть пытаюсь,
Что-то мне велит «цабе».¹

Твоего страшусь я взгляда,
Уст боюсь твоих, лица,
Как суда в загробной жизни,
Как печального конца.

Если б знал я, что увижу
Щедрую красу опять
В неувявшем цвете, в блеске,
Больше я не стал бы ждать.

Если б знал я, что увижу
Тень улыбки дорогой —
Предвещающую счастье, —
Полетел бы за тобой.

Если б знал я, что услышу,
У окошка прислонясь,
Речь твою, напев счастливый, —
Поспешил бы в тот же час.

¹ „Цо б“ и „ца б е“ — народные украинские обороты речи, употребляемые при управлении волами в упряжи.

Радостью твоей, как солнцем,
Сердце грел бы я порой
И, завидуя, навеки
Помнил бы тебя такой.

Но боюсь, моя бедняжка,
Не такой тебя найду, —
Болью вписанные муки,
Горе на лице прочту.

Где серебряный твой голос?
Молодой походки нет!
На лице твоём увижу
Частых слез горячий след.

Знать, что в уголке ты плачешь,
Видеть это! Боже мой —
И в аду горчайшей муки
Мне не посылай такой.

Сожаленья и упреки
Слышу сердцем, но уста
Скованы — не вырвать слова,
Только кровью налита

Туча-мгла. И мысли этой —
Целый мир дано затмить...
Потому тебя мне страшно
На чужбине навестить.

Опять сомненья! Чур, не надо их!
То барская забава. Нервным, праздным
Подходит рыться в помыслах своих

Да в чувствах, как в белье копаться грязном,
Все взвешивая, меряя, жуя.
Нам эта дурь не может быть соблазном.

Мы, брат, плебен, пиром бытия
Пресытиться еще мы не успели,
Гашиш и опий, семя забытья,

Противны нам. Хотим добиться цели,
Хотим мы знать стремления и труд,
И горе искреннее, и веселье,

Любовь и ненависть. Мы — крепкий люд,
С единой, неразделенной душою,
Традиций цепи нас еще не жмут,

Мы можем быть истомлены борьбою,
Разбиты, но для нас исключена
Душевная борьба с самим собою.

Вот, посмотри! Как ночь светла, чудна!
Как звезды ярко на небе пылают.
То бесконечность: к нам глядит она.

Какая тишь! Собаки где-то лают
Да коростель в траве кричит. У хат
По воздуху нетопыри мелькают,

Жуки, гудя, в окно на свет летят...
И сумрачных деревьев очертанья,
Как башни фантастичные, стоят.

Наедине с величьем мирозданья,
Как в сказке, в круг волшебный ты вступил:
Покой струится в душу, ликование...

Вот легок ты, как птица взмахом крыл,
Вот-вот тебя поднимут руки эти,
Исполнены неизмеримых сил,

И мчишься в беконечность... Люди! Дети!
Сюда! Ко мне! Люблю вас, всех люблю!
Для вас свершить готов я все на свете.

Хотите жертвы? — Кровь за вас пролью!
Хотите дел? — Я вековые скалы
Осколками на землю повалю.

Но дунул ветер — и мечта пропала.
Остатки чувств в душе еще живут.
А мысль туда уж, к хатам, побежала,

Где с черным горем сжился черный труд.
Узка и неприветна наша нива,
Но сколько можно, должно сделать тут!

Медлительна, трудна и хлопотлива
Работа целым миром, но она
Так плодovита. Ей не надо дива,

Она сама заполнить жизнь властна,
В великой жажде чувство, мысль и слово,
И все стремленья исчерпать до дна.

Труд, ежедневно все берущий, снова
Все нам дает. В работе — мы сыны
Единого семейства, всем родного.

Всё что не труд, то лишено цены,
То — праздные, окольные блужданья,
Что, рано ль, поздно ль, привести должны

Иль в грязный омут самолюбования,
Иль в мистицизма сумрак бредовой,
Считающий реальностью — мечтанья,

А жизнь и всю действительность — мечтой.

Вот панский дом! На взгорье у села
Цветет, как роза солнечного сада.
Вокруг немая тишина легла.

Столетних лип живая колоннада,
Зеленые газоны и цветник,
Боярышника пышная ограда.
Мой взгляд во двор сквозь изгородь проник:
Балкон, увитый диким виноградом,
Уснул в тени, как издавна привык.

К зеркальным окнам проползает садом
Дорожка, убеленная песком
И цветом от акаций, словно градом.

Из окон тех недремлющим зрачком
Глядит поместье на село в долине, —
Кто с этим взглядом в хатах не знаком?

И пурпур крыш и цвет построек синий,
Балконы, окна, дикий виноград —
Всё, все кричит: «Согните ниже спины!

Не смей дышать, не уставай дрожать!
Клонись и гнись! Из ям сырых и темных
Тебе лица вовеки не поднять!

Ты зверь! Ты варвар! Ты для подъяремных
Волов жилье, отродье хамских рас,
Пещера, полная исчадий вероломных!

Их ценность лишь в труде, немыслимом для нас.
Их добродетель — в послушании без разбора.
Они должны страдать, чтоб блеск наш не угас.

Мы церкви и отечества опора,
Цивилизации высокой цвет,
Культуры крепость, что возьмешь не
скоро...»

Я молча отвернулся... Много лет
Прошло с тех пор, как граф, идя со свитой,
Так говорил. Да только нынче свет

Совсем иной. И часть мечтаний скрытых
Давно уж стала явью, но село
Слова те придавили, словно плиты.

К нему дыханье жизни не дошло,
И для него прогресса не бывало.
Лишь то гнездо культуры все цвело

И гордо соки из села сосало.

Привет тебе, мой друг, моя дубрава —
Наперсница моих высоких дум!
Все то, что в сердце было величаво,
Вдохнул твой свежий запах и твой шум.

По тропам горным, на густые травы
Я рассыпал печаль, когда бывал угрюм.
Среди цветов, достойных райской славы,
Мой окрылялся юношеский ум.

Под скрип дубов и веток колыханье
Слагались песни первые мои —
Тебе лишь слабое, пустое подражанье.

Когда ж ревела буря ночь и дни
И за вершиной рушилась вершина —
Ты прятала меня под ветками, как сына.

В «plain air'e»

Из ворот Востока тайных,
По пурпуровым коврам,
Выступает в небо солнце,
Словно царь грядет во храм.

Вот взглянуло, улыбнулось
Мне в окошко, бедняку,
И прогнало злую гостью,
Неотступную тоску.

Здесь проклятая колдунья
Ночь сидела напролет,
Каждой мысли или слову
Свой давала оборот.

Вещи стали мне враждебны,
Мебель злобой налилась,
Книга каждая, как пьявка,
В мозг и в жилы мне впилась.

Доброта была наивна,
Каждый друг, как зверь жесток,
Сном задуло, как свечу,
Память о былом — упрек.

А когда больные мысли
сном задуло, как свечу,
Мне и в сонном царстве мнилось,
Что все ту же жизнь влachu.

Все, что я любил безмерно,
Все, что должен был отдать,
Все вокруг меня столпилось,
Темноликое, опять.

Слезы молодости горькой
Словно розы расцвели
На тропинках тех тернистых,
Где когда-то встарь текли.

Скорбь, как нищенка, отрпьем
Запахнув младую грудь,
Все искала, все пыталась
Протоптать заросший путь.

Веры, юной и прекрасной,
Больше не было огня;
Оставалась кучка пепла
У обугленного пня.

Но пропали сразу чары,
Солнце глянуло в окно.
Я проснулся. Что же это
Было здесь не так давно?

Я не стар еще. Есть силы,
Силы тела и души.
Мы, судьба, еще побьемся.
Вот попробуй, задуши!

Я не стар еще. Я знаю
Смысл и цену бытия.
Тяжек путь, но пессимистом
Не был и не буду я.

Ходят ветры по краю,
Как хозяин счастливый,
И колосья качают
На желтеющей ниве.
Шепчут ветрам колосья:
«Дайте вёдро нам, братцы,
Чтобы нам удалось хоть
До Петра продержаться,
Чтобы прозы и грады
Стороной проносило,
Не заставило падать,
Понапрасну не било.
Чтобы тучами злыми
Мошкаре не роиться,
Пусть питаются ими
Перелетные птицы.
Дайте зреть, наливаясь,
Изогнуться дугою,
Чтоб серпам разыграться,
Что бы песня — рекою...
Пусть для жатвы повсюду
Устоится погода,
Чтобы сельскому люду
Позабыть про невзгоды...»
Ходят ветры по краю,
Как хозяин счастливый,

И колосья качают
На желтеющей ниве.
И, качая, бормочут:
«Будет ведро для хлеба,
Будет бедным дар с неба,
Но земля ли захочет?
Как ни висли угрозы,
Как дождем ни косило —
Только грады и грозы
Отошли, обессилев.
Мошкару поклевали
Перелетные птицы.
Но опять набежали
Три врага поживиться.
На кого не наткнутся —
Лишь протягивай ноги,
Ведь враги те зовутся:
Долг, корчма и налоги.
Только выйдут из хаты —
Входит запах могильный...
Против этих проклятых
Мы, к несчастью, бессильны!»

Ближе, ближе тучи с юга,
Точно войско тесным строем,
От знамен не видно солнца,
Барабаны за горою.

Барабаны за горою.
В воздухе играют трубы.
А сверкающие сабли
Тьму сразмаха так и рубят.

Тьму сразмаха так и рубят,
Ослепляют блеском очи;
Стонет небо, стонут горы,
Если пушка загрохочет.

Если пушка загрохочет,
Понесутся пули стаяй, —
Ты заплачешь тяжко, небо,
На побоище взирая.

Среди долин село лежит,
А над селом туман висит,
На пригорке у села
В землю кузница вросла.

Там кует кузнец могучий,
Сердца нет на свете лучше.
Он работает, поет,
В кузницу к себе зовет.

«Приходите, люди, с пашен,
Здесь куется счастье ваше,
Приходите утром рано,
Выбивайтесь из тумана!»

А туманы шатаются,
Над селеньем сгущаются,
Заслонили все пути,
Чтобы людям не пройти,

Чтобы скрыть от жадных взоров
Тропку, что ведет их в гору,
В кузню, где куют в ночи
Не оковы, а мечи.

Ой, идут, идут туманы
Над днестровскими лугами,
Точно стяги над полками
Развевают атаманы.

Не трубит труба горниста,
Звона лат не слышит ухо,
Только ветви клонят низко
Вербы, грустью вея глухо.

Только скрыла мгла жилища,
Словно призрак встали села,
Только дума черным нищим
Бродит в душах невеселых.

В дремоте сѣла. За окном
Веселый луч играет.
Но тянет с поля холодком, —
Всё осень предвещает.

Темнозеленые сады
Стряхнули груз богатый,
И вербы гнутся у воды,
И молча дремлют хаты.

Сонливо реченька течет
Холодною струею,
А все плоты и берега
Забиты коноплею.

Снопы и скирды, и стога,
Как башни у дороги,
Стоят и берегут село
От голода, тревоги.

На поле пахарь за сохой
Идет неторопливо
И под озимые хлеба
Чужую пашет ниву.

Коровы, лежа на жнивье,
Жуют траву сырую.

Пекут картошку пастухи
И у костра пируют.

Еще не стонет черный лес
Осенним, тяжким стоном.
Еще стрелою ласточка
Мелькает над загоном.

Вокруг покой и тишина,
Как будто дремлет море
И где-то в глубине хранит
Большое злое горе.

Дождем холодным не буди
Его, не трогай, туча!
И ты, осенний ветер, спи,
Набегами не мучай!

Пусть отдохнет усталый люд,
Забудется на время,
И сбросит с наболевших плеч
Забот и горя бремя.

Пусть он, пробыв машиной год
И став навек калекой,
Хоть раз почувствует в себе
Живого человека.

И пусть, без плети и без пут,
Познает на свободе
Хоть часть поэзии святой,
Что разлилась в природе!

Ночь. Кругом мертво и тихо.
Меж холмами город спит
Под холодной тьмой осенней.
Только поздний стук копыт
Из кварталов отдаленных
Донесется глухо вдруг.

В тихом свете лампы мерно
Расправляет крылья дух.
Отрясает впечатленья
Те, что пылью без конца
Целый день врывались в души,
Оседали на сердца.

Повседневные тревоги,
Дым забот и суеты,
Всех надежд и всех успехов
Облетевшие цветы,
Весь невнятный, душный морок
Ускользает, словно мгла,
Что в осеннем мозглом мраке
Сонный город облегла.

Снова ясно стало в мире
Настороженной души,
Лишь чуть слышным звоном нечто

С ней беседует в тиши.
И гармонией безвестной
Что-то в ней в ответ встает,
Будто дерево другому
Птичий свист передает.

И растет в воображеньи,
Всколыхнувшись, ряд картин:
Горы в мареве янтарном,
Лиловатый дым долин,
Лента речки, о камня
Рвущей светлую волну,
И дорога — будто сходни
В неизвестную страну...

Переулок... Строй домишек,
Цветничков укрomных ряд,
Георгины за решеткой
Над травом низких гряд;
Деревянное крылечко,
Извитых дорожек сушь,
Выше окон по трельяжу
Виноградных листьев глушь.

Не глазами вижу это;
Это все в душе живет.
Это — в звуке, это — в цвете,
Это — в запахе плывет.
Знаю — то мое творенье,
Хоть творец его не я,
То — души моей осколок,
Но не в нем душа моя.

Не моей ли буйной силой
Эта жизнь порождена?
А меж тем в ее теченьи
И пловец я, и волна...

Вдруг в зеленой скромной раме,
В зыбких листьях на окне,
Встал спокойный женский образ,
Милый лик, знакомый мне.
Те глаза, на дне которых
Притаились свет и мгла,
И тоска о юной жизни,
Что бессмысленно прошла.
Те же розовые губы,
Слов приветственных родник,
Расцветавших, как фиалки,
Каждый час и каждый миг,
Щеки те же, где румянец
Глел невнятный, как намек,
Точно в темной глуби шахты
Еле зримый огонек,
Где цвела не часто радость,
Светлый смех не пышно рос,
Где в тоскливые минуты
Видел я алмазы слез;
То чело, где жил, блистая,
Непокорный, смелый ум,
Где господствовала воля
Над роями чувств и дум...
Но — виденье исчезает,
Чуть сверкнув издалека,
А меня берет за сердце,
Словно пальцами, тоска.

Бьется бедное и рвется,
Задышается в борьбе,
Хочет облик ненаглядный
Затаить навек в себе.

Но напрасно! Все исчезло!
Точно выбил суховей...
Что такое? Иль не властен
Я над грезой своей?

О, воскресни рай безбурный,
Юной грусти тишина,
Незабвенное терзанье,
Бледных радостей весна!

Ад болезненных восторгов,
Счастьем полных и тоской,
Где познал я в муках сладость,
В содрогании — покой!

Нет, напрасно! Не воспрянет,
Что легло в могилу спать.
Зарубцованные раны
Не откроются опять.
Даже высшее страданье
Под землей схоронишь ты.
И его укроют прахом,
Расцветут на нем цветы.

Как в зеленое окно,
Лишь порою из могилы,
Улыбнется милый образ,
Погребенный в ней давно.

И вздохнешь о том, что счастья
Светлый отблеск, может быть,
Мог бы долго над тобою
Солнцем радости светить.

Но блеснет он и погаснет.
Силы нет, страстей не жди,
Все исчезло, только вздохи
Болью ширятся в груди.

ШКОЛА ПОЭТА

(По Ибсену)

Слышал ли ты, как вожаки
Медведя учат пляске?
Сначала на железный лист
Поставят без опаски.

И разведут потом огонь
Под тем листом немалый,
А скрипкой бережат в душе
Стремление к идеалу.

Медведь ревет — как будто страсть
В груди мохнатой тлеет,
А пятки голые огонь
Все жарче снизу греет.

Ревет медведь, звенит струна,
Насквозь его прогрело,
Он поднимает на дыбы
Свое большое тело.

А скрипка знай себе гудит,
И в подневольной пляске

То переступит левой он,
То правой — без указки.

Быстрее скрипка говорит,
Поет, хохочет, плачет, —
Железо жжет, а грузный зверь
Быстрее за скрипкой скачет.

Уже бедняге не забыть
До смерти той науки,
В его сознании слились
Огонь и скрипки звуки.

И так слились, что коль струна
Заносит что есть мочи,
Он, в пятках чувствуя огонь,
Мгновенно затопчет.

Не у одних медведей так!..
В судьбе своей веселой
Должно быть, не один поэт
Проходит эту школу.

Ирония его ведет
Под бубенцы и скрипки,
Чтоб голою он пяткой стал
На лист железный, зыбкий.

Под ним костер страданье жжет,
Любовь смычком играет,
Он пляшет, бедный, и поет,
И в муке умирает.

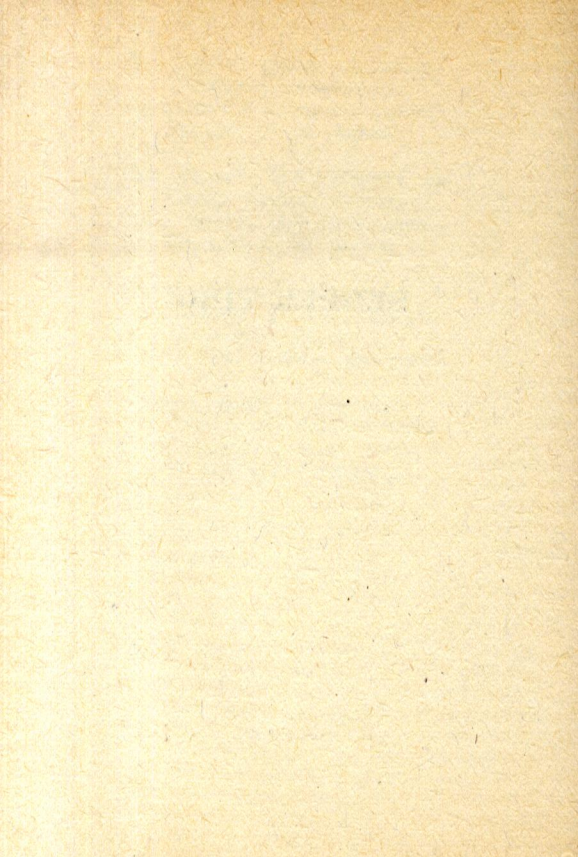
А если не умрет — в душе
Сольются неразрывно
Страданье с музыкой любви —
И это ли не дивно!

Как только где услышит он
Слова любви святые,
Вмиг пробуждаются в душе
Страдания неземные.

Горит под ним железный лист,
Пылают в небе строфы,
И подымается бедняк
Не на дыбы — на стопы.

Ирония ведет смычком,
Стучит костями чувство,
Поэт, рыдая, в пляс, идет, —
И это все — искусство.

SEMPER TIRO

Semper tiro

SEMPER TIRO ¹

Жизнь коротка, искусство — бесконечно,
Непостижимо наше ремесло,
То, что сначала, кажется, пришло
Лишь опьянением, шуткою беспечной,
Впоследствии все меры превзошло,
Всю душу, все мечты твои всосало,
Жизнь истощило и твердит: «Мне мало!»

Пред делом своего воображенья
Стоишь, как пред каким-то божеством,
Кровь отдаешь ему для прославления,
И мозг и нервы, чтобы все потом
Сложить к ногам, как жертвоприношение,
И мнишь себя рабом его единым,
А сердце шепчет: «Буду господином!»

Не верь ее советам. Так коварна
Богиня-муза; сердце обольстит
И, «я» твоё спалив, неблагоприятно
Из прихоти тебя опустошит.
Не верь струне, которая звенит:

¹ *Semper tiro* — всегда ученик.

«Ты будешь мастером, творцом законов,
Сердцец властителем у миллионов».

Не верь обману, молодая лира!
Когда в душе теснится песен рой,
Будь верен музе, как царице мира,
Над ней не мни закон поставить свой.
Благоухает песнь твоя, как миро
На пире жизни. Ты же скромно стой
И знай одно — *poëta semper firo!*

КОНКВИСТАДОРЫ

На бурливом океане
По разгневанным волнам
Флот наш дерзостно стремится
К неизвестным берегам.
Плещут волны, гнутся мачты...
Вот желанная земля!
Заворачивай! Бок-о-бок!
Рядом оба ставь руля!
Якорь брось! Быстрее на берег!
Все на сходни! Выходи!
Становись в ряды немедленно!
Битва ждет нас впереди!
Мы захватим город сонный!
Тишина, покой, рассвет...
Первый крик — наш возглас: К бою!
Песня битвы и побед!
А пока идут — пускайте
Вы огонь по кораблям,
Чтобы знать, что нет возврата,
Нет назад дороги нам!
Дым клубится! Плещет море...
Все огнем заволокло,
И захлопал каждый парус,
Как горящее крыло.

Гнутся реи, сыплют искры,
Словно огненный ручей...
Снасть скрипит... пылают мачты
Ярче пламенных свечей.
Что за нами — пусть навеки
Скроет жизненной золой!
Или смерть, или победа! —
Вот наш возглас боевой!
Мир достанется отважным.
Значит, к чорту страх бросай!
Кровь и труд нам здесь воздвигнут
Новый и прекрасный край!

26 июля 1904

ИЗ «ЛЕСНОЙ ИДИЛЛИИ»

(Отрывок из первой песни)

Весна пришла. Вдоль синего Дуная,
Крылом лебяжьим засияв из тьмы,
Дыханьем теплым дунула по краю,
Сломав мосты ледовые зимы,
Подснежник в роще голой пробуждая,
Позвала жаворонков из тюрьмы,
И на Бескиды синих туч нагнала,
И по стране на север мглу послала.

И вдруг махнула розовой рукою —
За льдиной льдина с треском поплыла;
Махнула вновь прозрачною фатою —
Земли творящей сила ожила,
И теплый ветер песней молодою
Зашелестел над крышами села,
Над башнями, стенами и церквами
И лег в лесу на отдых под кустами.

И дрожью тайной все полно в природе,
И ждет она воскресных, светлых дней;
Лазурь все глубже, глубже в небосводе,
Круг солнечный теплее и ясней,

Как розовое зарево, восходит.
И лес безлистный словно потемнел,
Уж он не стонет, а звенит, играет,
В сережки лозы, ивы убирает.

СОВРЕМЕННАЯ БАСНЯ

Слышали вы об этом?
В разливе вешних рек
Попал однажды в воду
Несчастный человек.
В водовороте бьется
И тонет, то и знай
Кричит оттуда куму,
Что на мосту: «Спасай!»
На крепкие перила
Оперся кум, глядит.
«Утонет? — не утонет?» —
Как будто говорит.
И наконец рукою
Махнув, твердит одно:
«Не тратьте, кум мой, силы,
Ступайте-ка на дно!»
Нам кумовьев подобных
Не двух, не трех, не пять,
А многих ежедневно
Приходится встречать.
В нужде да в горе бьешься
Ты рыбою в сети,
Как барщину, невзгоды

Стараешься нести,
Сомнение мучит душу,
Страданье — что ни шаг,
А он лишь критикует:
«То — плохо», «то — не так!»
А в качестве совета
Твердит всегда одно:
«Не тратьте, кум мой, силы,
Ступайте-ка на дно!»

И наш народ так бьется
В сетях уж много лет,
Настойчивые волны
Его смывают след.
А те, чье имя «братья»,
Как будто и не прочь,
С моста на воду глядя,
Несчастному помочь.
Но ждут они и смотрят
Туда, в водоворот, —
Погибнет брат их скоро
Иль, может быть, всплывет.
На крик его и просьбы
Твердят они одно:
«Не тратьте, кум мой, силы,
Ступайте-ка на дно!»

Но что с ним? Он не тонет,
Держась за берега,
Не слушает советов
Коварного врага.
Он под ногами чует
Увереннее грунт,

А на мосту зывают:
— «Ах, это бунт, бунт, бунт!»

И мост уже шатает,
И прясла рвет вода,
А с моста раздается:
«Спасайтесь кто куда!
Имущество спасайте,
Поместья и алтарь,
Осадным положеньем
Пусть оградит нас царь».
Что если Немезида
Захочет пошутить
И эти наши роли
В свой час переменить?
Вся Украина встанет
Здесь, на земле отцов,
И гневною волною
Сметет своих врагов,
А те, что из пучины
Спасали нас всегда,
Попробуют и сами,
Вкусна ль в беде вода?
Вся Украина скажет
На просьбы их одно:
«Не тратьте, братцы, силы,
Ступайте-ка на дно!»

МАСТЕР СВИРИД

Так-то, кум, от ляхов я
И запью порою,
А бывает, что в сердцах
Крепко их покрою.
После сам же рассмеюсь,
Хоть горька обида.
Как тогда не вспомнить мне
Мастера Свирида!
Он был мастером пилы,
Бурава, стамески,
Но за что бы ни взялся —
Сыпались обрезки.
То ли у него в мозгу
Клепок нехватало,
То ли резвая рука
Так сама махала, —
Но возьмется сделать стол —
Стол без перекладин,
Сделает сундук — хорош,
Крышку не приладит;
Двери сделает, глядишь —
Двери больше рамы, —
Меры он ни в чем не знал,
Мастер наш упрямый.

Где бы только клин забить —
Разобьет на части,
Люди добрые его
Звали Порча-мастер.

Вот какой однажды был
Случай со Свиридом:
Расколосось у меня
Для коней корыто.
Сам бы новое я сбил,
Только досок нету,
Прихожу в Свириду я,
Рассказал об этом.
А он — добрый человек:
«Велика забота!
Да тебе корыто я
Починю в два счета!»
Сразу — доску на верстак,
Режет, размеряет,
Это свяжет, то собьет, —
Никак не влезает.
Плюнул крепко, разобрал,
Режет, клеит, мерит,
Сбил, приладил, — вновь не так,
Сам себе не верит.
«Тюфу, — ворчит он, — чтоб тебе,
Будь оно треклято!
В третий раз обрезал я,
Все коротковато!»

Так с народом нашим лях
Все мудрит, хлопочет:
Здесь — отхватит, там — урежет,

Отойти не хочет.
Тут — прижмет, там — припечет,
Заплюет, обидит,
И сердит, что от трудов
Пользы он не видит.
«А пусть Украину ту
Трясовица сгубит, —
Бью ее, пеку ее,
Все меня не любит!»

26 апреля. 1904

Мама, мама, сколько мук!
Не пойму я, что такое:
Силы нет и нет покоя,
В сердце — мельниц перестук.

Что-то мчит и тянет нить
То слабей, то злей и крепче,
Что-то свищет, воет, шепчет,
Повторяя: «Жить! Жить! Жить!»

Без причины я смеюсь,
Без причины горько плачу.
Что-то там во мгле маячит,
Всех люблю и всех боюсь.

Нету сна, но вижу сны:
Будто сад тенистый рядом,
В нем цветов пылают гряды
В светлом зареве весны.

Меж цветами теми я.
Тихо музыка играет,
Мотылечков рой мелькает...
Мама, мамочка моя!

И меж ними есть один —
Сребролатый, пышнокрылый...

Но поймать его нет силы,—
Грации какой-то сын.

Промелькнет зеленой птицей,
Светлорозовой стрелой.
Он летает надо мной,
То уйдет, то вновь кружится.

Мама, мама, плохо мне!
Кто же это — птенчик милый,
Мотылек ли быстрокрылый
Не дает забыться в сне?..

КАК ТАМ НА НЕБЕ?

Два попа однажды в праздник
Собрались за чаркой
И вдвоем сидели ночью
За беседой жаркой,

Перебрали все, что было
Им кругом известно,
И от дел мирских, греховных
Перешли к небесным.

«Вот в Писании не пишут,
И не знают люди,
Что там праведным на небе
После смерти будет?»

Не увидит того око,
Не услышит ухо...
Это сказано уж слишком
И темно и сухо.

Вот и думаю я, отче, —
Да простит мне боже, —
То, к чему стремится каждый,
Там иметь не сможет.

Полагаю: мир и братство,
При которых люди
Воедино все сольются, —
Вот в раю что будет!»

Тут другой: «Ой, вы избрали
Скользкую дорогу!
То социализм вам снится,
Неудобный богу.

Нет, не может коммунизма
Быть на небе, отче,
Ибо личная свобода —
Дар превыше прочих.

Должен каждый жить, как хочет,
Избирать свой жребий,
И чтоб сам себе хозяин
Каждый был на небе!» —

«Ой, отец! — промолвил первый, —
Впрямь, чужак вы истый!
Посмотреть, так вы же бога
Вперли в анархисты.

Если б только людям волю
Дал господь на небе,
Он бы сам удрал из рая,
Проклял бы свой жребий».

Долго, долго препирались,
Ночь в окно глядится:
Этот — равенство, тот — братство,
Где тут сговориться?

Первый молвил: «Так, пожалуй,
Век мы не споемся!
Лучше мы сейчас друг другу
Свято поклянемся:

Кто сей свет покинет раньше,
В раю водворится,
Через три дня тот обязан
Другому присниться,

Рассказать, как там на небе,
Что нас ждет за гробом!»
Поклялись — и спать сейчас же
Поплелися оба.

Минул год или полгода, —
Первый умирает
И на третий день другого
Во сне навещает.

«Здравствуй, брат мой!» —
«Здравствуй, отче!» —
«Ну, на том я свете!» —
«Славу богу! Что ж, и много
Ты чудес там встретил?» —

«Очень много!» — «А какие?
Расскажи мне, отче!
Ведь узнать все тайны божьи
Любопытно очень!»

Дух в ответ: «Узнать их могут
Лишь святые души.

Не твои нужны на это
И глаза и уши.

А тогда, когда мы ночью
Спор такой загнули,
То мы оба, друг любезный,
Пальцем в небо ткнули.

Там того, что мы болтали,
И в помине нету!
Там совсем, совсем иначе...»
И исчез на этом.

ТРАГЕДИЯ АРТИСТКИ

Май месяц полон был чудес,
Цвели сирень и ландыш...
Из старой виллы через лес
Плыл голос панны Ванды.

Весь день над пением своим
Она хрипит до пота.
«Тидрим-тим-тим! Тидрим-тим-тим!
Сдавать петух стал что-то!»

На жатву весело народ
Жнецов сопровождает,
А панна Ванда все поет
И устали не знает;

Хоть гром греми, хоть вихрь крути,
Хоть выпь кричи с болота...
«Тидрим-тим-тим! Тидрим-тим-тим!
Сдавать петух стал что-то!»

Уж осень. Яблоки стрясли,
Капуста поспевает,
А панна в вилле у себя,
Как прежде, распевает.

Мы в храм идем, в корчме сидим,
А ей одна забота:
«Тидрим-тим-тим! Тидрим-тим-тим!
Сдавать петух стал что-то!»

Уже мороз. Ревут ветра.
Под снегом лес, поляны.
Но слышны с самого утра
Из виллы трели панны.

Осипшим голосом своим
Она долбит без счета:
«Тидрим-тим-тим! Тидрим-тим-тим!
Сдавать петух стал что-то!»

Пять дней метель кружилась зло
Под стоны урагана;
Всю виллу снегом занесло,
И в ней замерзла панна.

Но дух ее неутомим,
Ему — одна забота:
«Тидрим-тим-тим! Тидрим-тим-тим!
Сдавать петух стал что-то!»

Уже минуло много лет.
Где лес был, поле стало,
В крапиве камня даже нет,
Где вилла та стояла.

Но что ни ночь — неуловим,
Бренчит там вечно кто-то:
«Тидрим-тим-тим! Тидрим-тим-тим!
Сдавать петух стал что-то!»

Чего ж блуждает по ночам
Несчастное создание?
Отца убила или мать
И жаждет покаянья?

И почему ту песню нам
Все время распевает?
«Тидрим-тим-тим! Тидрим-тим-тим!»
Она другой не знает.

На старые темы

«Не лепо ли ны бяшетъ, братіе?»

Не пора ль, братия, настала,
Чтоб о скорби зазвучали речи,
Слово созывало бы на вече,
А не детским бубенцом бренчало?

Снарядили мы его походом
Не на половецкие дружины,
А в сердец бездонные глубины,
Где куют грядущее народам.

Мы потопчем полчища поганных,
Что летят на душу, как тревога,
Сыплют жар из огненного рога,
Копья поворачивая в ранах.

Вырвем мы порядок тот с корнями,
Где тяжка за малый грех расплата,
Где неволей брат встает на брата,
Чтобы сесть за трапезу с врагами.

Мало ль нас страдало по острогам?
Мучило себя нас разве мало?
Иль в цепях шагало по дорогам,
Или одиноко умирало?

Глас вопиющего в пустыне.

То было за три дня перед венчаньем,
В широком поле я пшеницу жал.
Я лег под дуб... Исполненный сияньем,
В душе алмаз, казалось мне, дрожал.

И вдруг я слышу голос несказанный...
Была в нем сердцу внятная струна.
Для слуха тихий, полный силы странной,
Всю душу мне он взволновал до дна.

«Еще дремал ты в материнском лоне,
А я тебя призывал явиться в свет,
Чтоб наставлять царей в моем законе,
Чтобы народам мой нести завет».

И молвил я: «Кому скажу я слово?
Взгляни, я отрок бедный и простой!
Кто станет слушать неуча такого?
Кого смогу на путь наставить твой?»

И мне ответил голос: «Отрок милый,
Забудь все то, что ведал ты сперва!
Все в жизни брось и верь в мои лишь силы,
И пусть тебя ведут мои слова.

За то, что ты в мое не веришь слово,
Знай, обращать людей не сможешь ты;
Как стрелы бьются в сталь щита литого,
Так твой глагол — в людских сердец щиты.

Знай, что язык твой на ветер пророчит,
Ты будешь проповедывать глухим,
Никто с тобой стать рядом не захочет,
Что ты похвалишь, все сочтут дурным».

И молвил я: «О господи, я грешный!
Не искупить ли вины всех людей
На этот труд, большой и безуспешный,
Зовешь слугу ты волею своей?»

И молвил голос: «Это не открою!
Тебя призвал на подвиг не за грех.
А сердце слабое своей рукою
Я укреплю — и станешь тверже всех.

Твоими буду говорить устами
Для всех народов и для всех веков,
Твоими я тернистыми путями
Всех поведу отмеченных борцов.

Тобою научу их отрекаться
От жизни света для высоких дум,
Ни горя, ни гонений не бояться
И к светлой цели устремлять свой ум.

Вот уст твоих коснуся я перстами,
И в них вложу свой пламенный глагол,

Я заострю твой слух, чтобы громами
К тебе мой вещий голос снизошел!»

Я ниц упал. «О боже, повинуюсь!
Я бросил серп, и стог, и всех родных,
Отцовский дом, невесту молодую
И с той поры не видел больше их.

Жены руськия всплакашася.

Где не лилися вы в нашей бывальщине —
В зной ли, в ненастье ли, в грозы —
То ль в половецкой, в княжеской то ли
удальщине,
То ли в казатчине, ляшчине, ханщине, панщине,
Русские женские слезы!

Сколько сердец разрывалось, рыдаючи,
Скольких сломили страдания!
Как же их мало таких, что окрепли, слагаючи
Слово за словом, в бессмертную песнь выливаючи
Тысячелетий рыдания!

Слушаю, сестры, напевы еще незабытых
Песен, в тоске размышляя:
Сколько сердец тех разбитых, могил тех разрытых,
Горестей стоит несытых и слез тех пролитых
Каждая песня такая!

АНТОШКЕ II

(Аз покой)¹

Аще и языки ангельскими глаголю,
любве же не имам, кая ми есть польза?

Диалект или язык? — на свете
Нет вопроса более пустого,
И грешны здесь колебанья эти.
Миллионам нужно это слово.

Миллионам нужен мир веселый,
Нужно знать, как добиваться воли.
Пока слабнет квелый, зябнет голый —
У Параски ласки ждать нам, что ли?

Если брат голодный гибнет — видишь, —
Ты ему еды поставишь плошку,
И подашь ли ты простую ложку
Иль купить серебряную выйдешь?

Если видишь в речке мать родную,
Слышишь крик: «Спаси меня, Антошка!» —

¹ См. его статью в „Галичанине“, 1902, № 222, „Тщетная работа сепаратистов“. (Примеч. Ив. Франко.)

Кинешь ли ты доску ей любую
Или лодку подождешь немножко?

Диалектом назови, жаргоном
Доску ту и ту простую ложку,
А она, как эхо, стонет стоном
В миллионах душ людских, Антошка!

Пусть язык наш кажется беднее,
Коль сравнить с другими языками,
Пусть другие краше и звучнее,
Он — пока он нужен — будет с нами.

Хоть сосед атласами гордится,
Хвастает порфирой дорогою, —
Мы не льстимся на добро чужое,
Лишь твоя душа, как нищий, льстится.

Мы бедны, как кони по загонам,
Но работой для народной нивы,
С диалектом иль хотя с жаргоном,
Будем мы богаты и счастливы.

Диалект, а, поднят духом нашим
И любовью, — между языками
Станет он еще сильнее и краше,
И, бессмертный, будет жить веками.

Лисицы брешут на червленые щиты.

Вышла в поле русских сила,
Поле стягами укрыла,
Словно маки, стяги рдеют,
А мечи, как искры, тлеют, —
Тлеют, искрой воздух режут,
А лисицы в поле брешут.

Вышла в поле русских сила,
Вольных братьев не душила,
Бедняков не разоряла —
Злые орды отбивала,
Что при жизни гроб нам тешут,
А лисицы в поле брешут.

Мы чужого не желаем,
Своего не уступаем,
И не пень мы деревянный,
Чтоб терпеть и стыд, и раны,
Пока граблями нас чешут,
А лисицы в поле брешут.

На тот славный щит червонный,
Как брехали во дни оны,
Как щитами русских сила
Степи перегородила,

Словно пламенем, до края
Степи сплошь переметая,
С одного пройдя размаха!

Задали ж лисицам страху
Те щиты! Поныне снится
Им, как вышли в поле биться
Рядом с русскими сынами
Гайдамаки с казаками,

Что свободу добывали,
Что за правду умирали,
И прошли, как крови море,
Как пожар в степном просторе,
По былому Украины. . .

Даже слабый знак единый,
Даже тень их дел доныне
Страшны вражеской гордыне,
Что зубовный сеет скрежет
И на щит червонный брешет.

За полночь. Глухо. Стужа. Ветер веет.
Перо упало из холодных пальцев.
Мой утомленный мозг не в силах думать.
Настала пауза в душе. Ни чувство,
Ни мысль, ни боль — ничто не шевелится.
Застыло все, как будто в чаще темной
Вода в гнилом пруду. Дыханье ветра
Не шевелит ее.

Но тише! Что там?

Иль то утопленники из трясины
Встают, из волн вонючих простирают
Опухшие, все в прозелени, руки?
И голос слышен, крик, рыданья, стоны, —
Но не живой то голос — слабый призрак,
Тень голоса, неуловимый шопот,
Что слышен сердцу лишь, и как он горек,
Как горек он!

«Отец! Отец! Отец!

Мы — нерожденные тобою дети!
Мы — не пропетые тобою песни,
Безвременно погрязшие в трясине!
Взгляни на нас! Подай, подай нам руку!
Скорее выведи нас к свету, к солнцу!
Там весело, а здесь мы гибнем, чахнем!
Там хорошо, — мы тонем здесь в болоте!» —

«Не выйти вам, мои родные, к свету,
Не вывести мне вас, бедняжки, к солнцу,
Я сам лежу в холодной темной яме,
Я сам гнию, во прахе распростертый,
И в грудь мою с тупым холодным смехом
Бьет равнодушная и злая участь».
И снова стон: «Отец! Отец! Отец!
Нам холодно! Согрей нас! Лишь дохни
Сердечной теплотой, повеи весною,
И мы вспорхнем, мы оживем, воспрянем!
Весенним духом, соловьиной песней
Печаль развеем хижины твоей,
Мы принесем на крыльях нежный запах
Далеких стран, расстелим пред тобою
Ковер, сверкающий богатством красок,
Лишь дай тепла нам! Сердца! Сердца!
Сердца!» —

«Где ж я тепла возьму вам, горемыки?
Уста мои сковал безмерный холод,
А сердце у меня змея пожрала».

Как голова болит!

По пожелтевшим
Листам старинной рукописи тихо
Усталые глаза перебегают,
А в голове страданье, как паук —
Ткет сети, словно фокусник, во тьме,
Огни ракет пурпурных, белых, синих
Пускает вдруг; то мельницей вертится,
То открывает дикие виденья,
Что со страниц в бенгальском ярком свете
Срываются осеннею листвою
Под бури дуновение...

«Пришел
Матвей-святитель в город людоедов.
А у людей тех был такой обычай:
Не ели хлеба, не пили воды,
А пожирали тело человечье
И пили кровь. А кто чужой являлся
В их город, сразу же его хватали
И, выколов глаза ему, поили
Отравным зельем и в тюрьму сажали, —
И клали пищу им траву-отаву».
Вот рукопись из глаз уже исчезла,
И страшную историю читаю
В своем я сердце: как попал, блуждая,
Я в город — проклято будь это имя! —
Как напоен был ядовитым зельем,

Как отняли глаза мой, чтоб я
Тех, кто вязал меня, в лицо не видел.
И как наместо хлеба долго-долго
Питался я иллюзий диким ядом.

И вот, совсем слепой, в тюрьме рыдаю,
И не о том рыдаю, что пропало,
Не о свободной воле, что вовеки
Свободной не была, и не о счастье,
Что только в снах являлось и дразнило.
Мне нестерпимо то, что, низведенный
До положенья травоядной твари,
Я чувства человека не утратил.

Но вот звенят ключи, скрежещут петли,
Шаги грохочут, — это входит стража,
Веревку рвет, что связывала руки,
И смотрит на табличку ту, что к ним
Привязана. «Три дня еще, а там
Пора освободить его». Ушли.
Не страшно мне. Ну что ж, три дня! Могли
Взять и сейчас.

А может... может там,
С той стороны далекой Черноморья
Надула парус маленькая барка,
И в ней сидит спаситель твой, что чудом
Переплывет всю бездну и войдет
Последней ночью в скорбную темницу,
Вернет глаза тебе и скажет: «Встань и
выйди!»

Эге, в легендах так бывало раньше,
Да не теперь! Нет ни на что надежды!
Молчи и жди!

Когда б ты знал, как много значит слово,
Исполненное нежной теплоты,
Как сердце исцелить оно готово
От тяжких ран, — когда бы ведал ты,
То верно бы несчастья и недоли,
Сжав зубы, молча б ты не миновал,
Ты лил бы слово в утоление боли,
Как теплый дождь на жаждущее поле, —
Когда б ты знал!

Когда б ты знал, как больно слово ранит,
Исполненное злобной остроты,
Как ядом души чистые дурманит
И губит их, — когда бы ведал ты,
То злобу сердца, словно пса цепного,
В тайник души темнейший бы загнал
И, не найдя сочувственного слова,
Укорами не ранил бы больного, —
Когда б ты знал!

Когда б ты знал, как много горя скрыто
Под маскою веселья напускной,
Как много лиц, беспечных днем, умыто
В подушки павшей горькою слезой,
Ты б взор и слух свой заострил любовью,
Ты броситься бы в море слез желал,

Чтоб смыть их горечь собственной кровью,
Ты б жизни понял страшные условия, —
Когда б ты знал!

Когда б ты знал! Но знают все прекрасно,
Что сердцем узнается правый след,
Что темное рассудку — сердцу ясно...
О, ты бы мог иным увидеть свет!
Меж бурь людских и жизненной тревоги
Твой путь правдив и ясен бы лежал,
И словом ты поддерживал бы многих,
И плачущих несчастных и убогих
Ты б утешал.

ПОЭМЫ

ИВАН ВИШЕНСКИЙ

(Пролог)

Пирамидою зеленой
на волнистом синем поле,
исполинским изумрудом
на лазурной пелене, —

ласковым омыта морем,
под спокойным, теплым небом
высится в немолчном шуме,
спит Афонская гора.

Спит? О нет! Здесь мать-природа
неустанно созидает,
неустанно забавляет
эту неженку свою.

Там, где из пучин кипящих
скалы в панцyre гранитном
горделиво ввысь возносят
стены, плоскости, столбы, —

там, внизу, нестройным хором,
не заснув ни на мгновенье,
волны бьют о серый камень,
брызжет пена серебром.

А вверху хребты нагорий,
вековым одеты лесом,
все одну и ту же песню
тихо без конца твердят.

А меж тем гора все дремлет;
ночи, дни плывут над нею
розоватой легкой дымкой, —
не тревожит шум ее.

Хоть ползут по горным склонам
всюду тропки, словно змей,
никогда не оживляет
их беседа, песни, смех.

Хоть рассыпаны по склонам,
по лесам, долинам, скалам,
по полянам изумрудным
и поселки и дома, —

но безмолвие глубоко
залегло в глухих поселках,
где лежит печать молчанья
на монашеских устах.

Тишь везде, везде молчанье,
всюду серые одежды,
тихий шаг, худые лица,
истомленный, сонный вид.

Трижды в день лишь раздается
колокольный звонкий голос,

словно клекот над горою
стада диких лебедей.

Жалобно несутся звоны,
словно ропот и укоры
людям тем, что умертвили
дивный этот уголок,

что гнездо высоких мыслей,
школу дерзостных порывов,
родину орлов сменили
на тюрьму для душ людских.

МОИСЕЙ

(Пролог)

Народ мой, исстрадавшийся, разбитый,
Как паралитик легший на распутье,
Презреньем, словно струпами, покрытый!

Боль за тебя я принимаю грудью,
И от стыда, что будет вечно жалить
Потомков дальних, — не могу уснуть я.

Ужели в древних вписано скрижалях,
Чтоб ты служил соседям перегноем
И чтобы в тяжкий цуг тебя впрягали?

Ужель навек такой удел с тобою —
Скрыть злость и покоряться лицемерно
Всем, кто изменою или разбоем

Тебя заставил посягнуть на верность?
Ужель тебя не ожидает дело,
Что выявило б сил твоих безмерность?

Напрасно ль множество сердец горело
К тебе своею преданной любовью,
Готовясь душу принести и тело?

Напрасно ль край твой щедро полит кровью
Твоих борцов? Ему не похваляться
Свободой, красотою и здоровьем?

Напрасно ль искрами в словах таятся
Усмешка, мягкость, сила молодая
И все, чем в гору может дух подняться?

Напрасно ль песни мука вековая,
Смех звонкий и сердечные страданья,
Надежд и счастья века световая?

О нет! Не только слезы и стенанья
С тобой! Я в силу духа верю снова
И в день воскресный твоего восстанья.

Когда бы миг создать, послушный слову,
И слово дать, чтоб в этот миг блаженный
Стать в животворном пламени здоровым!

О, гимн сложить бы пылкий, вдохновенный,
Что миллионы кличет за тобою
И открывает путь благословенный.

О если б! Но измученным тоскою,
Сомненьем раненным, стыдом разбитым, —
Не нам тебя вести в горнило боя.

Но время близко — ты с лицом открытым,
Сияя, вступишь в вольный круг народов,
Тряхнув Кавказ. взяв поясом Бескиды,

Покатишь Черным морем шум свободы,
Посмотришь как хозяин домовитый
На дом, на землю, позабыв невзгоды.

Прими ж запев мой, пусть тоской повитый,
Но полный веры, горький, но свободный,
Задаток гению слезой омытый,

Дар скромный, свадебный — судьбе народной

**СТИХОТВОРЕНИЯ,
НЕ ВОШЕДШИЕ В КНИГИ**

ТОВАРИЩАМ ИЗ ТЮРЬМЫ

Постепенно срывая оковы,
Что вязали нас с прежним житьем,
Братья, братья, для битвы суровой
Мы встаем, оживая, встаем!

Обогретые более полной
Новой жизнью, любовью, — встаем
И сквозь бурные, мутные волны
В дальний радостный край поплывем.

Поплывем сквозь неволю, ненастье,
Наговоры и штормы пройдем,
В ту святую отчизну, где счастье,
Братство, мир, — мы туда поплывем.

В новый бой мы идем по дорогам
Не за царство тиранов, попов,
Не за церковь, царей, не за бога,
Не за власть ненасытных панов.

Мы идем в новый бой за свободу,
За любовь и за труд — без цепей,
За всемирное братство народов,
За великое счастье людей!

Нам в бою нужно храбро сражаться,
Не пугаться, что пал первый ряд,
Хоть по трупам вперед пробиваться,
Все вперед — и ни шагу назад.

Это — бой за счастливую долю,
Бой последний народов во мгле,
Это — воля сражает неволю,
Чтобы рай расцветал на земле.

Не молитесь, не кланяйтесь богу:
«Да приидет к нам царство твое!»
Все молитвы — плохая подмога
Средь разгара последних боев.

Не от господ царство нам будет,
Не святые с небес принесут,
Но наш собственный разум добудет,
Наша воля и общий наш труд.

СОВРЕМЕННАЯ ПЕСНЯ

Она — не детская забава,
Не нежность чувства, не мечта,
Не презиращая славу
Неопытная красота,

Не ласка сердца молодого,
Не ветра шум, не шопот волн,
Она — решительное слово,
Зов духа, что величья полн.

Народ в беде соединяя,
Она как колокол поет —
Недаром песня боевая
Под градом стрел нас бережет.

Она — горящая лучина,
Вливающая в сердце зной,
Прогресса первая пружина
В своей упругости живой.

Она не в злате, не в порфире,
У ней простой и скромный вид,
Она работница, и в мире
Свой труд когда-нибудь свершит.

На сердце злую боль скрывая,
Она и дышит и поет,
И жизнь земную отражая,
Жива, как трудовой народ.

Она горда, и перед силой
Не склонит никогда чела,
Как дуб могучий над могилой,
Как среди бурных волн скала.

В жизнь проходящих поколений
Она бросала чистый взгляд,
И перед нею — словно тени —
Прошли года, за рядом ряд.

Она людского горя знала
Глубинный ужас с давних лет,
Болела, мучилась немало —
Пока на ясный вышла свет.

Так песни скромной не судите
За простоту ее речей,
От всей души ее любите,
Свое отдайте сердце ей.

Не бойтесь, коль порою стоны
Сквозь песни строй до вас дойдут,
Сердец страдавших миллионы
Одним дыханьем в ней живут.

Внимайте горю, укоризне,
Чей вздох тревожит забытье,
С любовью приглядитесь к жизни —
И вы полюбите ее.

10 ноября 1880

ОЙ, КТО ЖЕ ЛУЧШЕЙ ДОЛЕЙ ОБЛАДАЕТ?

Ой, кто же лучшей долей обладает,
Чем тот, кто, землю не вспахав святую,
Закладывает землю и нищает,
В долги впадая, как в пучину злую,
Кто тщетно ищет правды и закона,
А дом и плуг идет с аукциона,
Кого нужда батрачить приучает, —
Ой, кто же лучшей долей обладает?

Ой, кто же лучшей долей обладает,
Чем тот, кто верно государю служит,
В казармах молча дом свой вспоминает,
Вздыхает тихо, о свободе тужит,
Клинком бряцает, в такт со строем дышит.
В дозорах мерзнет, днем и ночью слышит
И брань и окрик, корки подъедает, —
Ой, кто же лучшей долей обладает?

Ой, кто же лучшей долей обладает,
Чем тот, кто прозван добрым гражданином,
Кто в срок вносить налоги успевает,
Послушен власти и не без причины
Он ей приятен, не беда, что бедный! —
Отдаст свой грош, будь он последний медный,

Зачем, на что — не спросит, не узнает, —
Ой, кто же лучшей долей обладает?

Ой, кто же лучшей долей обладает,
Чем тот, кто в церкви всю постиг науку:
Что бог лишь богачей всегда ласкает,
Что беднякам он уготовил муку,
Что чорт им сват, что им не ждать спасенья —
Бедняк всегда во власти искушенья,
Что о труде холоп не помышляет, —
Ой, кто же лучшей долей обладает?

Ой кто же лучшей долей обладает,
Чем тот, кто, с детства обучаясь в школе,
О матери, отце и брате забывает,
Чужой язык осилит поневоле,
И, кончив школу за тот грош народный,
Он снова раб, а не творец свободный,
Он только о себе, о выгоде мечтает, —
Ой, кто же лучшей долей обладает?

НЕЗАБУДКА

Когда разлука милых ждет
Хотя бы на один часок,
То незабудку подает
На память о себе дружок.

Люблю и я. Пылка, трудна,
Нерадостна моя любовь,
Жестокоей немощью она
Впиталась в кость мою и кровь.

Но пусть добычею врагам
Сегодня станет жизнь моя,
Тому, кого люблю, не дам
На память незабудки я.

Народ, забудь меня, когда
Дождешься вольного труда,
Своих лугов, своих полей
И в хате заживешь своей,

Когда в тебе не будет боле
Ни алчущих, ни бедняков,
Ни удрученных злой недолей,
Ни бар спесивых, ни рабов,

И мысль сынам твоим блеснет,
И чувства им расширят грудь,
И счастлив станешь ты, народ -
Тогда ты про меня забудь.

В АТАКУ

Орудия ухали с ревом,
И кровью дымилась заря,
Мы полчищем были царёвым,
И шли мы в огонь за царя.

Мы шли на убой, как скотина,
Без воли, без слов! Я шагал,
И сердце мне грызла кручина,
И тело мне страх обжигал.

Скорбел я о том, что врагами
Был вынужден тех называть,
Которые гибли рядами,
С пути не сходя ни на пядь.

О, как я жалел их! За волю,
За правду боролись они,
Я братски делил с ними долю
В былые, весенние дни.

Я был между ними вначале,
Что думали, думал и я.
А нынче... стеснили и сжали
Тяжелые думы меня.

У деспота я в услуженьи,
Они ж мне навстречу, вот тут,
В последний свой бой без смятенья,
Без сил, без надежды идут.

Как будто клещами стальными
Сомненье мне стиснуло грудь:
«Не здесь твое место, а с ними,
Идущими в гибельный путь».

Я мучился в тщетном стремленьи
Разрушить невидимый гнет.
Вдруг музыка взвыла... затмение
Настало... В атаку, вперед!

1 июля 1883

РЫБАЧКА

Черноокая рыбачка,
Сжался, сжался надо мною.
Я ведь только рыбка-окунь.
Отпусти меня на волю.

Над рекой, где волны жизни,
По камням струясь, клокочут,
Светит мне твоя приманка —
Черные, живые очи.

Для меня они сияют,
Блещут, как крючок алмазный.
Привлеченный их сияньем,
Виноват ли я, несчастный!

Ах, тот блеск пленил мне сердце,
Увиваясь вокруг несмело,
Тайно я им упивался —
Так, что сердце заболело.

И тогда лишь до конца мне
Тех очей обман открылся,
Как попался на крючок я
И на суше очутился.

Бьюсь я, бедная рыбешка,
Воздух жадно я глотаю.
Воздух же, каким ты дышишь,
Смерть несет мне, дорогая.

Я ЗАБЫЛ

Я забыл — это ветер холодный,
Я забыл — это смерть подошла,
И о крови твоей благородной,
И что бездна меж нами легла,
Что меж нами народные слезы,
И что время любви не придет,
Я забыл — вековые угрозы
Разлучили твой род и мой род.

Я забыл... уже думал я, глупый,
Что засыпана пропасть сполна,
Что ее переполнили трупы...
Нет! Все также зияет она!
Позабыл я о прочном заборе,
Что меж нами границею был,
И тебя, моя роза, — о горе! —
Я, как мог, как умел, полюбил.

Я забыл, что цветочки увяли,
Нету их, чтоб венки нам плести,
И они не для нас расцветали, —
Я забыл, и придется нести
Кару, нету какой тяжелее!
Я забыл, дорогая лилея,
Что навеки расходятся наши пути.
Я забылся, прости!

Не раз бессонной ночью мнится
Среди душевных тяжких мук:
Я на коне; он мчится, мчится,
Уздечку рвет из слабых рук.

Лечу один по бездорожью.
Туманом степь заволокло.
Земля звенит, ей вторит с дрожью
Листвы осеннее стекло.

Тревога сердце застигает,
Мой крик в гортани рнемел,
От лёта дух мой замирает
И самый мозг оцепенел.

А конь — как ветер, степь — как море,
Лечу пылинкой над водой...
И грудь терзающее горе
Тогда не властно надо мной.

12 декабря 1883

ГАЗЕЛЛА

Что так взор мой к тебе, моя пани, летит,
Словно к берегу челн в океане летит?
Словно тучка, уснувшая в балке сырой,
Прямо к солнцу под утро в тумане летит?
Словно светом плененный ночной мотылек
На предательский отблеск сиянья летит?
Словно с севера к теплomu морю журавль,
Заунывно курлыча, в буране летит?
Словно пулей сраженный олень молодой
Перед гибелью — к матери-лани летит?
Словно к истине истины жаждущий дух, —
Почему он к тебе, моя пани, летит?

24 октября 1884

Радость — искусство — и слава,
Молнии блеск величавый,
Отблеск небесный во мгле,
Солнечный полдень всесветный,
Путь для народов заветный,
Звезды на божьем челе.

Песня с напевом знакомым,
Близкая сердцу людскому,
Шум городов и дубрав,
Шопот любви у обрыва,
Душ несказанных порывы,
Формы и дум крепкий сплав!

Мысль что встает боевая,
Цепи свои порывая,
Неодолимый герой, —
Даст угнетенным народам
Счастье, величье, свободу,
Род прославляя людской.

1885

МНЕ СНИЛОСЬ

Мне снилось: там, на дальней Украине,
Сиянье тихой звездочки меж туч;
Мне снилось — ласковым приветом хлынул,
Очарованьем милым светлый луч.

Мне снилось: в сердце скорбное, больное
Его привет лег чистою росой;
Цветок, что увядал в полдневном зное,
Я потянулся к счастью всей душой.

Мне снилось: рай семьи со мной отныне,
Здоровье, труд полезный, тихий, — Ты...
Проснулся — край жестокий и пустынный,
Тернистый путь без цели, без мечты.

Застыло тело, онемели ноги,
Страданье, как паук, мой мозг сосет,
И гневная судьба меня, в дороге
Догнавши, не жалея, плетью бьет!

МОЕЙ ЖЕНЕ

У тебя в долгу, мое солнышко,
За словцо твое — луч в окошечко!
Нельзя силою этот луч добыть,
Слова милого серебром купить.

В стужу зимнюю, ночью мглистою
По пути иду по тернистому.
Кого я любил — позабыл совсем,
Кто со мной дружил — отвернулись все.

Отвернулись все и чуждаются,
Над моей бедой насмеваются.
Затоптали в грязь мой покой и труд,
И кругом лишь тьма да вражда растут.

Трудно вырвать мне с корнем дерево,
Навсегда изгнать друга верного,
Тяжело брести с тяжкой мукою
Там, где ложь шипит злой гадюкою.

Но как радостно среди трудного
Пути дальнего и безлюдного
Вдруг увидеть: свет шлет окошечко.
Так и в горе нам — слово-солнышко.

Так за этот дар за бесценный твой,
Что украсил путь одинокий мой,
За улыбку ту у любимых губ —
У тебя в долгу! У тебя в долгу!

Взгляни, я победил, краса-девица!
С разбитого спасался судна я,
Средь диких волн бушующих, ревуших
Боролся я со смертью за жизнь.
Больной, продрогший и тревоги полный,
Средь шума страшных волн, слабея, руки
Я жадно простирал к пустой скале,
Что гордо твердую главу вздымала
Над клетотом и адом.

Я молил

Ее стенаньем, взглядом — не словами —
О помощи, опоре. Но куда там!
Окружена шипучим валом пены
И мглою брызг прозрачных, светлых, в коих
Ломались солнца искры и играли,
Как радуга в брильянтовом уборе,
Нарядная, с высот она взглянула
На бедного пловца и, усмехнувшись,
Сказала: «Не надейся ни на что!»
Но нет, я победил, краса-девица!
Пловец, убитый горем, сил лишенный,
Не потонул, а выбрался на сушу.
Из глубины израненного сердца
Извлек могучее он, злое слово
И вбил в скалистую сухую грудь,
В твое сухое сердце. И отныне

Ты не забудешь бедного пловца;
И взор его молящий и бессильный
Навек стоять укором тяжким будет
Перед убогою твоей душой,
Как память об утраченном блаженстве,
Тобой несовершенном добром деле...
Вот в чем я победил, краса-девица!

Душа моя! Душа души моей!
Как раковина камушек в утробе
Годами носит, боль преодолая
Немую, чтобы соком жизни всей
Создать из камня жемчуг драгоценный,
Так сожаленье о тебе без злобы
И бедную любовь я неизменно
В груди ношу, напрасно призывая
К ней смерть скорее!

Душа моя! Как лес и пламя, дивно
Так ты срослась со мною неразрывно.
Возьму грех на душу, а то и вдвое,
Но не могу, да, не могу с тобою
Порвать, не смею!

Твое невинное лицо чудесно,
Тут, в сердце, издавна оно сияет.
И вся ты здесь воспоминаньем детства,
Пылинка на тебе не оседает —
Ни пятнышка. Чиста, как бы хрусталь,
Как солнце ты ясна передо мною.

Я пью твой блеск. Пусть он отравой злою
Стал для меня, ведь мы навек, навек
Разлучены! То счастье золотое

Досталось кому-то, — а со мною
Всю жизнь печаль!

Душа моя! Моя, а все ж чужая —
Недосыгаемо далек твой путь!
Зачем душа моя тебя желает,
Твоя не хочет на меня взглянуть!
Неверен путь ее. То над огнями кружит
Своей судьбы слепыми огоньками,
Пока не ляжет злой овраг меж нами,
Не ляжет, и смертельный душу ужас
Не обескрылит!

15 июля 1888

О. ЛУНАТИКУ

Скулит поэзия, нема, безрука:
«Не гений ты», и гонит претендента —
Презренье, смех — ремесленника рента,
Все рвется, гаснет. Ох, тяжка разлука!

„Без маски“

Нет, сынок мой, я не гений,
Да и быть им не мечтал.
А трудился я без лени,
Сильным кланяться не стал.
Не терпел я фарисейства,
Клевете не уступал,
Кривду, зверство и злодейство
Лестью я не подкупал.
В добрый год, во дни гонений
Честно жил и прожил век —
Вот и все. Какой я гений —
Незаметный человек.

Я для гениев грядущих
Поле дикое орал,
В заповедных древних пущах
Путь-дорогу прорубал.
Хлеб мой пек я торопливо,
Не для пана — для толпы,

Жал серпом любое жниво,
Сам вязал свои снопы.

В ледяной пурге сомнений
Рук не прятал я назад
И не плакал, что не гений.
Ну так что ж, чему ж ты рад?

А и плачу, так от боли,
От неверья, от тоски,
Оттого, что наше поле
Заглушили сорняки.
Баба-сплетня миром правит,
Пустословит день и ночь.
Разве маг какой заставит
Нас ту бабу выгнать прочь.
Нашу совесть, наши души,
Точно червь с весны погрыз:
Молодежь он точит, сушит,
Прежде срока клонит вниз.

Правда, я, сынок, не гений...
Будь я гений — я бы вас
От истерик, неврастений
Чародейным словом спас!
Вихрем поднял бы с собою.
К светлой цели, вдаль, вперед,
К жертвам, подвигам и к бою
Устремил бы смелый лёт!
Я б вам душу вдунул в тело,
Распрямил бы вам хребты, —
Я б мужами чести сделал
Обезьян таких, как ты.

ПОГАДАЙ ТЫ МНЕ, ЦЫГАНКА

«**П**огадай ты мне, цыганка,
Красавица Цора,
Дней веселых и счастливых
Дождусь ли я скоро?»

И цыганка по ладони
Все мне рассказала:
«За семь лет узнаешь, парень,
Горя ты немало!» —

«А потом... потом что будет?
Ведь семь лет — не вечно!» —
«А потом... потом ты, парень,
Свыкнешься, конечно!»

БУРКУТСКИЙ РОМАНС

Лукавица и Лядёскул¹
Вот уже который год
Все лежат под ярким солнцем,
Грея каменный живот.

И Лядёскул на соседку
Не насмотрится с утра,
Все под нос бурчит влюбленно:
«Ну, и девка, как гора!»

Лукавица же хитра,
Улыбнется и бормочет:
«Что за увалень лежит —
И с дороги встать не хочет?..»

Говорит с мольбой Лядёскул:
«Мне, соседка, жестко тут,
У тебя должно быть мягче —
Ведь ручьи к тебе бегут?» —

«Может мягче! — усмехнулась
Лукавица, — только ты

¹ Название двух гор в Карпатах, разделенных рекою Черемош.

Так ленив, что не собраться
Через речку проползти!» —

«Я — ленив? — вскричал Лядескул, —
Что за чушь! — взгляни кругом —
Разве ты сама не видишь,
Не до этого мне днем!»

Вновь хохочет Лукавица:
«Если день тебе не го́ж,
То ведь ночью сотня пушек
Не разбудит, как уснешь». —

«Ну, пошла! — ворчит Лядёскул, —
Захочу и все снесу,
Через два проклятых шага
Я к тебе переползу.

Мы с тобою в вихре танца
Закружимся по горам.
Всем была б на зависть пара,
Жарко стало б небесам!

О, когда бы чорт Черемош
Здесь в долине не ворчал
И, как злой несносный отчим,
Нас навек не разлучал!..»

А Черемош знай смеется:
«Ну, и дурень, видит бог!
Разве я тому виною,
Что хотел ты, да не мог?»

Осень 1905

ИЗ КНИГИ ПРОРОКА ИЕРЕМИИ

Иду страной. Сады и вертограды,
За тучной нивой пастбища и степь
И дальних гор волнистые громады
Звено к звену, как розовая цепь.

Живящий сок под солнцем смоквы точат,
И тамариски пряный запах льют.
В лучах цикады сладостно стрекохут,
Из Иордана скалы воду пьют.

О край мой — перл! К божественному крину
Причислен ты один на всей земле,
Как вено дан возлюбленному сыну
И вознесен, как крепость на скале.

Я так люблю тебя, мой край родимый,
Твои красы, твой честный, мирный люд
И так молюсь: да примешь дар незримый —
Из рук моих на счастье, жизнь и труд.

Что я? Я червь, пылинка, лист летящий —
Он рос, увял... ему не долго жить.
Лишь цвел бы ты, как дуб над темной чашей,
А я собой не стану дорожить.

1906

К МУЗЕ

Муза любимая!
Дай же мне, дай же мне
Парений, курений, любовных томлений,
Грез необъятных и снов,
Сладостных слов,
Соловьиных напевов,
Ритмов, мелодий в потоках живого искусства
И чувства, и чувства!
Мысли — куда их!
Замыслы? — обойдуся!
Наблюдать высокие души —
Я не астроном!
Потрясать сердца и народы —
Не громовержец!
Улавливать их колебанья —
Что я, сейсмограф?
Песен хочу я!
Расплескаться бы полнозвучными волнами,
Утопить бы в них все сомнения.
Думы, прочь! Ненавистны мне
Соловьиные трели!
Беспредельные скорби,
Бесцельные вздохи,
Меланхолии ветер осенний.

И я в этом мраке,
Как челн среди моря,
Бесстрастный.

Спой же мне, муза,
Оплети меня грезами, чарами —
Паутиной серебряной.
Пускай полечу я
Румяною тучкою по-над степями,
Пускай покачуся
Перекаати-полем,
Ни стежки не видя своей, ни меты,
А ты
Хоть смейся, хоть грейся,
Хоть бейся, хоть кайся,
Хоть к солнцу взвивайся,
Хоть в мрак погружайся,
Мне — все равно!

То плачешь, то скачешь,
То встанешь, то свянешь,
Колдуешь и молишь,
Поешь, негодуешь,
Одно лишь, одно лишь
Прошу:
без тенденций.

К МУЗЕ

Ты вновь меня зовешь, моя богиня,
В неведомые дебри тех времен,
Где правда, чуть родится, тотчас сгинет,
Где эхом прздник бесов повторен.

В мир красоты и мерзости, где сине
Под солнцем море, в тайный лес и в сон,
В огонь страстей, который не остынет,
В смятенье сфер, нарушивших закон.

Пусть будет так! Пойдем, моя родная!
Еще утех отведаем земных,
Заглянем в бездну без конца и края,

Подыдемся опять средь скал крутых
Туда, где страх, мечты и жизнь глухая, —
Устать — и сном забыться после них!

Липик. Славония, 1908

КОГДА-ТО И ТЕПЕРЬ

Ребенком пас овечек белоснежных
На гребнях гор, над речкою в долине,
На сердце матери, природы нежной,
И пас бы и поныне.

Играл бы он на ивовой свирели
Мелодию печальную без слов,
Что ветер поет, качая ветви елей,
Что в плеске слышится ручьев.

И прожил бы, как этот цветик алый,
Что средь цветов увял на склоне дня,
Как муравей, что век проводит малый
В расщелине лесного пня.

И был бы он подобен птице божьей,
Что рада лету, солнечным лучам,
И вместе с птицей воспевал бы розы,
Порхал бы по цветам.

Но ветер иной его коснулся слуха —
Могучий рокот жизни и борьбы,
Дерзання человеческого духа
И тайный зов судьбы.

И встрепенулся отрок и, послушен
Его веленью, о лугах забыл,
К своей свирели стал он равнодушен,
Вперед, вперед спешил.

И он очнулся только на вершине,
Где в вечной смене истины живут,
Сердца горят и кровь бурлит и стынет,
Кипит великий труд.

СМЕРТЬ УБИЙЦЫ

Мужик был при смерти. Вот диво!
Они ведь тысячами мрут.
Спокойно мрут и ждут на небе
Все то, чего не знали тут.

Так умирал и этот. Люди
Сошлись, чтоб взрослых сыновей
Утешить. А старик соседям
С постели так сказал своей:

«Попу хотел открыть я душу,
Да передумал — что таить!
Грех на душе моей тягчайший —
Его попу не разрешить.

Тот грех мирской — и всенародно
В нем покаянье приношу.
Меня как вам подскажет совесть
Судите — об одном прошу.

Вы тоже выслушайте, дети,
Отцову исповедь, чтоб знать,
Чью будете беречь вы память,
Как своего отца назвать.

Убийца я. Не ужасайтесь!
Без малого все сорок лет
Ношу в душе я прегрешенье,
Раскаянья же в сердце нет.

Да, милые мои соседи,
Я кровью руки запятнал,
Простил ли бог меня иль в небе
Воздаст все то, что не воздал?

Нам говорят, что за убийство
Господь жестоко отомстит.
Я божьего суда не знаю —
Но сердце вовсе не дрожит.

При крепостном то было праве.
Лет сорок, может быть, прошло.
Под панскою пятой дрожало,
Стонало стоном все село.

А пан был страшным, лютым зверем,
Одно прозвание — человек.
Он нашей крови насосался,
Он заедал наш горький век.

Бывало, вечером с работы
Придем, пред домом станем в ряд,
Выходит он карать «виновных»,
И все заранее дрожат.

Кто виноват — к столбу привяжут,
А нам велят в глаза плевать,
И кто не плюнет, тотчас панский
Холуй влепляет двадцать пять.

Кто запоздает на работу —
Ложись в крапиву голышом,
Кто старосте посмел перечить —
Засунут в глотку глины ком.

Чтоб девушки месили глину,
Прикажет пан. Глядит в окно
На них, увязнувших по пояс, —
Ему, проклятому, смешно!

Он истязал, он издевался,
Он наши силы истощал,
Он нашим потом опивался, —
Народ терпел и все молчал.

И я терпел не раз и гнулся, —
Терпенье стало иссякать.
Забрать задумал пан в хоромы
Мою жену и вашу мать.

А мне — так говорили люди —
В солдаты бы пришлось итти.
«Не миновать беды, — я думал, —
Попался б только на пути».

На следующий день погнали
Нас двадцать из села парней
В сад панский, — захотелось пану
Разбить дорожки почудней.

Вот нас приказчик и расставил
И задал каждому урок...
Он в самый темный и заросший
Меня засунул уголок.

Вот тут — боярышник да груши,
Левей — каретника стена,
А возле — дряхлая калитка.
Ну, стал я. Холод. Тишина.

Сквозь листья солнышко играет
По саду пряжей золотой,
И стало тяжко мне и грустно,
Я как-то помрачнел душой...

Лопату выронив, я думал:
«Быть может, близок смерти час,
Кто знает, долго ль проживу я», —
И слезы брызнули из глаз.

Сучок вдруг хрустнул. Предо мною
Сам пан, — он чем-то раздражен.
Он даже покраснел от злости,
В руке веревку держит он.

«А, — крикнул, — вот твоя работа!» —
И замахнулся на меня,
А я в тот миг на все решился,
Уже опаски не храня.

Веревку вырвал я, на шею
Ему закинул, затянул
И, прежде, чем успел он крикнуть,
Я груши крепкий сук нагнул.

Потрепыхался он мгновенье.
Я прочь скорее — хоть дрожал,
Но начл вновь копать усердно
И будто бы спокойней стал.

Гляжу — нет никого, все тихо,
Висит мой пан. Стал я тогда
Кричать: «Повесился! Спасите!»
Приказчик, кучер — все сюда.

Летят рабочие и слуги,
У самой груши стали в ряд,
Но пана мертвого из петли
Не вынимают и молчат.

Потом все дружно разбежались,
Тот, кто хоть что-нибудь украл,
Пошел награбленное прятать,
А не успевший — грабить стал.

Узнала пани. Но из дома
Не вышла. Сам народ пошел,
Снял пана, внес скорее в сени
И положил его на стол.

Моя Орина, как узнала,
Что пан наш умер, — из хором
В окно скорей, в село примчалась
Как сумасшедшая бегом.

Бежала словно от погони,
На печь, под самый потолок,
Забралась и сидит до ночи.
Вот так-то наших бед клубок

И размотался. О злодее
Никто в народе не жалел.
Меня об этом не спросили,
А сам-то я молчать умел!»

Умолк старик. Стояли люди,
Как будто туча давних бед
Овеяла их души грустью.
«Ну что ж, судите! Дам ответ!»

И разом молвили соседи:
«Тебя простил теперь сам бог,
Простила и людская совесть».
Блаженства свет спокойно лег

На старика звездой вечерней,
Что угасает за Дилом.¹
Так тихо, радостно, спокойно
Заснул убийца вечным сном.

¹ Д и л — вершина в Карпатах.

«ПАТРИОТ»

У краинцев мы любим,
Их обычай — примерный,
Любим этот народец,
Покорителям верный,

Разговор их мужичий,
Речь лакеев проворных,
Их ребят голопузых
И попов их покорных;

И тоскливые песни,
И задорные пляски,
Парней крепких и смелых,
Но и тихих, как в сказке;

Их домашние свитки,
Хлеб — что кол, но здоровый,
Их убогие хаты
С баштаном да с коровой;

Их работу на благо
Славных рыцарей Польши...
Украинцев мы любим,
Так чего же им больше?

А за это раденье
Нам такая награда:
Пусть одни мы решаем,
Что им должно и надо.

Пусть никто не суется
Между хлопом и паном,
Ниву дружбы священной
Засевая бурьяном.

Если ж кто пожелает
На свою Украину
Нашей панской корысти
Отделять половину,

Предавая их души
Просвещенья разврату,
Строя разные школы,
Ссоря замок и хату,

Возмущая их прозой
И стихами своими,
Становясь как посредник
Между нами и ими, —

Тот — москаль и безбожник,
Весь во лжи и обмане,
Тот наш враг и предатель
И изменник, мосьпане.¹

¹ Мосьпане — вежливое обращение: сударь мой.

В 23-ю ГОДОВЩИНУ СМЕРТИ ТАРАСА ШЕВЧЕНКО

Поклон тебе, певец народной доли,
От миллионов, для которых жил,
От Украины, плачущей в неволе,
Свидетелем которой сам ты был!

Поклон твоей могиле! Разрушает
Ее коварство, ложь, что так слепа!
Напрасно! К ней, хоть злоба процветает,
Не зарастет народная тропа.

Они боятся, что ты вновь проснешься,
Что не истлел в могиле, не затих,
Что в должный час на родину вернешься,
Ее разбудишь громом слов своих.

Им страшно, что под кровлею из глины
Не кроется ни копий, ни ножей
Старинной славы, силы Украины,
Которая вот-вот вернется к ней.

Им страшно, если крест подгнивший, хилый
Знак всех обид и многолетних пут,
Вдруг обновится над твоей могилой,
И с Украины цепи упадут.

Вот и гламятся над твоей могилой,
Тебя укрывшей от змеиных жал,
Чтоб даже память о тебе остыла
В сердцах народа, что века страдал.

На этот стих, которым пел и плакал,
И клял ты зло, и возвещал любовь,
Толпа лжецов, как гончая собака,
Бросается и травит вновь и вновь.

Тиранов гнев и злоба всемогущих!
Подписан где-то может быть указ:
Твой прах «как неблагонадежный» лучше
«Препроводить» в Сибирь иль на Кавказ.

Слова ж твои, отраду в нашем горе,
Из сердца вырвать, в памяти спалив,
И вычеркнуть поэта из истории,
И объявить: «Шевченко — это миф».

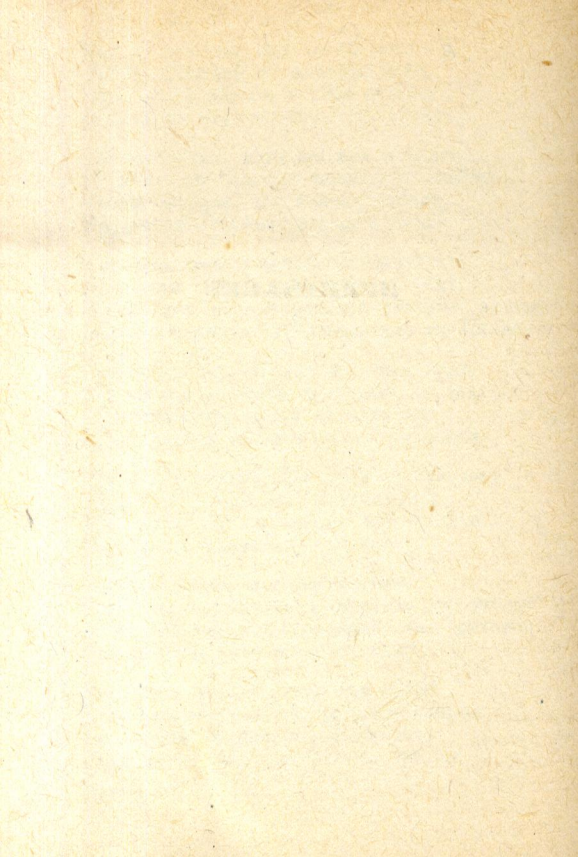
Да нет — не миф! От дуба от степного
Разросся целый лес, могучим стал.
Ни грома и ни вихря нет такого,
Чтобы его развеял, разметал.

Да нет, указы и доносы ваши
Лишь приглушат твой стих, но не убьют!
И из-под гнета их сильней, чем раньше,
Услышим правду вечную твою!

Но скоро засияет свет над нами!
Счастливые судьбой, со всех сторон
Свободной Украины мы рядами.
Пойдем к твоей могиле на поклон.

Львов. 1884

ПРИМЕЧАНИЯ

За сорок три года поэтической деятельности Франко было издано шесть его основных книг: «З вершин і низин» («С гор и долин»), 1887—1893; «Зів'яле листя» («Увявшие листья»), 1896; «Мій ізмарагд», 1898; «З днів журби» («Из дней печали»), 1900; «Semper tiro» («Всегда ученик»), 1906; «Із літ моєї молодості», 1914. Ряд поэм вышли отдельными изданиями — «Панські жарти» («Панские забавы»), «Іван Вішенський», «Моисей» и др. Кроме того, значительное количество стихотворений Франко осталось рассеянным по страницам периодических изданий, сборников и т. п. Если учесть деятельность Франко как переводчика, — станет ясным громадный объем поэтического наследства Франко, по приблизительным подсчетам исчисляемого в сто двадцать печатных листов.

В настоящий сборник включены произведения, отражающие основные, наиболее характерные этапы творческого пути Франко-поэта. Стихотворения расположены в хронологическом порядке. Лишь в двух случаях пришлось отойти от следования хронологическому принципу: сборник «Із літ моєї молодості», составленный поэтом из ранних его стихотворений, занял место рядом со сборником «З вершин і низин», с которым он во многом перекликается; по той же причине сбор-

ник «3 днів Журби» поставлен тотчас вслед за «Зів'яле листя». Стихотворения, не включенные самим поэтом в сборники, помещены в конце книги.

С ГОР И ДОЛИН

В предисловии ко второму изданию сборника (1893) Франко писал: «Собирать в этой книге все написанное мной в стихотворной форме за 20 лет моей писательской работы у меня не было ни мысли, ни желания. Многое из того, что за это время было мною напечатано, не достойно теперь даже чтения, не только перепечатки. Каждому, кто следил за развитием галицко-украинской литературы за эти двадцать лет, будет ясно и без дальних слов, что иначе и быть не могло с писаниями человека, который вышел на литературное поприще молодым и неустановившимся; впоследствии же, вместо искренних советов и поучений, слишком часто встречал болезненные удары, цинические насмешки, а чаще всего — тупой индеферентизм и грубое невежество. Только трех-четырех лиц мог бы я назвать, которых приязнь и искреннее сотрудничество помогли мне вырабатывать язык и форму моих поэтических произведений, их композицию и основные мысли».

И дальше:

«Перечитывая теперь эти стихотворные листки, среди которых так много преждевременно увядших листьев, я чувствую одновременно и печаль, и радость. Двадцать лет жизни и труда — быть может, не такого старательного, не такого созна-

тельного и упорного, как следовало бы, и все же внушенного горячим желанием общего блага и прогресса, горячей любовью к родному народу и родному краю... Тут и там широкий взмах наивной мысли, тут и там блестящая надежда — и какие скромные результаты! Однако, с другой стороны, меня радует уверенность, что лед сломан, что наше общенародное движение, такое слабое, робкое и несознательное еще двадцать лет тому назад, сегодня уже сделалось совершенно иным. Мы ошибаемся иногда, спотыкаемся и иногда падаем — и как еще скверно падаем! — но все же сумма наших усилий растет, сумма добытого нами здорового и чистого зерна растет, сумма доброго, братского, теплого чувства по эту и ту стороны границы растет. И с радостным ощущением этого я смело говорю самому себе, что эти двадцать лет... хотя и не дали мне того, о чем я мечтал когда-то зеленым юнцом, но все-таки ни для меня, ни для моего родного края не прошли напрасно».

Т о в а р и щ а м и з т ю р ь м ы. Стихотворение это Франко перепечатал, в несколько измененном варианте, в предсмертном своем сборнике «Із літ моєї молодості», снабдив его также новым заголовком: «На зорі соціалістичної пропаганди». Наш перевод сделан по раннему варианту, получившему широкую популярность среди читателей.

К а м е н о т е с ы. О замысле этой «поэмки» Франко рассказывал следующее: «Стихотворение явилось следствием тогдашнего моего состояния

и настроения. Осужденный в процессе 1877—1878 гг., я вошел в тюрьму с ощущением, что какая бы то ни было государственная служба, в частности учительство, к которому я готовился, посещая университет, для меня закрыта, к тому же живо ощущал враждебное настроение украинской общественности к тем идеям, ради которых мне пришлось претерпеть более чем девятимесячное тюремное заключение, хотя я так же, как и все остальные осужденные на этом процессе, не принадлежал ни к какой противозаконной организации. С другой стороны, я не менее живо ощущал тот пылкий темперамент, с каким стремилась к новым идеям часть галицко-украинской молодежи, что вызывало во мне, при всей безотрадности экономических отношений, то бодрое, боевое настроение, которым выказал себя начатый Павликом и мной журнал «Громадський Друг»... Поэмка «Каменотесы» — это аллегорический образ толпы рабочих, которые общим тяжелым трудом ломают скалу для того, чтобы проложить дорогу. В основе этой темы лежали конкретные впечатления от рабочих, дробивших камни на дороге (см. мой рассказ «Вугляр»), и рассказы о прокладывании железнодорожного тоннеля в Карпатах около Дукии». (І в а н Ф р а н к о, Каменярі, Український текст і польський переклад. Дещо про штуку перекладання. Львів, 1912, стр. 10—11). Самая мысль оформления этих впечатлений в аллегорический образ громадной силы явилась у Франко под впечатлением летописного рассказа о неких народах «на полунощных странах», живущих за высокими го-

рами; эти люди, по сообщению летописи, «съкут гору, хотяще зысечися». (А. А. Шахматов, Повесть временных лет, т. I. Пгр., 1916, стр. 293). Аллегорическое использование этого же образа — и именно с ссылкой на летопись — дано поэтом в позднейшей статье «З остатніх десятиліть XIX в.» (Іван Франко, Молода Україна. Львів, 1910, стр 55—56).

О л е. Стихотворение посвящено жене поэта (урожденной Хоружинской), с которой он обвенчался незадолго перед тем, весною 1886 г., в Киеве.

Г р и ц ь Т у р ч и н. Как сообщал сам Франко, Гриць Турчин — это «герой стихотворений о рекрутской жизни («Молот», стр. 1—8), написанных крестьянином Романом Гудзманом». В другом месте Франко характеризует эти стихотворения как написанные «в духе народной песни, и настолько талантливо, что своим достоинством не уступают лучшим народным песням» (Іван Франко, Нарис історії українсько-руської літератури до 1890 р., Львів, 1910, стр. 248).

К о т л я р е в с к и й. *Иван Петрович Котляревский* (1769—1838) — украинский поэт и драматург, автор поэмы «Перелицованная Енеїда», пьеса «Наталка-Полтавка», «Москаль-Чарівник», зачинатель новой украинской литературы.

«Не гром ли, не гроза ли». В оригинале «Что ми шумить, что ми звенить» — ироническая цитата из «Слова о полку Игореве» («Что ми шумить, что ми звенить далече рано предь

зорями?»), относящаяся к полкам Игоря, возвращающегося на помощь брату Всеволоду.

«Болотный омут посреди Европы». Как этот, так и последующий сонет («Тюрьма народов обручем железным») в украинском оригинале обращены к России («Roscie! Де лиш ти поставиш стопи»). Мы имеем прямое свидетельство самого Франко о том, что Россия названа здесь вместо Австрии по цензурным мотивам. В экземпляре, poslanном А. Крымскому, Франко исправил сонет, восстановив подлинный его политический смысл (см. Акад. А. К р ы м с к и й, Чи справді до Roscii адресував Ів. Франко свої тюремні сонети № 44, № 45. Записки УАН, кн. VII—VIII, 1926, стр. 407—409).

ИЗ ЛЕТ МОЕЙ МОЛОДОСТИ

В предисловии к сборнику Франко писал:

«В своей скоро уже сорокалетней литературной деятельности я прошел различные ступени развития, занимался разнообразной работой, служил различным направлениям и даже нациям, так как пришлось немало поработать, кроме нашего украинского, также на польском, немецком и русском языках. Но всегда и везде у меня была одна руководящая мысль — служить интересам моего родного народа и общечеловеческим прогрессивным, гуманным идеям. Этим двум путеводным звездам я, кажется, никогда не изменял и не изменю, пока жив».

УВЯДШИЕ ЛИСТЬЯ

«Зів'яле листя», по словам Франко, являются стихотворным переложением посмертного дневника самоубийцы. «Стоило ли, — спрашивает поэт, — трудиться, чтобы выпустить в свет несколько горстей увядших листьев, прибавить в омут нашей современной жизни несколько капель, отравленных пессимизмом, или лучше сказать, безрадостностью, отчаянием, безотрадностью? У нас и без того этого добра слишком много! Но кто знает, — думалось мне, — быть может, это горе, подобно оспе, которую излечивают прививкой оспы? Быть может, образ страданий и горя больной души оздоровит какую-нибудь больную душу в нашем обществе? Мне вспомнился Вертер Гете и припомнились слова, которые Гете написал на экземпляре этой книги, посылая ее одному своему знакомому. С этими словами и я вручаю стихи нашему молодому поколению: «Sei ein Mann und folge mir nicht nach!»¹

«Четырнадцать лет спустя после появления «Зів'ялого листя», — писал Франко в предисловии ко второму изданию книги (1911), — понадобилось второе издание этого сборника лирических песен, самых субъективных из всех, какие появились у нас со времени автобиографических стихотворений Шевченко, и притом наиболее объективных в манере обрисовки сложного человеческого чувства. Не могу сказать, чтобы тогдашняя литературная критика хорошо поняла намерения и характер моего сборника. Самая об-

¹ Будь мужественным человеком и не следуй за мною.

ширная статья о ней Василя Щурата в «Зорі» пыталась осудить ее как проявление совершенно излишнего у нас пессимизма. Не только сам я, но — это сделалось известным мне сразу тогда же — также значительная часть публики совсем иначе поняла эти стихотворения, и я надеюсь, что и теперешнее поколение найдет в них нечто такое, что откликнется в его душе вовсе не пессимистическими тонами».

Следует, однако, заметить, что в основной любовной драме «Зів'ялого листа» много автобиографического: Франко трижды пережил в жизни несчастливую любовь. Стихотворения, посвященные этой теме, объединены в один цикл. Этим и объясняется включение в «первую пригоршню» «Зів'ялого листа» нескольких стихотворений с датами 80-х годов.

«Что счастье? Только тень мечты». Шлемиль — герой повести А. Шамиссо «Петер Шлемиль» — о человеке, потерявшем собственную тень.

МОЙ ИЗМАРАГД

Как и предшествовавшие свои книги, Франко снабжает эту книгу предисловием, объясняющим характер и происхождение сборника. «Измарагдом, — писал Франко, — назывался в древней Руси сборник статей и притч, частью оригинальных, а частью взятых из греческих сочинений отцов церкви, подобранных так, что целое составляло как бы курс практически-христиан-

ской морали для людей скорее светского, нежели духовного состояния. Мне давно хотелось написать подобную книгу — тем языком, который на нынешнее поколение должен производить впечатление, во многом подобное тому, какое на древних украинцев производил язык церковный, — языком поэзии. В стихотворной форме я хотел дать украинскому читателю ряд рассказов, притч, размышлений и других проявлений чувства и фантазии, темы которых почерпнуты из различных источников, своих и чужих, восточных и западных, которые, однако, были бы связаны в единое органическое целое не какой-либо одной тенденцией, одной догмой, религиозной или эстетической, но лишь общим диапазоном нравственного чувства и темперамента, пройденного ими перед тем, как вылиться в эту форму; блуждая по разным перепутьям всемирной истории и литературы, я издавна понемногу собирал или намечал себе для позднейшего использования отдельные камешки, пригодные для моего здания; самые старые этюды, помещенные в этой книге, имеют уже пятнадцатилетнюю давность. Но только в последнее время тяжкая болезнь, сделавшая меня за два месяца неспособным к другой работе, дала мне возможность написать большую часть того, что здесь напечатано. Значительная часть помещенных здесь стихотворений — это подлинники *Schmerzzenkinder* (дети страдания). Я писал их в темной комнате, с закрытыми больными глазами. Возможно, что такое мое физическое и душевное состояние отразилось и на физиономии этой книги. В болезни человек требует, чтобы

с ним обходились мягко, ласково, да и сам становится мягким, ласковым и терпимым. Его охватывает глубокое, нежное чувство, желание любить, благодарить кого-то, прильнуть к кому-нибудь доверчиво, как ребенок. Не знаю, насколько ясно отразились эти чувства в моей книге, но знаю, что я хотел сделать ее книгой насквозь моральной. Конечно, моя мораль значительно отличается от той катехитической, догматической морали, которая у нас выдается за единственно христианскую. Но я уверен, что в своей основе она гораздо ближе к морали всех великих учителей человечества, «ищущих царствия божия и правды его», нежели коленопреклоненная, низкопоклонная и жестокосердная мораль многих столпов церкви, призванных и непризванных защитников религии. Но я не хочу вдаваться в споры с ними. Храм моей матери-Музы слишком свят, чтобы из него делать место для пересудов и сплетен. А помещенные далее произведения, возникшие из моего нравственного чувства, — подлинная поэзия всегда должна быть нравственной, потому что источник тот и другой один и тот же, — пускай говорят сами за себя».

И несколько дальше следует другое любопытное замечание:

«Не отмечаю при отдельных стихотворениях источников, откуда они заимствованы. Нет здесь почти ничего, что бы можно было считать переводом. Рядом с оригинальным здесь есть немало и такого, где на чужую основу я накладывал свои собственные узоры. А откуда заимствована эта основа, кому и где я «подражаю», — это

оставляю любопытству тех критиков настоящего и будущего времени, которые не будут иметь и уметь ничего лучшего, как отыскивать «источники», из которых поэт черпал свое вдохновение. В конце концов, эти источники сотни, тысячи лет открыты — доступны каждому здравому взору и искать их недалеко».

И, наконец, в заключение:

«Староукраинский автор не без умысла назвал свой сборник «Измарагдом». Он очевидно верил в то, что говорится об этом камне в известном апокрифическом сказании: «Измарагд свѣтел есть, яко и лице челоувѣче видѣти въ немъ яко въ зеркалѣ». Эти простые слова выражают и мое высшее желание как писателя и поэта: чтобы мое слово было ясно и чтобы в нем, как в зеркале, виднелось человеческое, истинно-человеческое лицо».

Украина говорит. Здесь, как и в следующих далее — «Сомнение» и «Седоглавому», отражена известная полемика Франко с галицийскими националистами, обвинившими поэта в измене отечеству и родному народу. С наибольшей полнотой свой взгляд на национальную проблему и свое отношение к «патентованным патриотам» Франко выразил в том документе, который, собственно, и послужил началом полемики, — предисловии к сборнику своих новелл (в польском переводе) «*Obrazki galicyjski*»; приводим здесь отрывки из этого предисловия-исповеди, являющейся основной темой публицистических высказываний Франко на протяжении двух с половиною десятков лет.

«Прежде всего, — писал Франко, — сознаюсь в грехе, который многие патриоты считают для меня смертным: не люблю галичан («русинов»). При той горячей любви, какая брызжет часто для «братского племени» со страниц польских реакционных газет, моя исповедь может показаться странной. Но что же делать, если она правдива? Я уже вышел из возраста наивных и ослепленных влюбленных и могу о такой деликатной материи, как любовь, говорить трезво. И потому повторяю: не люблю галичан. Так мало среди них нашел я настоящих характеров и так много мелочности, настоящего эгоизма, двуличности и спеси, что действительно не знаю, за что бы я должен был любить их, даже не обращая внимания на те крупные и мелкие шпильки, которые они, иногда с наилучшими намерениями, пускали в меня. Разумеется, я знаю между галичанами несколько исключений, несколько чистых и достойных всяческого уважения (говорю об интеллигенции, не о крестьянах!), но эти исключения, к сожалению, только подтверждают общий вывод.

Признаюсь в еще большем грехе: даже Руси (т. е. Галиции) нашей не люблю так и в такой степени, как это делают или прикидываются, что делают, патентованные патриоты. Что в ней я должен любить? Любить ее как историческое понятие — но для этого я слишком большой враг пустых фраз, слишком много видывал в свете, чтобы утверждать, что нигде нет такой замечательной природы, как в Галицкой Украине. Любить ее историю — но для этого я достаточно

хорошо ее знаю, слишком горячо люблю общечеловеческие идеалы справедливости, братства и свободы, чтобы не почувствовать, как мало в истории Галицкой Украины примеров подлинного гражданского духа, подлинной самоотверженности, подлинной любви. Нет, любить эту историю очень трудно, потому что почти на каждом шагу нужно бы разве плакать над нею. Или, может быть, я должен любить Украину как расу, эту расу, отяжелевшую, неуклюжую, сентиментальную, лишенную закалки и силы воли, так мало способную к политической жизни в собственном мусорном ящике и такую плодовитую на ренегатов разного сорта? Или, может быть, я должен любить светлое будущее Украины, хотя бы я этого будущего не знал и для просветления его не видел никаких оснований?

Если, несмотря на все это, я считаю себя украинцем и по мере сил своих и возможностей работаю для Украины, то, как ты видишь, уважаемый читатель, совершенно не по причине сентиментальности характера. К этому принуждает меня чувство собачьей обязанности. Как сын украинского крестьянина, выкормленный черным крестьянским хлебом, трудом жестких крестьянских рук, чувствую я себя обязанным барщиной всей жизни отработать те гроши, которые истратила крестьянская рука для того, чтобы я мог выкарабкаться на вершину, откуда виден свет, где пахнет свободой, где сверкают общечеловеческие идеалы. Мой украинский патриотизм — это не сентимент, не национальная гордость, это тяжелое ярмо, возложенное судьбою на мои

плечи. Я могу содрогаться, могу про себя про-
клинать судьбу, возложившую на мои плечи это
ярмо, но сбросить его не могу, не могу искать
другого отечества, ибо сделался бы подлецом
перед собственной совестью. И если что-нибудь
облегчает мне нести это ярмо, так это то, что я
вижу, как украинский народ, угнетенный, неве-
жественный и деморализованный на протяжении
долгих веков, бедный, забитый и растерянный,
все же постепенно поднимается, все большими
массами своими ощущает жажду света, правды
и справедливости, ищет путей к ним. Следова-
тельно, стоит работать для этого народа, и ни-
какая честная работа не пропадет».

Седоголовому. Этот «поклон» является
ответом на анонимную статью Ю. Романчука,
«седоголового старшины львовских украинцев»,
как почтительно называла его тогдашняя на-
ционалистическая галицкая пресса, попросту го-
воря — вождя галицко-украинского национали-
стического соглашательства с польской шляхтой.
В статье этой «Смутна поява» — «Діло», 1897,
№ 97) анонимный автор (впрочем, несмотря на
анонимность статьи, подлинное авторство было
широко известно) обвинял поэта в том, что
«д-р Франко, к сожалению, не знает, что такое
любовь, и не чувствует любви», с пафосом он
пересказывает ироническое замечание Франко,
якобы не понимая иронии и превращая его в
«грозный» обвинительный акт, стоящий на гра-
нице прямого доноса против поэта, посмеявшегося
выступить со своей исповедью перед чужими»:

на эту анонимную статью Франко отвечал целым рядом афоризмов («Декілька афоризмів у альбом «Ділу», прочитавши статью «Смутна поява» в ч. 97») в своем журнале «Життя і слово» (1897, кн. III, стр. 263—264). Приводим здесь несколько таких высказываний Франко, развивающих основные мысли предисловия к стихотворению: «Любовь не обязательна, но чувство долга обязательно». «Слепая любовь, как и слепая вера, порождает фанатизм и нетерпимость». «Кто твердит: люблю свой народ и не выполняет своего долга перед народом — твердит ложь». «Депутат Валевайский публично заявляет, что любит украинцев. Ну, кого такие господа любят, того я со спокойной совестью могу не любить». «От долга пред народом сам бог не может освободить; похвально освободить от него сатана».

Д е к а д е н т. Стихотворение адресовано поэту, критику и историку литературы Василию Щурату (род. 1871), ныне члену Академии наук УССР. Оно является полемическим возражением на статью Щурата по поводу «Зів'ялого листа» («Заря», 1897, № 5, стр. 97—98; № 6, стр. 118—119; № 7, стр. 135—137), в которой Франко был назван декадентом (об этом упоминал Франко и позднее, в предисловии ко второму изданию своего сборника; см. выше).

П а р е н е т и к о н. В византийской литературе так назывался сборник басен и проповедей на темы добронравия, целомудрия, любви к ближним и пр.

Письмо из Бразилии. Как это письмо», так и весь вообще цикл «В Бразилию», навеяны возмутительными фактами, сопровождавшими усиленно пропагандировавшуюся в середине 90-х годов эмиграцию беднейшего галицко-украинского крестьянства в Южную Америку, в Бразилию. Об этих фактах дают представление многочисленные корреспонденции и статьи в радикальной галицийской прессе, украинской и польской, разоблачавшие ту вакханалию мракобесия, обмана и жульничества, какая разыгрывалась за счет нищих крестьян, привлекаемых радужными посулами о счастливой и сытой жизни за океаном. Вот несколько отрывков из письма некоего проф. Брухпольского, встретившегося с транспортом эмигрантов в Удине (большая узловая станция в северной Италии). На площади возле вокзала он увидел толпу людей — крестьян из окрестностей Львова и из Бобрецкого уезда. «Если бы я умел верно и правдиво нарисовать картину подлинной Голгофы нашего народа, — писал проф. Брухпольский, — то заплакал бы ты, читатель, вместе со мною. Сперва я думал, что это ярмарка, но это скорее погорельцы, это восемьсот пятьдесят человек на развалинах своей надежды. А как далеко еще до Генуи! как далеко до Бразилии! Я, вспоминаю, уже видел подобную картину — это была картина Верещагина «На поле боя» («После атаки». И. А.). И действительно, очень может быть, что еще до прибытия в Парону (штат Бразилии, куда преимущественно направлялись эмигранты. И. А.) над половиною этих семейств станет свя-

щенник с крестом и кропилом в руках. Крайнее отчаяние, уже перешедшее границы равнодушия, видно было на всех лицах, и если бы кто-нибудь подумал, что это только нравственное страдание, тот очень ошибся бы. Источник этого смертельного равнодушия — голод. Около ста младенцев конвульсивно сосут увядшие груди матерей, голодающих по несколько недель; более старшие дети — анемичны, как после сильной потери крови. Большинство их как бы окаменели; то там, то сям малолетний ребенок сидит подле задумавшейся матери, вьется, как на углях, — от голоду; издали кажется, что это избалованное дитя, у которого отняли игрушку, но оно бьет ножками об землю, оно заходится от плача, потому что хочет хлеба! Вон там кучка детей сидит с широко раскрытыми глазами и механически подносит ко рту руки, сосет худые пальцы. А вот восьмилетняя девочка бежит среди толпы как сумасшедшая и жадно грызет платок! А взрослые? Они спокойнее, потому что за час перед тем исповедывались здесь же у священника-итальянца — кто знает, не в последний ли раз?»

Упоминается в этом письме и об агентах, вербовавших эмигрантов и сопровождавших их в пути, конечно, не без пользы для себя: по словам священника, с которым разговаривался проф. Брухпольский, переселенцы переплачивали своим проводникам в несколько раз за одни железнодорожные билеты. «Последнюю партию вез из Львова учитель Кжитяновский, который, как говорят люди, «испортился» в дороге, так как

в Удине приехал босой, без сюртука, нетрезвый и, забрав десять пароходных билетов, поехал один в Геную и — пропал без вести». («Народ», 1895, № 10, стр. 161—162; см. еще «Народ», 1895, № 11, стр. 199—170).

SEMPER TIRO

«Не пора ли, братия, настала». Эпиграфом к стихотворению взято начало «Слова о полку Игореве». Вообще же весь цикл под названием «На старые темы» является оригинальной разработкой общеизвестных «старых тем», подчас в полемическом духе.

Антошке II. Стихотворный ответ на одно из выступлений реакционного полякофильства против украинского языка и литературы (статья «Тщетная работа сепаратистов» в «Галичанине», 1902, № 222). Подобные выступления в галицкой печати особенно участились в конце XIX — начале XX вв., когда при организации ряда научных съездов дебатировался вопрос о возможности докладов и выступлений на украинском языке. Сам Франко принимал непосредственное участие в организации таких протестов, но «теоретических» споров на эту тему не любил. Один из мемуаристов записал об этом следующее: «Когда Франко работал в Вене, он спросил однажды профессора Миклюшича: «Скажите, господин профессор, как полагает наука: самостоятелен ли наш язык или нет?» Профессор Миклюшич ответил: «Не наука решит вопрос само-

стоятельности украинского языка, но вы, украинцы, сами. Создавайте свою культуру — и станете самостоятельными, не создадите ее — и наука ничем вам не поможет».

Из книги Кааф. Книга Кааф — одна из апокрифических книг еврейско-византийской литературы, до сих пор не изданная целиком и не исследованная. Франко познакомился с этой книгой, вероятно, во время своей работы над сводкой украинских апокрифов (тт. I—V, 1896—1905). В своем «Нарисі історії українсько-руської літератури до 1890 р.» (Львов, 1910, стр. 34) он характеризует книгу Кааф как изложение еврейских религиозных обрядов и верований с христианской трактовкой их. Книга эта «составлена в основном из слов, избранных из феодрита Кирского о старозаветных храмовых обрядах», — замечает Франко. Можно предположить, что, давая циклу название «Из книги Кааф», поэт хотел, как и в «Зів'ялому листіі», подчеркнуть «объективную передачу субъективнейших ощущений и настроений».

Иван Вишенский. Иван Вишенский — монах и проповедник XVI в., автор ряда полемических сочинений, обличавших пороки старшего духовенства и князей церкви. Своеобразие этих произведений издавна привлекало Франко. «Личность Ивана Вишенского, — писал он, — была первым литературным явлением, которое еще в конце 80-х годов прошлого столетия пробудило во мне интерес к научной обработке его

литературного наследия». Франко посвятил Вишенскому три научных работы: одну большую монографию, популярную брошюру и поэму. Обращение к поэтическому воссозданию биографии Вишенского (собственно, некоторых ее эпизодов, которые, вдобавок, вследствие туманности в хронологических сведениях, являются догадками самого Франко) связывается с событиями 1895—1897 гг.

СОДЕРЖАНИЕ

Иван Франко. Вступительная статья И. Ай- зенштска	5
--	---

С ГОР И ДОЛИН

De Profundis

Гимн (Вместо пролога). (Пер. Н. Браун)	53
--	----

Веснянки

1. «Удивлялась зима». (Пер. А. Остров- ский)	55
2. «Гремит! То благая пора наступает». (Пер. И. Наппельбаум)	57
3. «Уж солнышко вновь на луга». (Пер. Л. Успенский)	58
4. «Соловей еще щебечет в тишине». (Пер. Б. Соловьев)	59
5. «Что за дым клубится в поле?» (Пер. Вс. Рождественский)	61
6. «Весенние песни». (Пер. А. Прокофьев)	63

Скорбные песни

1. «В моря из слез — от горя, от забо- ты». (Пер. Вс. Рождественский)	65
--	----

2. «Порой бывает — сердце ноет». (Пер. Н. Браун)	66
3. «Пусть будет так! Пусть спину я». (Пер. Е. Рывина)	67

Ночные думы

1. «Необозримой чередой». (Пер. М. Фро-
ман)	68
2. «Догорают поленья в печи». (Пер. Б. Кежун)	69
3. Песня гениев ночи. (Пер. Л. Успен-
ский)	70

Думы пролетария

1. На суде. (Пер. В. Азаров)	72
2. Милосердным. (Пер. Б. Кежун)	75
3. Покой. (Пер. И. Наппельбаум)	77
4. «Вы плакали фальшивыми слезами». (Пер. А. Островский)	78

Excelsior

1. Батрак. (Пер. В. Азаров)	79
2. Беркут. (Пер. Н. Браун)	83
3. Каменотесы. (Пер. А. Островский)	85
4. Идиллия. (Пер. М. Комиссарова)	89

Профили и маски

Поэт

1. Песня и труд. (Пер. Е. Рывина)	93
2. Певцу. (Пер. Вс. Рождественский)	95

Украина

- Ляхам. (Пер. В. Успенский) 96

Листок любви

- «Нет не люби меня, девчина!» (Пер. Е. Рывина) 98

Знакомым и незнакомым

1. N. N. («Будь здорова, друг мой милый»). (Пер. В. Успенский) 100
2. Оле. (Пер. В. Давиденкова) 102
3. О. О. («Как печальны наши песни»). (Пер. В. Давиденкова) 104
4. Гриць Турчин. (Пер. А. Островский). 106

Сонеты

Вольные сонеты

1. «Рабы-сонеты. В них, как цепи, форма». (Пер. В. Азаров) 108
2. Котляревский. (Пер. Е. Нежинцев) 109
3. Народная песня («Взгляни на ручеек, сбегаящий с кургана»). (Пер. Вс. Рождественский) 110
4. Наука. (Пер. Е. Нежинцев) 111
5. «Вы так страшитесь той поры суровой». (Пер. Е. Нежинцев) 112
6. «В сонетах дивных Данте и Петрарка». (Пер. Вс. Рождественский) . . . 113

Тюремные сонеты

1. «Как скот: переписали наши лета». (Пер. В. Давиденкова) 114

2. «Ночь. Камера уснула. Там и тут». (Пер. Вс. Рождественский)	115
3. «В тюрьме мы поднимаемся раненько». (Пер. В. Давиденкова)	116
4. «В те дни, когда, как рыба, чуя се- ти». (Пер. Вс. Рождественский)	117
5. «Замолкла песня. Ей ли, златокры- лой». (Пер. Б. Кежун)	118
6. «Не гром ли, не гроза ль идет тюрь- мою?» (Пер. Б. Кежун)	119
7. Вошли. «Как имя?» — «Франко». — «Станко, что ли?» (Пер. В. Давиден- кова)	120
8. «О, как я ненавижу вас, машины!» (Пер. В. Азаров)	121
9. «Что волк овцу ест — жалко, да не диво». (Пер. В. Давиденкова)	122
10. «Болотный омут посреди Европы». (Пер. А. Островский)	123
11. «Тюрьма народов, обручем желез- ным». (Пер. А. Островский)	124
12. Эпилог. (Пер. Вс. Рождественский)	125

Г а л и ц и й с к и е к а р т и н к и

В шинке. (Пер. Б. Кежун)	126
Галаган. (Пер. А. Островский)	128
Журавли. (Пер. Вс. Рождественский)	130
Размышления на меже. (Пер. А. Про- кофьев)	133
Размышления над мужицким клином. (Пер. В. Азаров)	134
Отрывки из поэмы «Новая жизнь». (Пер. Б. Кежун)	136

Пьяница. (Пер. А. Островский)	139
---	-----

Еврейские мелодии

Сурка. (Пер. Е. Полонская)	149
--------------------------------------	-----

ИЗ ЛЕТ МОЕЙ МОЛОДОСТИ

Наш образ. Сонет. (Пер. В. Азаров)	163
Отъезд гуцула. (Пер. А. Островский)	164
Дань. (Пер. А. Решетов)	166
Рыбак. (Пер. В. Давиденкова)	168
Кормчий. (Пер. В. Давиденкова)	170

УВЯДШИЕ ЛИСТЬЯ

Горсть первая (1882—1893)

«Не знаю, что меня к тебе так привлекает». (Пер. Вс. Рождественский)	175
«Не боюсь я ни бога ни беса». (Пер. В. Давиденкова)	177
«Прекрасная! Зачем я так тебя люблю». (Пер. Л. Успенский)	178
«Так случайно в синий вечер». (Пер. Б. Кежун)	179
«Оставь надежду». (Пер. Вс. Рождественский).	181
«Твои очи — словно море». (Пер. А. Ост- ровский)	183
«Ни на что я не надеюсь». (Пер. Л. Ус- пенский)	184
«Если ты меня встречаешь». (Пер. Е. Не- жинцев)	185
«Я нелюдим! Чтоб заглушить». (Пер. Е. Рывина)	186

«На тебя не жалуясь я, доля». (Пер. Е. Нежинцев)	187
Призрак. (Пер. Н. Браун)	188

Горсть вторая (1895)

«В Перемышле, где Сан течет зеленый». (Пер. А. Островский)	191
«С полудней». (Пер. Л. Успенский)	194
«Красная калина, что в лугу ты гнешься?» (Пер. М. Комиссарова)	196
«Зачем никогда не смеешься». (Пер. А. Островский)	197
В вагоне. (Пер. А. Островский)	198
«Зачем являешься ты мне». (Пер. Л. Ус- пенский)	199
«Полегла дороженька». (Пер. В. Давиден- кова)	201
«Если б знал я чары туч сдержать удары». (Пер. Вс. Рождественский)	203
«Что счастье? Только тень мечты». (Пер. Вс. Рождественский)	205
«Коль не вижу тебя». (Пер. А. Островский)	206
«Коль услышишь в ночи, что за темным окном». (Пер. Л. Успенский)	207
«Сыплет, сыплет, сыплет снег». (Пер. А. Островский)	208

Горсть третья (1896)

«Коль зима разразится». (Пер. В. Азаров)	209
«Аллеей летнею, ночью». (Пер. В. Аза- ров)	210

«Каморка и кухня, два низких окошка». (Пер. Вс. Рождественский)	212
«Хотел я жизнь остановить». (Пер. В. Аза- ров)	213
«И он явился мне. Не чудищем рога- тым». (Пер. Л. Успенский)	215
«И ты прощай. Теперь тебя». (Пер. Анна Ахматова)	218

М О Й «ИЗМАРАГД»

П о к л о н ы

Поэт говорит. (Пер. Вс. Рождественский)	221
Украина говорит. (Пер. В. Давиденкова)	223
Сомнение. (Пер. В. Давиденкова)	225
Седоглавому. (Пер. Е. Нежинцев)	226
Декадент. (Пер. Е. Рывина)	228
Моей не моей. (Пер. В. Азаров)	230
Воспоминание. (Пер. В. Успенский)	231

П а р а н е т и к о н

«Степан, здорово! Что с тобою?» (Пер. Вс. Рождественский)	233
--	-----

П р и т ч и

Притча о красоте. (Пер. В. Владимиров)	234
Притча о глупости. (Пер. Вс. Рождествен- ский)	237
«На подгорье, в долах, по долинам» (Из цикла «По селам»). (Пер. М. Ко- миссарова)	241

В Бразилию

Письмо из Бразилии. (Пер. В. Владимиров) 244

ИЗ ДНЕЙ ПЕЧАЛИ

- «День и ночь сердитый ветер». (Пер. А. Островский) 251
- «Когда в задумчивости тяжелой». (Пер. Е. Рывина) 252
- «Третий год хочу с тобою». (Пер. В. Азаров) 253
- «Опять сомненья! Чур, не надо их!» (Пер. В. Давиденкова) 255
- «Вот панский дом! На взгорье у села». (Пер. Е. Нежинцев) 258
- «Привет тебе, мой друг, моя дубрава». (Пер. Е. Нежинцев) 260

В «plain air»

- «Из ворот Востока тайных». (Пер. В. Давиденкова) 261
- «Ходят ветры по краю». (Пер. Е. Нежинцев) 264
- «Ближе, ближе тучи с юга». (Пер. А. Островский) 266
- «Среди долин село лежит». (Пер. А. Островский) 267
- «Ой, идут, идут туманы». (Пер. А. Островский) 268
- «В дремоте села. За окном». (Пер. Е. Нежинцев) 269
- «Ночь. Кругом мертво и тихо». (Пер. Л. Успенский) 271

SEMPER TIRO

Semper tiro

Semper tiro. (Пер. Вс. Рождественский) . . .	281
Конквистадоры. (Пер. Б. Соловьев) . . .	283
«Из лесной идиллии» (Отрывок из первой песни). (Пер. Н. Браун)	285

Новые басни

Современная басня. (Пер. Вс. Рождествен- ский)	287
Мастер Свирид (Пер. А. Островский) . . .	290
«Мама, мама, сколько мук!» (Пер. Е. Не- жинцев)	293
Как там на небе? (Пер. В. Владимиров) . . .	295
Трагедия артистки. (Пер. В. Владимиров) . . .	299

На старые темы

«Не пора ли, братия, настала». (Пер. В. Давиденкова)	302
«То было за три дня перед венчаньем». (Пер. Б. Соловьев)	303
«Где не лились вы в нашей бывальщине». (Пер. М. Комиссарова)	306
Антошке II. (Пер. Б. Кежун)	307
«Вышла в поле русских сила». (Пер. Н. Браун)	309

И в книги Кааф

«За полночь. Глухо. Стужа. Ветер вьет». (Пер. А. Островский)	311
«Как голова болит!» (Пер. М. Комиссарова)	313
«Когда б ты знал, как много значит слово». (Пер. В. Давиденкова)	315

ПОЭМЫ

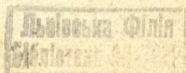
Иван Вишенский. Пролог. (Пер. А. Островский)	319
Моисей. Пролог. (Пер. В. Азаров)	322

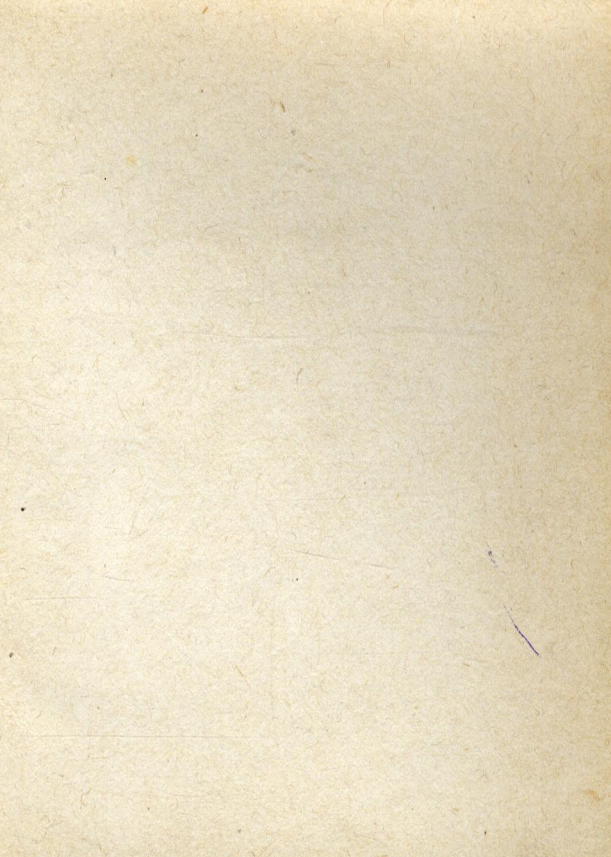
СТИХОТВОРЕНИЯ, НЕ ВОШЕДШИЕ В КНИГИ

Товарищам из тюрьмы. (Пер. Б. Кежун)	327
Современная песня. (Пер. Вс. Рождественский)	329
Ой, кто же лучшей долей обладает? (Пер. Е. Нежинцев)	331
Незабудка. (Пер. В. Давиденкова)	333
В атаку. (Пер. В. Давиденкова)	335
Рыбачка. (Пер. И. Наппельбаум)	337
Я забыл. (Пер. Б. Соловьев)	339
«Не раз бессонной ночью мнится». А. Островский)	340
Газелла. (Пер. Л. Успенский)	341
«Радость — искусство — и слава». Б. Кежун)	342
Мне снилось. (Пер. В. Азаров)	343
Моей жене. (Пер. Е. Нежинцев)	344

«Взгляни, я победил краса-девица!» (Пер. И. Нанпельбаум)	346
«Душа моя! Душа души моей!» (Пер. В. Азаров)	348
О. Лунатику. (Пер. В. Успенский)	350
«Погадай ты мне, цыганка» (Пер. В. Владимиров)	352
Буркутский романс. (Пер. Е. Нежинцев)	353
Из книги пророка Иеремии. (Пер. В. Успенский)	355
К музе («Муза любимая!»). (Пер. В. Успенский)	356
К музе («Ты вновь меня зовешь, моя богиня»). (Пер. Вс. Рождественский)	358
Когда-то и теперь. (Пер. А. Островский)	359
Смерть убийцы. (Пер. Вс. Рождественский)	361
Патриот. (Пер. Л. Успенский)	367
В 23-ю годовщину смерти Тараса Шевченко. (Пер. М. Комиссарова)	369
Примечания	371

Отв. редактор А. Кривошеева
М 1239. Тираж 15 000.
Подписано к печати 15/V 1941 г.
Печ. л. 12⁵/₈. Уч.-изд. л. 14,91.
Типография № 2 Управления
издательства и полиграфии Исполкома
Ленгорсовета Ленинград, Социалистическая, 14.
Заказ № 7214.

31.889

Ф $\frac{IV}{C-808}$

ФРАНКО

ФРАНКО